

детектив для девочек и мальчиков

Тайна пропавшей коллекции

детектив для девочек и мальчиков

Егор Конев

Тайна пропавшей коллекции

- 01

Минск
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор
1999

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)
К 64

Серия основана в 1999 году

Для среднего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Конев Е. Ф.

К 64 Тайна пропавшей коллекции: Для ср. шк. возраста. — Мн.: Современ. литератор, 1999. — 256 с. — (Детектив для девочек и мальчиков).

ISBN 985-456-239-5.

Детектив для девочек и мальчиков заинтересует читателя не только своим приключенческим сюжетом, колоритными героями и хорошим юмором. Он убеждает в том, что очень важно подрастающему человеку задумываться над тем, как справиться с той или иной трудностью в его жизни. (А ведь они возникают у каждого из нас!) И тут на помощь могут прийти умные книги. Не расставайтесь с ними! Читайте как можно больше!

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)

ISBN 985-456-239-5

© Современный литератор, 1999

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

В КОТОРОЙ НА ОТЦА НАСТАСЬИ

КУПРИЯНОВОЙ СОВЕРШАЕТСЯ

ПОКУШЕНИЕ

Больше всех в жизни Настасья любила отца. Правда, и маму тоже очень любила. Но все-таки считала себя папиной дочкой. Вообще-то девочке было всего двенадцать лет, и она была ещё Настей, но отец звал её по-взрослому — Настасья. И девочке это очень нравилось, поэтому она даже своему другу Пашке не позволяла называть себя уменьшительным именем.

В этот страшный день Настасья проснулась в шесть часов утра от еле различимого шороха за дверью. У девочки был чуткий слух. Ещё не открыв глаза, она определила, что отец одевается в прихожей. Настасья вскочила с кровати, пробежала босиком по ковру и чуть приоткрыла дверь.

Комната Настасьи была рядом со спальней родителей. Обе комнаты выходили в прихожую так, что двери находились рядом.

Девочка увидела отца и, как всегда, залюбовалась им...

Высокий широкоплечий мужчина сорока трех лет, с красивым волевым лицом, русыми, зачёсанными назад волосами, выдающимся

подбородком и голубыми глазами, стоял у входной двери.

Настасье нравилось, что отец был всегда подтянут и собран.

На этот раз отец был одет в чёрные брюки, синюю рубашку и лёгкую красную куртку. Он держал в руках чёрную кожаную папку с замком-«молнией».

— Вроде бы ничего не забыл, — удовлетворённо произнёс он, поглядев на жену.

На пороге спальни показалась Надежда Петровна — мама Настасьи. Она затянула поясок синего халата и обеспокоенно спросила:

— И куда ты собрался?

— Надо в Балашиху. Вернусь только вечером.

— Почему в такую рань?

— Служба такая, — чуть виновато улыбнулся он и слегка развёл руками.

Должно быть, жена не раз слышала от него эти слова.

— От тебя узнаешь! — без тени обиды упрекнула она.

— Да обычная служебная поездка, — успокоил муж.

— Так плохо спала, — пожаловалась женщина и прикоснулась ладонью к груди. — Какое-то тяжёлое предчувствие, Валик.

— Да эти предчувствия, родная, у тебя все пятнадцать лет, — усмехнулся Валентин Владимирович.

И тут он, забыв примету, вернулся от двери, подошёл к жене и поцеловал её в щёку. Потом заметил выглядывавшую из своей комнаты

Настасьё, наклонился к ней, погладил по голове и сказал:

— Не беспокойтесь за меня, мои дорогие женщины. Если вы будете думать, что всё будет хорошо, то всё и будет хорошо. Вы согласны со мной? Приказываю думать только о хорошем.

От взгляда Настасьи не укрылась наплечная кобура с пистолетом, которую отец скрывал под курткой.

«Если папа берёт с собой пушку, значит, дело серьёзное», — подумала девочка. У Настасьи тоже промелькнуло какое-то недоброе предчувствие, но она не знала, как это выразить, и коротко попрощалась с отцом:

— Будь осторожен, папа.

— Обещаю, — заверил Валентин Владимирович, извлекая из кармана куртки связку ключей и выбирая ключ зажигания от машины. — Позвоню сразу, как закончится встреча...

Он быстро вышел из квартиры, захлопнув дверь.

Мама и Настасья, не сговариваясь, поспешили на балкон. С высоты четвёртого этажа они видели, как Валентин Владимирович вышел из подъезда, подошёл к тёмно-жёлтому «Москвичу», сел в машину и завёл мотор.

— А зачем папа взял оружие с собой? — спросила Настасья у матери. — Он редко берёт...

Надежда Петровна, которая сама изнывала от беспокойства, поспешила успокоить дочь.

— Ничего странного, — сказала она На-

стасье. — Папе несколько минут назад позвонили с работы и сказали, что он должен срочно выехать. Ты же знаешь нашего папу! Он — человек долга. Тут же собрался. А что оружие с собой взял, так ведь ему полагается. У него работа трудная...

Ни она, ни Настасья точно не знали, чем занимается Валентин Владимирович. Когда Настасья просила отца рассказать, чем он занимается на работе, тот сокрушённо вздыхал.

— Да чем угодно, — говорил он, и Настасья видела, что папа лукавит. — Задерживаем разных хулиганов, чтобы они не обижали таких хороших девочек, как ты, стыдим их...

— И для этого тебе нужен пистолет? — хитро спрашивала девочка.

— Ну, милая! Это, чтобы они боялись...

Настасья прекрасно понимала, что и на этот раз отец поехал не хулиганов ловить и стыдить их, а по какому-то серьёзному делу, о котором он не может говорить даже самым близким людям.

Автомобиль отца тронулся с места, выехал с автостоянки и покатил в сторону шоссе Энтузиастов.

Солнце уже взошло, но ещё веяло ночной прохладой. Со стороны Рассветной аллеи долетал гул проносившегося поезда. Возле подъездов соседнего дома медленно двигался синий мусоровоз. Трое работников в грязных халатах и перчатках гремели металлическими баками, выбрасывая их содержимое в кузов.

— Ну, пойдём завтрак готовить, — негромко сказала мать.

Надежда Петровна прошла в комнату, а Настасья задержалась ещё немного на балконе. Она обратила внимание на красные «Жигули», которые стояли на площадке перед соседним жилым домом. Когда «Москвич» отца отъехал метров на пятьдесят от дома, «Жигули» тронулись с места и последовали за ним.

«Машина поехала сразу, значит, мотор был заведен заранее», — непроизвольно подумала девочка.

Не придав этому большого значения, она ушла с балкона.

— Что тебе на завтрак — овсянку или омлет? — спросила мать.

— Да не хочется пока есть, — чуть поморщилась Настасья. — Лучше я ещё немножко поваляюсь.

— Эх ты, соня, — укоризненно покачала головой Надежда Петровна. — Тебя во сколько ни разбуди, ты вечно не высыпaeшьсeя. Разве можно быть такой ленивицей?

— Я не лентяйка, — защищалась Настасья. — Я — филин. У меня повышенная активность ближе к вечеру и пониженная — ближе к утру. У меня всегда много важных дел. Поэтому я так поздно ложусь спать. А кроме того, у меня позавчера начались летние каникулы. Так что имею полное право быть лежебокой.

Девочка прошла в свою комнату, юркнула в постель и натянула одеяло до подбородка. Прищурив глаза, она посмотрела на потолок комнаты — по нему скользили солнечные зайчики. Она долго следила за ними и не заметила, как уснула.

Майор Федеральной службы безопасности Валентин Владимирович Куприянов притормозил у светофора и посмотрел на электронные часы над приборной панелью — 6.12.

«Могу не успеть, — подумал он. — Савелий сказал, что Ефимов ждет меня к семи часам... Шеф, конечно же, привык к тому, что я никогда не опаздываю... Странно, кстати, что Ефимов мне сам не позвонил. С чего вдруг он поручил Савелию? На шефа это не похоже... Что же там стряслось, в этой Балашихе?..»

На светофоре загорелся зелёный свет. Куприянов рванул вперёд, потом сбросил скорость и свернул с Владимирской улицы на шоссе Энтузиастов, которое вело за город, и разогнал машину до восьмидесяти километров.

Красные «Жигули» двигались за «Москвичом» Куприянова на таком расстоянии, чтобы не привлекать к себе внимания, но и не терять объект из виду. В салоне «Жигулей» сидели двое мужчин в одинаковых чёрных кожаных куртках, синих майках, широких спортивных штанах и кроссовках «Рибук». У одного из них, водителя, длинные русые волосы были заплетены на затылке в косичку. Второй, сидевший рядом с ним и державший в руках портативную рацию, был наголо побрит.

Когда машина Куприянова помчалась по шоссе Энтузиастов, пассажир «Жигулей» поднёс ко рту переговорное устройство и произнёс:

— Говорит Четвёртый. Кабан движется прямо в вашу сторону. Как меня поняли, Шестой? Приём.

— Понял вас, Четвёртый, — слышался в передатчике хрипловатый голос. — Пока не приближайтесь к объекту. Скажи Третьему, пусть чуть сбавит. Надеюсь, кабан не пустой? Как меня поняли? Приём.

— Когда садился в машину, у него была при себе папка, — ответил Четвёртый. — Я тебя понял. Конец связи.

Он отключил радиопередатчик, достал из бардачка бинокль и приказал водителю:

— Сбрось немного. Не надо маячить на виду у кабана.

Третий послушно сбавил скорость. Расстояние между тёмно-жёлтым «Москвичом» и красными «Жигулями» постепенно увеличивалось. Но Четвёртый пристально наблюдал за машиной Куприянова в военный бинокль, приближавший объект настолько, что, казалось, до «Москвича» можно дотронуться рукой.

После того, как остался позади пост автоинспекции, Куприянов разогнал машину до ста километров в час. Следивший за ним Четвёртый мрачно хмыкнул и процедил сквозь зубы:

— Торопится кабан? Куда бы это? Жаль, не узнаем.

Утреннее шоссе было пустынным. По обе стороны дороги тянулся низкий ельник. В просветах между деревьями мелькали поля и луга, дачные посёлки с хаотичной застройкой, массивные коттеджи «новых русских», обнесённые высокими кирпичными заборами.

С правой стороны остался городок Реутов. Куприянов миновал железнодорожный переезд. До Балашихи оставалось менее десяти километров.

«А ведь, пожалуй, успею», — подумал Валентин Владимирович.

Он включил радиоприёмник, усилил звук и выжал педаль скорости до ста десяти километров в час.

— Не ушёл бы, — сказал Третий.

— Не уйдёт, — ответил Четвёртый.

Он взял с заднего сиденья пластмассовый дипломат, положил на колени, поднял крышку и достал два автомата системы «Узи». Потом присоединил к оружию магазины с патронами и отстегнул свой ремень безопасности.

«Жигули» начали постепенно приближаться к «Москвичу».

Четвёртый натянул на руки тонкие резиновые перчатки и протянул такую же пару водителю. До места «контакта с мишенью» оставалось меньше двух километров.

С левой стороны от шоссе осталась деревня Горенки. Вдали показались окраины посёлка Пехра-Яковлевский. Слева от дороги тянулся лес, справа раскинулось широкое поле.

Бросив взгляд на зеркальце заднего обзора, Куприянов заметил наконец красные «Жигули», которые мчались в каких-то ста метрах от него, и подумал:

«Эта машина маячит от самой Москвы. Уж не «хвост» ли увязался?..»

В следующее мгновение Куприянов резко нажал на тормоз. Но было уже поздно.

С лесной просеки неожиданно выехала грузовая машина и закрыла дорогу. Избежать столкновения Куприянову не удалось, грузовик оказался слишком близко. «Москвич» в крутом развороте задел бампер грузовика и был отброшен на обочину. Почти на лету, сделав одновременно два стремительных движения руками, Куприянов открыл дверцу и отстегнул ремень безопасности. Когда машина ударилась о край кювета, Куприянова выбросило из салона.

Красные «Жигули» остановились рядом с грузовиком, перегородившим шоссе. Третий и Четвёртый выскочили из машины и побежали к «Москвичу», стреляя на ходу из автоматов.

Автоматные очереди всколыхнули утреннюю тишину. Над лесом с шумом поднялась стая птиц и закружила над местом побоища. Пули прошивали салон «Москвича» насквозь. Вдребезги разлетались лобовое и боковые стёкла машины.

Расстреляв половину обоймы, Третий и Четвёртый заглянули в салон «Москвича».

— Где кабан? — удивился Четвёртый.

Куприянов лежал в пяти метрах от машины, и по всему было видно, что мёртв.

Четвёртый подошёл к неподвижно лежащему Куприянову, вскинул автомат, прицелился в голову и нажал на курок, чтобы сделать контрольный выстрел. Раздался щелчок.

— Осечка, чёрт! — выругался Четвёртый. — Да ладно, мертвее не бывает...

— Обыщи кабана, — велел Четвёртый Третьему и отошёл в сторону.

Третий перевернул Куприянова на спину и обшарил карманы куртки. Он переложил к себе в кожанку бумажник Куприянова, связку ключей и брезгливо поморщился от запаха крови.

Четвёртый взял чёрную папку с переднего сиденья и небрежно бросил:

— Рвём когти!

Сжимая чёрную папку под мышкой, он на ходу передёрнул затвор автомата и снова нажал на спусковой крючок. И опять прозвучал щелчок.

— Оружие ни к чёрту! — выругался бандит и побежал к машине. — Долбани тачку.

Третий достал из кармана своей куртки «лимонку», выдернул чеку и забросил в салон «Москвича».

Грузовик дал задний ход и развернулся.

Третий и Четвёртый поспешили к «Жигулям», на бегу стаскивая с рук резиновые перчатки.

Третий не отключал мотор, поэтому «Жигули» сразу сорвались с места.

Через семь секунд, когда грузовик и «Жигули» отъехали на сто метров, раздался взрыв. Столб пламени взвился над обочиной дороги. Взрывная волна подкинула капот «Москвича» высоко в небо, и он, планируя, стал падать.

Оглянувшись назад, Четвёртый расхохотался и сказал своему напарнику с восхищением:

— А красиво, ёжкин клёш!

— Салют в честь кабана, — подхватил Третий.

Четвёртый положил оружие и перчатки обратно в дипломат, бросил его на заднее сиденье и удовлетворённо похлопал себя по коленям. Посмотрев на часы, Четвёртый сказал:

— Уложились за двадцать секунд. Циклоп будет доволен.

— Никогда точно не знаешь, что обрадует шефа, а что огорчит, — философски изрёк Третий. — Так что пока рано ликовать...

— Пристрели меня, если Циклоп окажется недоволен, — пошутил Четвёртый и погладил обеими ладонями бритую голову.

— Обязательно, — пообещал Третий и тряхнул косицей. — Пристрелю. По-дружески...

И расхохотался своей шутке.

«Жигули» и грузовик мчались по пустынному шоссе на значительном расстоянии друг от друга, в сторону Москвы. Через четыре часа бандитам предстояло увидеться с шефом, которого звали Циклопом.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*В КОТОРОЙ У СЕМЬИ КУПРИЯНОВЫХ
ПОЯВЛЯЕТСЯ ОДИН ШАНС ИЗ ТЫСЯЧИ*

Мама была права, когда совестила Настасью за то, что она такая соня. В самом деле, девочка любила поспать часов до одиннадцати утра, а то и до полудня.

Родители приучали дочь рано ложиться и рано вставать. Но все их усилия оказывались безуспешными. Даже если Настасья ложилась в кровать в девять вечера, она никак не могла уснуть раньше полуночи, а утром, когда надо было идти в школу, во сколько бы её ни будили, всё равно хотела спать. Позднее, вычитав в газете теорию о «жаворонках» и «совах», Настасья заявила родителям, что она — «сова», и ничего тут не поделаешь.

Её любимым днём недели было воскресенье, когда не надо было идти в школу. А любимым временем — каникулы, всё равно какие: летние, зимние, осенние или весенние — лишь бы не вскакивать спозаранку под трескотню будильника.

В эту первую летнюю неделю Настасья прямо-таки блаженствовала оттого, что может вставать, когда заблагорассудится, и может валяться в постели, сколько душе угодно.

Шестой класс она закончила на «отлично»

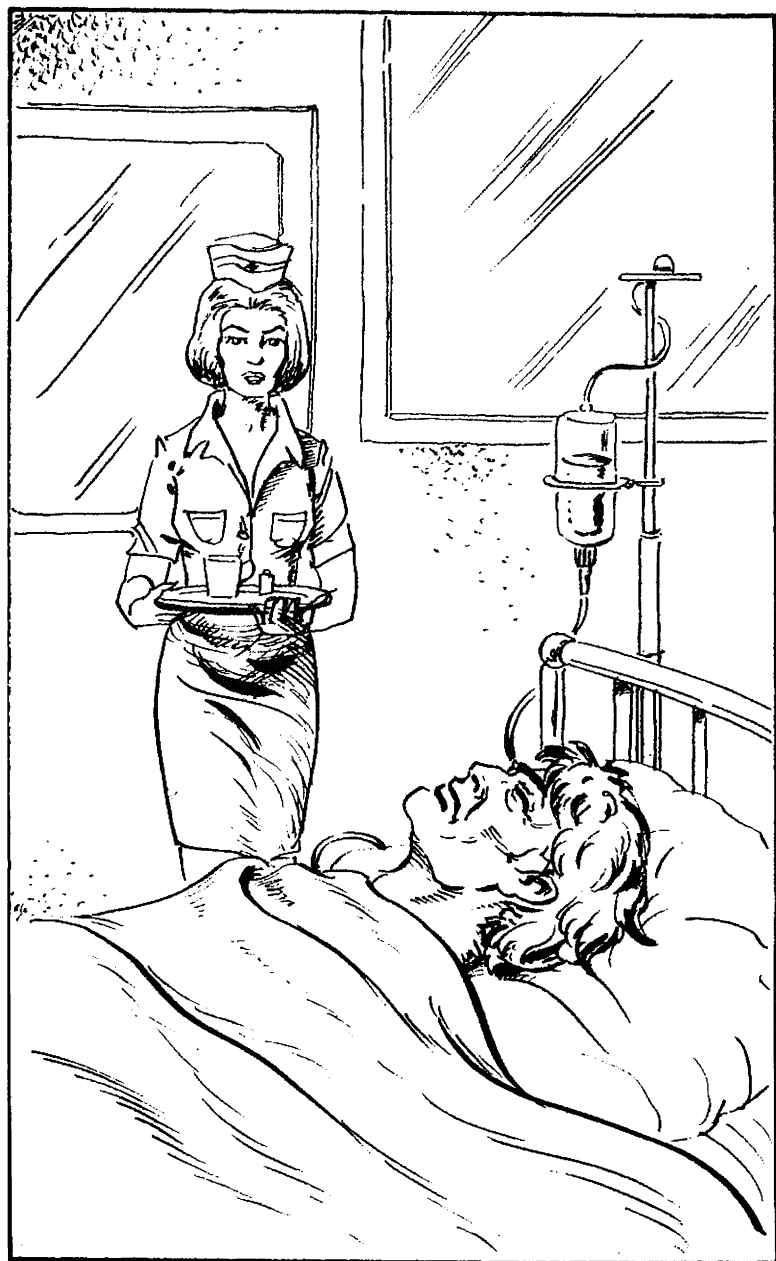
почти по всем предметам. Она не была усердной ученицей. Для этого ей не хватало усидчивости и терпения. Ей было скучно сидеть на уроках, и учителя часто делали ей замечания за то, что вертится за партой, болтает с соседкой и мешает учиться другим.

В учебе Настасью выручала хорошая память. Она легко усваивала предметы, быстро запоминала и в любом материале умела выделять главные, узловые моменты. Но после того, как ей становилось всё понятно, Настасьей овладевала неимоверная скука, и она начинала шушукаться с подружками, писать записочки и корчить гримасы одноклассникам.

Регулярно, раз в месяц, а то и раз в две недели, учителя записывали в дневнике Настасьи красным стержнем: «Поведение — неуд!»

В такие дни девочка спешила заручиться поддержкой матери или отца до того, как они обнаружат замечание в дневнике. Настасья поочередно ласкалась то к маме, которую называла «мамулик», то к папе, которого звала «папулик», и просила рассказать ей, какими они были в её возрасте. Не чувствуя подвоха, «папулик» со вздохом признавался, что в детстве был отчаянным хулиганом и его только чудом не исключили из школы. А «мамулик» говорила, что училась неважно, больше перебивалась с «тройки» на «четвёрку».

И тогда Настасья показывала «папулику» свой дневник и торжественно произносила:

— Я — вся в тебя, папочка. Такая же хулиганка.

— Вот это меня как раз и не радует, — признавался Куприянов.

А «мамулику» дочка говорила:

— Учителя мною так же недовольны, как и тобой когда-то, мамочка, но зато учусь я намного лучше.

Со временем родители привыкли к тому, что если Настасья начинает к ним подлизываться, значит, опять что-то натворила в школе. В таких случаях папа сразу переходил к делу:

— Признавайся: ты там снова набедокурила? Небось, опять мне автограф учителя в дневнике покажешь?

— Ну, раз уж ты так просишь, папулик, то покажу, — с лукавым видом соглашалась дочь и раскрывала дневник.

Но иногда выдавались дни, когда у обоих родителей было не самое лучшее настроение, например, у отца случались неприятности на работе, а у матери в который раз задерживали зарплату. В такие дни Настасья не решалась показывать дневник и благоразумно выжидала, когда расположение духа родителей изменится к лучшему...

В тот июньский день, проведив отца в Балашиху, Настасья твёрдо решила поваляться в кровати до полудня. Дальнейших планов на день у неё пока не было — не любила заглядывать далеко вперёд.

В одиннадцать утра её разбудил телефонный звонок. В квартире Куприяновых было

два телефонных аппарата, один — в спальне родителей, второй — на кухне.

Девочка слышала, как мать, которая готовила завтрак, подняла трубку и громко спросила, кто звонит. Затем она молчала, видимо, слушая то, что ей говорили по телефону. Потом отчаянно закричала:

— Нет!!!

Девочка слышала, как мама уронила трубку на аппарат, а затем до слуха Настасьи донеслись приглушённые рыдания. Мама, видимо, не хотела испугать дочь.

Настасья сбросила одеяло, вскочила и, шлёпая босыми ногами по линолеуму, побежала на кухню.

«Случилась беда! — промелькнуло у неё в голове. — Должно быть, что-то с папой...»

Настасья увидела мать со спины. Та сидела на табуретке, опершись локтями о подоконник и слепо смотрела в окно. По её лицу текли слёзы, которые Надежда Петровна вытирала тыльной стороной ладони. Она была в каком-то странном оцепенении. Даже не почувствовала, как девочка осторожно коснулась её плеча, не слышала, как скворчит яичница на плите и свистит закипевший чайник.

Настасья выключила плиту, нежно обняла мать за шею и тихо спросила:

— Что случилось, мама?

От её тихого голоса мать вздрогнула, словно рядом прозвучал выстрел.

— Папу убили, — с трудом выговорила она.

— Нет!!! — закричала Настасья, зажимая

уши ладонями и опускаясь на табурет. — Я не хочу! Так не должно быть! Ты ошиблась? Ты не расслышала! Ведь могла ошибиться? Могла?

Надежда Петровна ничего не ответила, только качала головой, не соглашаясь с дочерью. Она снова отвернулась к окну, не желая, чтобы дочь видела её слезы, её отчаяние.

А Настасья вдруг почувствовала, как холодно её босым ногам.

— Я не верю, мама! — простонала девочка. — Папа не мог погибнуть, не мог нас оставить.

Настасья вдруг резко поднялась, подошла к кухонному крану и начала мыть грязную посуду, которую накануне папа попросил её убрать, а она чем-то отвлеклась и забыла.

И всё это время, пока она мыла, в кухне было тихо. Те несколько минут тишины Настасья впоследствии вспоминала, как самые страшные минуты своей жизни.

Внезапно тишину взорвал телефонный звонок. Нервы девочки были настолько напряжены, что от этого звона она на какое-то время оглохла и выронила тарелку из рук.

Мать совершенно не отреагировала на телефонный звонок. Может быть, она даже его и не слышала: весь белый свет перестал для неё существовать. Теперь, когда сослуживец Валентина сказал ей, что мужа убили, что могла она услышать по телефону важнее и страшнее этого?

Видя, что мать даже не поворачивает голову в сторону телефона, Настасья вытерла руки о ночнушку и решительно сказала:

— Я сама возьму трубку, хорошо?

Едва она подняла трубку, как оттуда послышался громкий голос Вадима Сергеевича Ефимова, которого Настасья хорошо знала и который был начальником её отца:

— Это ты, Надя?!

— Нет, это я, Настя, — глухо ответила девочка. — Извините, Вадим Сергеевич, но мама сейчас не может подойти. Что ей передать?

— Вам уже звонил Галушкин? — быстро спросил Ефимов.

«Значит, первым позвонил Галушкин», — подумала девочка и ответила:

— Звонил. Он нам всё сказал.

— Так вот он ошибся, — в голосе Ефимова прозвучали взволнованные нотки. — Твой папа не погиб. Он тяжело ранен, потерял много крови. Он без сознания.

— Жив!!! — закричала Настасья и едва не выронила трубку. — Мама! Мама! Папа жив!

Мать вскинула голову и широко открытыми от изумления глазами посмотрела на дочь. Она поднялась и подошла к дочери. С какой-то опаской, словно боясь обжечься, Надежда Петровна потянулась к трубке.

— Вадим Сергеевич, повторите, пожалуйста, это моей маме! — закричала Настасья и передала трубку Надежде Петровне.

— Наденька, только не вешай носа, — сказал Ефимов матери. — Валика только что отвезла «скорая» в реанимацию. Я звоню тебе с места происшествия. Это удивительно, но он остался жив. Он молодец, наш Валик! Галушкин первым сюда приехал. Когда увидел Вали-

ка, подумал, что мёртв. Ты уж прости его, он ошибся... Поэтому я поспешил позвонить...

— Я немедленно еду к мужу! — решительно произнесла Надежда Петровна.

— Я сам отвезу вас в госпиталь, — сказал Ефимов. — Заеду за вами. Ровно через час. Мне надо кое о чем поговорить с вами.

Надежда Петровна положила трубку и осталась стоять над телефоном.

— Мама, папа жив! — теребила её Настасья.

Мать молчала, словно чего-то ещё не понимала.

— Мама!

Надежда Петровна очнулась и строго сказала:

— Умывайся и одевайся. Едем к папе.

Ровно через час, как и обещал, в дверь квартиры позвонил Вадим Сергеевич Ефимов. К этому времени мать и дочь уже собрались и ждали его.

Ефимов был старше Настасьино папы на два года. Это девочка знала из разговоров родителей. Настасья знала и то, что Вадим Сергеевич возглавляет большой отдел в Федеральной службе безопасности. Папа Настасьи и Савелий Галушкин были его заместителями. Галушкин был младше папы на четыре года. Как папа говорил маме, в отличие от других начальников Ефимов прилагал все усилия к тому, чтобы его заместители не враждовали между собой, а помогали друг другу в работе.

Тем не менее, пару раз Настасья слышала и такое: «Галушкин относится к её папе высокомерно, хоть и старается это скрывать».

Однажды на дне рождения отца Настасья услышала разговор мамы с подругой. Надежда Петровна сказала, что в своё время именно Ефимов познакомил её с будущим мужем. Двадцать лет назад Надежда Петровна приехала из далёкого Тобольска в Москву и поступила в педагогический институт. Она познакомилась с Вадимом Ефимовым на поэтическом вечере в Политехническом музее. Они подружились, а затем Ефимов начал ухаживать за красивой сибирячкой. Ефимов познакомил Надежду со своими друзьями. В их числе был и Валентин Куприянов — он вместе с Вадимом учился в Высшей школе Комитета государственной безопасности СССР.

Но затем пути Ефимова и Надежды разошлись. Внезапно, без всяких объяснений, Вадим перестал встречаться с ней. Вскоре она узнала, что он женился на дочери очень влиятельного офицера госбезопасности, вхожего даже в Кремль. Эта женитьба помогла Вадиму сделать блестящую карьеру в органах. Но в семейной жизни, по слухам, был не особенно счастлив.

Надежда долго переживала из-за этого разрыва, винила во всём себя. Она считала, что слишком простовата и даже, быть может, глупа, если уж такие хорошие люди, как Вадим, перестают с ней встречаться.

Как-то неожиданно и всё чаще рядом

с ней стал появляться Валентин Куприянов. На правах их общего друга он утешал девушку, доказывал, что вовсе она не плохая и не глупая, а очень даже хорошая, красивая и умная. Поначалу Надежда дорожила дружбой с Валентином и только. Но со временем она стала замечать, что Валентин питает к ней не только дружеские чувства. К тому времени Надежда заметила и за собой одну странность: она всё реже вспоминала Вадима. На последнем курсе педагогического института, Надежда вышла замуж за Валентина и осталась работать в Москве. На их свадьбе Ефимов был шафером. Между ним и Надеждой возникли дружеские отношения. При встрече они обращались друг к другу на «ты». Куприяновы часто приглашали Ефимова на свои семейные праздники, а тот зазывал их к себе в гости.

Возглавив отдел в ФСБ, Ефимов предложил Валентину занять должность своего заместителя.

— Всю жизнь ты был моим самым лучшим другом, — признался он Валентину. — Я знаю, что тебе можно доверять. А главное — ты честный человек. По нынешним временам — большая редкость.

Куприянов согласился...

Сейчас, увидев Ефимова на пороге своей квартиры, Надежда Петровна вспомнила обо всём этом, и у неё вместо приветствия вырвалось:

— Лучше бы он не соглашался идти к тебе в заместители! Тогда бы ничего не случилось...

Настасья подумала, что мама не совсем права, но смущённо промолчала.

Ефимов сделал вид, будто ничего не слышал, и быстро проговорил:

— Валик уже в госпитале. Едем к нему.

Надежда Петровна спохватилась, что завела речь о чём-то второстепенном, не имеющем значения, и поспешно согласилась:

— Да, идём...

Ефимов приехал за ними на служебной чёрной «Волге». За рулём сидел личный шофёр Ефимова, молчаливый человек в чёрном костюме и белой рубашке. Этот человек постоянно что-нибудь держал во рту — то жевательную резинку, то леденец. Настасья так никогда и не узнала, как его зовут. Ефимов обращался к нему по отчеству — Петрович.

Когда они втроем вышли из подъезда, Ефимов предупредительно открыл переднюю дверцу «Волги» перед Настасьей.

— Отсюда лучше видно дорогу, — сказал он. — Не забудь пристегнуться.

Сам Ефимов и Надежда Петровна сели сзади.

— Петрович, в госпиталь, — приказал Ефимов.

Водитель включил радиоприёмник, настроенный на волну «Рокс». Но тихая музыка не помешала услышать Настасье разговор на заднем сиденье.

— Надя, куда и зачем ехал Валентин? — спросил Ефимов.

— Он ехал в Балашиху, — ответила Надежда Петровна. — Ты ведь сам его туда вызвал.

Всегда спокойный и уравновешенный Ефимов не смог сдержать изумления:

— Я его туда не вызывал! С какой стати мне было его туда звать? Сегодня в полдень Валентин должен был выступить на оперативном совещании. Он раскопал что-то очень важное и должен был доложить о результатах... Вспомни, пожалуйста, во всех подробностях, что случилось сегодня утром у вас дома. Ты не заметила ничего странного?

— В половине шестого нам позвонили. Валик поднял трубку. Я ещё спала, поэтому не расслышала, кому и что он отвечал. Он разбудил меня и сказал, что должен срочно ехать в Балашиху. Кто-то ему сказал, будто ты ждёшь его там. Он собрался и уехал. Вот и всё.

— Эх, знать бы, кто именно ему звонил, — сокрушённо произнёс Ефимов. — Должно быть, кто-то из тех, кому доверял Валентин. Валик — человек осторожный. Так просто он не сорвался бы с места, если бы заподозрил неладное...

— Спасибо, — вдруг произнесла Надежда Петровна.

— За что? — удивился Ефимов. — За то, что я не уберёг твоего мужа от пули?

— За то, что не сказал «Валик был осторожным человеком», — пояснила Куприянова. — Значит, ты веришь, что Валентин выживет.

— Верю, — честно ответил Ефимов. — Но я всегда был с тобой честен. Буду честен и на этот раз. Шанс Валентина — один из тысячи.

Но даже ради этого единственного шанса стоит бороться до конца. И я тебе обещаю, Надеенька, что найду того гада, который заманил Валика в ловушку. Обещаю, что найду тех гадов, которые изрешетили его. Найду того гада, который заказал убийство Валентина.

— Ты найди врача, который спас бы Валентина, — с тихим упрёком попросила Надежда Петровна.

— Врачи в нашем госпитале классные, — уверенно произнёс Ефимов.

«Я тоже хотела бы поймать этих гадов!» — чуть не выкрикнула Настасья, не упустившая из разговора ни единого слова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*В КОТОРОЙ БАНДИТЫ ТОЖЕ УЗНАЮТ,
ЧТО У НИХ ЕСТЬ ОДИН ШАНС ИЗ ТЫСЯЧИ*

Красные «Жигули» и грузовик повернули с Кольцевой дороги на Ярославское шоссе. В районе Пушкино машины свернули в лес и долго ехали по дороге, которая вела к Учинскому водохранилищу. В условленном месте, на берегу, с трёх сторон окружённом сосняком, «Жигули» и грузовик остановились.

Третий, а за ним Четвёртый, державший под мышкой чёрную папку Куприянова, вышли из машины и направились к шефу.

Шеф сидел на раскладном кресле. Берег, поросший репеем, полого спускался к воде. Шеф был одет в бело-синий костюм «Адидас», синюю майку и мягкие кожаные туфли. Шеф держал в руках складную бамбуковую удочку и любовался сквозь стёкла солнцезащитных очков бликами на зеленоватой воде. Солнце отражалось на его золотых наручных часах «Роллекс».

На вид ему было чуть больше пятидесяти, но волосы у него были совершенно седые.

Рядом с ним, в таких же креслах и с такими же удочками в руках, сидели два широкоплечих парня, коротко стриженных, в чёрно-красных спортивных костюмах и кроссовках.

На поясе у каждого висел сотовый телефон, а на груди, под куртками, — кобура с пистолетом.

Чуть поодаль от берега, в тени деревьев, стоял чёрный «Мерседес». Водитель дремал на своём сиденье, приоткрыв дверцу и высунув ноги наружу.

У шефа клевало — поплавок его удочки нырял. Но он не подсекал рыбу. Телохранители не решались указать на это шефу — его не следовало беспокоить, когда он думал.

Но Четвёртого прямо-таки распирало от самодовольства. Он не без оснований полагал, что нынче утром отличился и поэтому может заявить о себе. Он предупредительно кашлянул в кулак.

Один из телохранителей мрачно посмотрел на него и сдержанно процедил:

— Заткни хайло. Всю рыбу распугаешь.

— Он не мешает, Первый, — буркнул шеф, встал с кресла, потянулся и повернулся к Четвёртому: — Пятый и Шестой наблюдали за вашей работой из кабины грузовика. Они должны были подстраховать вас на тот случай, если вы облажаетесь. Таков уж мой принцип — все друг друга подстраховывают, все друг за другом наблюдают.

Воспользовавшись паузой, Четвёртый поспешил похвастаться:

— Мы не облажались, Циклоп. Обтяпали дельце чин-чинарём. Без единого свидетеля, и всего за две минуты. Вот, что осталось от нашего кабана...

И он помахал папкой.

Положив удочки, телохранители встали рядом с шефом, на голову возвышаясь над ним. Циклоп сделал знак рукой тем, кто сидел в кабине грузовика. Они вышли и направились к берегу. Пятый и Шестой, в отличие от напарников, были одеты неброско — в потёртые джинсы, дешёвые куртки и клетчатые рубашки.

— Вы постарались на славу, — усмехнулся Циклоп, вновь обратившись к Третьему и Четвёртому. — Я тут с Первым и Вторым безмятежно кайфовал, ловил рыбку и радовался, какие у меня надёжные исполнители. А потом мне звонит один хороший друг. И что же я узнаю от него?

Шеф выдержал многозначительную паузу и снял тёмные очки. Открылась чёрная повязка, скрывавшая отсутствие левого глаза.

Это был плохой признак. Циклоп демонстрировал подчинённым выбитый глаз только тогда, когда бывал очень разозлён.

Третий раньше напарника сообразил, что они проштрафились. Он даже не пытался понять, в чём допущен прокол. Его парализовал такой страх, что он неподвижно устоял в переносицу Циклопа. Четвёртый начал нервно переступать с ноги на ногу, переключать папку из левой руки в правую и наконец спросил:

— Так что же сказал «хороший друг»?

— Он сказал, что ваш кабан не добит, — усмехнувшись произнёс Циклоп. — Он сказал, что кабана отвезли в реанимацию. Каково же было моё

удивление, когда я узнал, что кабана не разнесло на куски вместе с его тачкой...

— Он выпал из машины, когда мы стреляли в него, — торопливо заговорил Четвёртый, боявшийся, что его перебьют и не дадут оправдаться. — Когда всё закончили, я подошёл, чтобы добить кабана, гляжу — нужды нет. Ну и стало жалко тратить на эту падаль «лимонку».

Шеф угрюмо молчал. Молчали и его телохранители. Это молчание казалось Четвёртому таким ужасным, что его рука непроизвольно потянулась к нагрудной кобуре. Но он понимал, что не успеет схватиться за пистолет. Первый и Второй, телохранители шефа, а также Пятый и Шестой, стоявшие у него за спиной, изрешетят его раньше, чем он успеет это сделать.

— Всё так и было? — обратился Циклоп к Третьему.

Но Третий, у которого вспотел от напряжения лоб, даже не расслышал вопроса. Он видел, как шевелятся губы Циклопа, но не улавливал смысла слов.

— Разинь варезку, отвечай, если спрашивают! — угостил его пощёчиной Первый.

Третий прижал ладонь к покрасневшей щеке и растерянно кивнул.

— Ага.

— Что значит твоё — ага?

— Так и было.

Циклоп платком вытер свой лоб.

— Да, жарковато сегодня. И ты чего-то потеешь, как свинья.

Подчинённые Циклопа, приученные реагировать на юмор шефа, разразились громким хохотом. Четвёртый тоже попытался улыбнуться, но выглядело это так, словно он вот-вот заплачет.

— Почему не был сделан контрольный выстрел? — ледяным тоном спросил шеф, моментально изменившись в лице.

Смех подчинённых тут же смолк. Наступившая тишина подействовала на Четвёртого оглушающе. И вдруг он заорал:

— Автомат заклинило! Дерьмо какое-то, а не оружие! Сам посмотри! Я сейчас его принесу!

Он резко повернулся и сделал шаг к красным «Жигулям», но Шестой толкнул его в грудь и рывкнул:

— Торчи, где воткнули!

Четвёртый повернулся к Циклопу и от страха завопил:

— Чмо буду, если соврал! Если и допустил промашку, то нечего брать на понт!..

Циклоп поморщился от его крика, лениво подняв правую ладонь, щёлкнул двумя пальцами и направил указательный на Четвёртого. По его знаку Пятый и Шестой схватили Четвёртого за локти, а Второй достал из его нагрудной кобуры пистолет. Затем Четвёртого отпустили и отошли от него на пару шагов.

Третий подождал несколько секунд: не собираются ли и его разоружать? Но сообразив, что его пистолет остаётся при нём, решил показать свою активность, выхватил у Четвёрто-

го из-под мышки чёрную папку, передал Циклопу и сам отступил от напарника на три шага.

Четвёртый оказался окружённым со всех сторон и понимал, что из этого кольца не выбраться живым. Он стал потирать ладонью бритую голову, словно этим жестом мог помочь своим мозгам что-то придумать ещё в своё оправдание.

Циклоп открыл кожаную папку, заглянул в неё и произнёс:

— Ты меня горько разочаровал. Что значит — «чмо», «брать на понт»? Я запретил употреблять жаргон в разговорах. Мне это неприятно, потому что напоминает о тех урках, которые выбили мне глаз. А я не терплю неприятных воспоминаний. И ты это знаешь. Значит, специально раздражаешь меня. В моей организации нет даже прозвищ. У вас нет кличек и нет имён, только порядковые номера. Ваши номера — это моя дань молодости. Когда-то я ходил в подающих надежду математиках. А ты, Четвертак, самым гадским образом нарушаешь дисциплину и мои правила.

Он передал папку Второму и начал просматривать извлечённые из неё бумаги Куприянова.

— Правила одинаковы для всех, — с нарочитыми расстановками продолжал он читать нотации. — Если уж ты разобрался с клиентом, то будь любезен сделать контрольный выстрел. В противном случае кто-нибудь другой не поленился сделать контрольный выстрел в твою безмозглую башку. И то, что пушку

заклинило, — это твоя проблема. Ты не должен был создавать мне проблемы. Мог бы всё-таки не пожалеть гранату на мента поганого. Но ты этого не сделал, Четвертак. Из-за этого возникла проблема. Очень серьёзная проблема... Мой друг, который поднял кабана из берлоги, может засветиться. Если к кабану вернётся память, то он скажет, кто позвал его в Балашиху на встречу с начальством. И тогда нам всем придётся плохо, даже очень плохо. А виноват только ты...

Он раздражённо скомкал листы, в которых не нашёл ничего важного для себя, и пошарил рукой внутри папки.

— Больше ничего не нашли? — быстро спросил он Третьего.

— У кабана при себе было ещё это, — достал Третий связку ключей.

Реакция шефа оказалась неожиданной. Он грязно выругался, швырнул на землю скомканные бумаги, чёрную папку и начал топтать ногами.

— Столько стараний, и всё псу под хвост! — обозлился он. — Для чего я завалил Быка? Для чего рисковал своим другом? Для чего вообще старался, если вам нельзя ничего поручить? Как можно с вами работать?

Бандиты подавленно молчали. У Четвёртого даже промелькнула слабая надежда: он подумал, что всё к лучшему — если шеф ругается, а не действует, то может ограничиться словами и не применит крутых мер.

Но Циклоп был слишком зол, чтобы не отыграться на ком-то. Он подскочил к Четвёр-

тому, поднёс к его лицу руку и выкинул, согнув в кольцо, два пальца, указательный и большой.

— Несколько маленьких круглых предметов, вот такого размера, — произнёс он чуть заикаясь от возбуждения. — Мне нужны были только эти предметы. Из-за них я отправил на тот свет Быка вместе с его телохранителями. Я знаю, что эти вещички у мента поганого. Всё, что от тебя требовалось, — достать их! Неужели это было так трудно? Почему этого не сделал?

— Я старался, — искренне ответил Четвёртый. — Может, кабан не взял того, о чём вы говорите...

— Почему не выяснил?! — бешено заревел Циклоп.

— Как я мог?

— Проверил карманы? Обыскал кабана?

— Нет. Я думал, нужна папка. Там бумаги...

— На кой чёрт они мне! Ты оставил свидетеля. Мой друг оказался в опасности. И пришёл с пустыми руками...

— Я не понимаю, о чём речь...

Циклоп шумно выдохнул воздух и взмахнул руками, словно стряхнув с себя что-то липкое. Приступ бешенства миновал, вернулась обычная хладнокровная жестокость.

— О чём речь... — усмехнулся он. — А речь о том, дражайший Четвертачок, что этим утром ты мог стать богатым. И мы тоже. Но ты упустил шанс. Вот почему станешь трупом.

— Не спеши, — взмолился Четвёртый. — Я всё исправлю. Кабан не успеет очухаться, как уберу. В раю он будет свидетелем.

— Ты уже ничего не исправишь, — проговорил Циклоп с таким видом, словно жалел, что вынужден убивать Четвертого. — Мне ротозеи не нужны. Понимаешь? Как тебя зовут?

— Виктор.

— Так что прости, Витёк.

Циклоп задумчиво посмотрел на Третьего и спросил:

— Кажись, с этим придурком мотал срок?

— В одной зоне, — с готовностью ответил Третий и на всякий случай добавил: — Но большими корешами не были. Под славной Воркутой уголёк родному государству рубили. Ему очень идёт — уголёк рубить.

— Пристрели его, — коротко бросил Циклоп.

Третий извлёк пистолет из кобуры, снял с предохранителя и неожиданно рассмеялся.

— Я сказал что-то смешное? — удивился Циклоп.

— Нет, вспомнил я про одно обещание этому козлу, — весело ответил Третий и начал прикручивать к стволу пистолета глушитель.

Циклоп резко повернулся и пошёл к берегу. Он слышал, как Четвёртый просил своего лагерного друга, обращаясь к нему по имени:

— Вовка, не делай этого...

— Извини, друг, но лучше ты, чем я, — ответил Третий. — Ты не очень расстраивайся, все там будем.

Затем раздался выстрел, похожий на хлопок в ладоши.

Циклоп подошёл к своему раскладному

креслу, взял в руки удочку и поднял леску из воды.

На крючке болталась краснопёрка.

Циклоп зажал рыбку в ладони и осторожно, стараясь не поранить ей губу, снял с крючка, потом присел у воды и выпустил краснопёрку на волю. Проследив за тем, как рыбка молнией сиганула в тёмную глубь озера, Циклоп улыбнулся, вытер мокрую ладонь о штаны и приказал подошедшим охранникам:

— Сматываем удочки.

Те по достоинству оценили тонкий юмор шефа, рассмеялись, начали разбирать удочки и кресла.

Третий принёс из багажника «Жигулей» большой кусок целлофана. С помощью Пятого и Шестого, обшаривших уже карманы убитого, тело завернули в целлофан и положили в багажник машины.

— Сядешь на место Четвёртого, — приказал шеф Пятому. — Отвезите его куда-нибудь подальше. Всё-таки курортная зона... Не стоит поганить такие места. Выкиньте в лесу. А чтобы и мать родная не признала, суньте ему за пазуху «лимонку» с выдернутой чекой. Не жалейте гранат, когда этого требуют интересы дела. Не походите на своего кореша. Всё вас учить да учить надо.

— Какой он нам, кореш! — презрительно сплюнул Пятый.

Циклоп пристально посмотрел на Третьего и спросил:

— Чем-то огорчён?

Тот показал шефу разорванный глушитель.

— Ну, куда это годится? Лопнул после первого же выстрела. Как можно с таким барахлом ходить на дело?

— Ничего, заменим тебе глушитель, — усмехнулся Циклоп. — Я тебе специально преподаю урок. Так что старайся, Третий. Не повторяй ошибок друга. Надеюсь, не разочаруешь меня.

Пятый и Шестой мрачно посмотрели на Третьего. Трудно было угадать, чего больше в их взглядах — сочувствия или зависти. Хотя трудно поверить, чтобы они умели сочувствовать.

Циклоп подошёл к водителю, который за всё это время даже не пошевелился, продолжая беззаботно дремать.

— Хватит дрыхнуть, заводи тачку, — приказал Циклоп. — Нынче я опять в нокауте.

— Чего такого не выгорело, шеф? — задал шофёр вопрос бодреньким после отдыха голосом и явно с подковыркой.

Он так давно работал у Циклопа, что тот позволял ему даже подшучивать над собой, но в пределах нормы, конечно.

Циклоп глубоко вздохнул, надел тёмные очки, окинул прощальным взглядом гладь водохранилища и произнёс:

— Всё-таки нашу природу не сравнить ни с какими Канарами и Багамами. Хорошо! А какое удовольствие чувствовать себя живым! Особенно остро я это ощущаю после того, как кто-то при мне умирает...

— Особенно, если сам отправил в небеса, — пошутил водитель, поворачивая ключ за-

жигания. — Но раз такое дело, значит — дела не очень, шеф.

— Надо достать монетки, — вздохнул Циклоп. — Понимаешь?

— Баксов мало стало?

— Монетки-то не простые, а сказочные.

— Намёк понял. Жалко, что сорвалось их добыть.

— У меня ещё остаётся шанс, — уклончиво ответил Циклоп. — И ради этого единственного шанса я постараюсь пошевелить мозгами. На этот раз не имею права упустить.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЮ ПОСЕЩАЕТ
ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ГОСТЬЯ*

Ничего утешительного в военном госпитале Куприяновы не слышали. К ним в приёмную вышел хирург, оперировавший Валентина Владимировича, — пожилой человек с грустными глазами, в каждом движении которого чувствовалась непреодолимая усталость.

— Пока явных улучшений нет, — произнёс он, обращаясь не столько к Куприяновым, сколько к сопровождавшему их Ефимову. — Пациент в коме. Не могу точно сказать, когда он придёт в сознание. Может очнуться через полчаса, а может так пролежать ещё лет десять. Будем надеяться на лучшее. А сейчас извините, мне надо идти...

Ефимову хотелось, чтобы Куприяновы слышали хоть что-нибудь утешительное, и он спросил врача:

— Но его самочувствие не ухудшилось?

— Трудно сказать, — пожал плечами врач. — Одно несомненно — у него крепкий организм. Пациент сейчас балансирует на грани жизни и смерти. Сколько это ещё продлится, не знаю, не знаю... Я понимаю близких, но всегда считал и теперь считаю, что лучше говорить правду.

— Я могу увидеть мужа? — не столько попросила, сколько потребовала Надежда Петровна. — Я должна быть рядом с ним.

— Позже, когда перевезут из операционной в палату, — разрешил врач, повернулся и вышел из приёмной.

Надежда Петровна устало опустилась на стоящую у стены скамью, обитую коричневой кожей.

— Я подожду, мне спешить некуда, — тихо сказала она.

— Позвони на работу, Надя, — посоветовал Ефимов. — Предупреди, что берёшь отгул...

— У меня отпуск, — покачала головой Куприянова. — Валик тоже должен был скоро пойти в отпуск. Мы собирались втроём съездить отдохнуть на Чёрное море. Вот и съездили...

— Не печалься, мама, я с тобой, — присела Настасья рядом с ней.

— А я — с вами, — заключил Ефимов. — Сейчас я должен спешить на совещание. Заеду сюда вечером.

— До встречи, — проговорила Надежда Петровна, взглянув на него и снова опустив голову...

После часа молчаливого ожидания Настасья встала со скамьи и начала прогуливаться по приёмной, разглядывая других посетителей и читая развешанные по стенам информационные стенды. Затем она вышла на улицу и стала прогуливаться перед большим с несколькими стеклянными дверями вхо-

дом в госпиталь. Каждые четверть часа она возвращалась к матери и спрашивала:

— К папе ещё не пускают?

Та отрицательно качала головой.

Наконец Надежда Петровна подозвала дочь и сказала:

— Езжай-ка, Настенька, домой. Может, мне придётся прождать до вечера. Ты устала. Папу навестишь завтра.

Настасья поначалу отказалась, хотя чувствовала себя очень усталой.

— Надо кому-то быть дома, — сказала мать. — Вдруг кто-то позвонит.

— Кто может позвонить?

— В таких случаях бывают свидетели. Ну, не знаю... Нас дома нет, начнут волноваться знакомые... Только никому не говори, что случилось. Мы с папой в отъезде, в отпуске...

Настасья молча кивнула и направилась домой.

На ужин девочка решила испечь пиццу. Накануне мама купила её в «супермаркете» и оставила в холодильнике. Настасья разожгла духовку и сунула в неё пиццу, а затем ушла в свою комнату, чтобы переодеться.

Внезапно прозвенел звонок. Девочка подбежала к двери и посмотрела в дверной глазок.

На лестничной площадке стояла молодая женщина, лет двадцати пяти, одетая в чёрные джинсы, белую майку и синюю спортивную

куртку. Её тёмные волосы были заплетены в косу.

«Что-то я её раньше не видела, — подумала девочка. — Но как в таком случае она узнала входной код подъезда?»

— Вам кого? — громко спросила Настасья.

— Мне нужно переговорить с тобой, — сказала женщина, устремив пристальный взгляд на дверной глазок. — Это очень важно...

— Папы и мамы нет дома, зайдите как-нибудь в другой раз, — сказала девочка.

— Я же сказала — мне надо поговорить с тобой.

Нежданная гостья явно не собиралась уходить.

— Ты, должно быть, и есть Настя? — спросила она. — Твой папа говорил мне о тебе. Правда, он тебя всегда называет Настасьей. Я тоже из федеральной службы.

В её руке появилось красное удостоверение.

В дверной глазок Настасья не могла разглядеть фотографию на документе. Она приоткрыла дверь, предусмотрительно взятую на цепочку, и потребовала:

— Покажите мне вашу книжицу.

Ей почему-то показалось, что женщина с удовольствием распахнула бы дверь ударом ноги, столько нетерпения и решительности было в её позе. Настасья даже насторожилась. Но удостоверение на имя Ирины Анатольевны Шальковской оказалось в полном порядке, и девочка впустила её.

— Дома только я, — произнесла она.

— Я знаю.

Шальковская прикрыла дверь и мягко сказала:

— Давай знакомиться.

— Мы уже знакомы, — хмуро ответила Настасья.

Женщина, видя недоверие Настасьи, объяснила:

— Я, собственно, от Ефимова. Знаешь такого?

— Вадима Сергеевича? — сдержанно обрадовалась девочка, проникаясь доверием к гостю. — Папин начальник.

— И мой. Поручил кое-что уточнить...

— А что именно?

— Вот и поговорим, Настя... Настасья. На нашем языке есть такое понятие — «прочесать массив».

— Я знаю, — уже доверительно кивнула Настасья. — От папы слышала. Но мы уже обо всём сказали Ефимову. Он с нами ездил в госпиталь.

— Правильно, рассказали, — кивнула Шальковская. — Но я подумала, что дети всегда наблюдательней взрослых. Вот и хочу поговорить с тобой. Не замечала ли ты в последнее время что-нибудь странное в поведении папы, что-нибудь подозрительное? Папа ничего не опасался? Может, он что-нибудь прятал дома?

Хотя Шальковская и старалась говорить спокойно и рассудительно, всё равно было заметно, как она волнуется. Девочке даже

подумалось, что Ирина растеряна не меньше её самой.

— Ничего такого не замечала, — пожалала она плечами.

— А можно я похожу по дому? — вдруг спросила гостья.

— Зачем?

— Вдруг что-то такое... Какой-то след. Может, папа оставил...

— А у вас есть разрешение на обыск? — выпалила Настасья и сама смутилась своей дерзости.

Шальковская улыбнулась, чтобы смягчить ситуацию, и извиняющимся тоном произнесла:

— Я же не собираюсь переворачивать вверх дном всю квартиру.

— А что вы хотите найти?

— Я не знаю. Мало ли что! Иногда маленькая деталь... Кстати, чем это пахнет?

Тут и Настасья почувствовала, что, заболтавшись с гостьей, забыла о пицце, которую поставила в духовку. Девочка ринулась на кухню с криком:

— Пропала моя пицца!

Но пицца не сгорела, только круглые края слегка почернели. Открыв дверцу духовки, девочка вытащила с помощью кухонной перчатки противень и переложила пиццу на большое круглое блюдо.

— Не хотите попробовать? — спросила Настасья, возвращаясь в прихожую. — Я поставлю чай...

Но гостьи там не было.

«Неужели она ни с того ни с сего ушла? — удивилась девочка. — Почему же я не услышала, как хлопнула дверь?»

Настасья осторожно заглянула в спальню и увидела, что странная гостья осматривает ящики письменного стола, за которым обычно работал отец.

Несмотря на то, что Настасья подошла бесшумно, Шальковская, стоявшая спиной к двери, мгновенно резко обернулась. Девочку поразило выражение смущения и одновременно огорчения на её лице.

— Он ничего не оставил для меня? — спросила она явно только для того, чтобы не молчать.

— Что он должен был оставить? — вопросом на вопрос ответила Настасья.

— Если бы я знала! — воскликнула Ирина и теперь искренне, без фальши. — Как же мне быть?

— О чём вы? — спросила девочка.

Но Ирина не расслышала её вопроса, продолжая размышлять вслух:

— Он куда-то спрятал...

Её задумчивый взгляд скользнул по полкам книжного шкафа, стоявшего по соседству с бельевым, напротив широкой кровати.

— Мы не успели с ним поговорить подробней, но я поняла, он вышел на след...

— Я думаю, будет лучше, если вы придёте, когда мама вернётся домой, — набравшись духа, произнесла девочка. — А я вам ничем не могу помочь.

— У меня нет времени, — в сердцах вырвалось у Шальковской.

— А куда вы так спешите? — спросила девочка.

— Ты не знаешь, как это важно. Разреши поискать.

По выражению глаз Шальковской можно было догадаться, как Настасья мешает ей своим присутствием. Оно, это выражение, даже испугало девочку: во взгляде Ирины была одна, суровая решимость.

Настасья похолодела при мысли, что эта странная женщина может сейчас сделать с ней всё, что вздумается, может даже убить её. Ведь они одни в пустой квартире! Кто защитит Настасью?

«Не связана ли она с теми, кто покушался на папу?» — мелькнуло у девочки подозрение.

Она прикинула в уме — успеет ли выбежать из квартиры, если Шальковская сейчас кинется на неё? По всему выходило, что не успеет.

Но Ирина не собиралась бросаться на девочку. Она вздохнула, опустила глаза, словно взяв себя в руки, и отошла от письменного стола.

— Ты права, Настенька, лучше я загляну попозже, — сказала она, направляясь в прихожую.

Девочка отступила от неё в угол и твёрдо произнесла:

— Меня зовут Настасья. Я уже взрослая.

— До встречи, взрослая Настасья, — усмехнувшись, попрощалась Шальковская. — А за

приглашение к чаю спасибо. Но у меня нет аппетита.

Когда она вышла, девочка прислонилась спиной к стене, оклеенной розовыми обоями. Какая-то неясная мысль не давала ей покоя. И внезапно Настасия поняла, в чём дело:

«Это очень странная женщина... И она не придёт ещё раз. Что ей нужно было? Надо проследить за ней!..»

Не раздумывая больше, Настасья быстро обулась, выскочила на лестничную площадку и закрыла дверь на ключ.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ СЛЕДИТ ЗА ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Странная гостья спускалась в лифте. Девочка помчалась по лестнице, перепрыгивая через две, а то и через три ступеньки. Но когда открылись автоматические двери лифта, она, находясь на втором этаже, остановилась и затаила дыхание. Вскоре послышалось, как хлопнула дверь подъезда. Через несколько секунд Настасья осторожно выглянула на улицу.

Ирина быстро шла в сторону соседнего дома.

Настасья последовала за ней.

Глядя в спину маячившей вдалеке Шальковской, Настасья не заметила, что прямо на неё едет машина. Раздался предупредительный сигнал.

Девочка отскочила назад. Мимо неё буквально впритирку проехали красные «Жигули». Она даже расслышала, как сидевший за рулем молодой водитель в чёрной кожанке и с косицей на затылке, грубо выругался.

Настасья внезапно вспомнила, что видела такую же машину неподалёку от их дома ещё утром, когда папа уезжал в Балашиху. Но тут её внимание отвлёк неожиданный крик над самым ухом:

— Гав!

Взвизгнув от страха, Настасья обернулась.

Перед ней стоял ухмыляющийся Пашка Чугунов — коренастый мальчуган, одетый в широкие зелёные штаны и жёлтую рубашку на выпуск с закатанными рукавами. В правой руке он сжимал сложенный целлофановый пакет. Пашка был лучшим другом Настасьи ещё с того времени, когда они ходили в детский сад и занимались в одной группе продлёнки.

Настасье не очень везло на подруг — с ними ей почему-то всегда было скучно. Гораздо больше девочке везло на друзей — с мальчишками она играла в «войну» или «прятки». Её неугомонный характер давал повод для отцовских шуток:

— Тебе, Настасья, следовало бы мальчиком родиться, — смеялся он. — Будь ты парнем, я бы тебе подыскал работёнку в нашем ведомстве. Уж там ты набегалась бы вволю...

У Пашки, наоборот, не очень ладилась дружба с другими ребятами. Характер у него был «не сахар». Никогда нельзя было предсказать, с чего он вдруг вспылит и начнёт махать кулаками. Но рядом с Настасьей Пашка становился другим человеком — не задибался, не искал повода подраться. Наоборот, старался рассмешить девочку, придумать какую-нибудь шутку или рассказать свежий анекдот.

Случались, правда, и между ними серьёзные разногласия. Пашка был футбольным фанатом. Он размахивал на стадионе во время матчей флагом, раскрашивал себе лицо фло-

мастером и с сумасшедшим видом орал: «Судью на мыло!» Но кроме того Пашка отчаянно дрался с болельщиками враждебных команд. И что было всего досадней — не пропускал трансляцию матчей по телевизору. Тогда к нему даже было не подступиться.

А Настасья считала весь этот футбол сплошным недоразумением. Ей казалось страшной глупостью то, что два десятка здоровых мужиков гоняют крошечный мяч из конца в конец стадиона, а несколько тысяч человек беснуются на трибунах и ещё несколько миллионов наблюдают эту ахинею по телевизору. Нет, чтобы заниматься каким-нибудь полезным делом, например, картошку на даче выращивать!

Когда Настасья нападала на футбол и на футболистов, раздражённый её беспардонными чудовищными суждениями Пашка защищал свою любимую игру кулаками. Но девочка никогда не пасовала перед драчуном и всегда старалась дать сдачи. Потом они мирились и клялись, что больше драться не будут. Но это «больше» длилось обычно до очередного спора на тему футбола...

Вот и сейчас напуганная Чугуновым Настасья не удержалась и стукнула ему кулаком по лбу.

— Дурак, нашёл время пугать! — сердито прикрикнула она. — У меня такое дело важное...

Пашка хотел дёрнуть её за косу, но упоминание о важном деле заставило его насторожиться.

— Что за дело? — спросил он. — Или во что-нибудь играешь? Тогда, чур, и я вместе с тобой...

— Договорились, — согласилась Настасья, чтобы не терять время на разговоры. — Идём со мной.

Шальковская как раз сворачивала за угол девятиэтажного дома, что стоял на пересечении Владимирской улицы и Федеративного проспекта. Настасья устремила за ней, как охотничья собака. Чтобы срезать угол, она побежала по травянистому газону, тянувшемуся до самого проспекта.

А между тем красные «Жигули» остановились на площадке перед Настиним подъездом, из машины вышли трое молодых мужчин, и один из них, водитель с косицей, позвякивал связкой ключей — той самой связкой, что утром держал в руках её папа. Если бы Настасья оглянулась, то увидела бы, как эти люди прошли в подъезд.

Но Настасья думала лишь о том, чтобы не упустить из виду Шальковскую. Пашка Чугунов, отстававший от девочки шагов на десять, сообразил наконец, что участвует в необычной игре, и крикнул:

— За кем гонимся?!

— Да не ори так, — зашикала на него Настасья и дождалась, пока он её догонит. — Видишь вон ту женщину, в чёрных джинсах и синей куртке? Мы должны идти за ней.

— А зачем? — резонно спросил Павел.

— Она мне не нравится, — бросила на бегу Настасья.

Чугунову её логика показалась весьма странной.

— Что же получается? — удивился он. — Если женщина тебе не нравится, то за ней надо следить?

— Вот именно, — подтвердила Настасья, переводя дыхание.

— Странная ты сегодня, — задумчиво произнёс Пашка.

Через минуту Настасья ещё больше удивила Пашку.

Едва они завернули за угол дома, как девочка резко метнулась в сторону и прижалась к стене. Она увидела, что Шальковская стоит в каких-то пятнадцати метрах от неё и звонит по таксофону. К счастью, Ирина смотрела в другую сторону и не заметила новоявленных детективов.

— Ты выглядишь помешанной, — поделился своим соображением Чугунов.

— Пашенька, миленький, я тебе всё позже объясню, — взмолилась девочка. — А сейчас выгляни, пожалуйста, из-за угла, посмотри, что она там делает. Постарайся не привлекать к себе внимания. Когда она пойдёт, дай мне знать.

От такого трогательного обращения, совершенно не свойственного Настасье, Пашка прямо-таки растаял. Сунув руки в карманы брюк, он ленивой походкой вышел из-за угла и остановился у края проезжей части, словно намереваясь перебежать проспект. Он делал вид, будто наблюдает за сплошным потоком машин, но на самом

деле не терял из виду звонившую по телефону женщину.

Через несколько минут он помахал рукой Настасье, подзывая к себе. Та осторожно выглянула — Шальковская быстро шагала в сторону Второй Владимирской.

«Кому она могла звонить? И зачем? — размышляла Настасья. — Может быть, докладывала о том, что ничего не обнаружила в нашей квартире?»

— Не умеешь читать по губам на расстоянии? — спросила требовательно Настасья.

— Ты что? — распахнул глаза изумлённый Пашка. — Ещё спроси — умею ли читать мысли на расстоянии?

— Очень жаль, что не умеешь, — упрекнула Настасья. — Что она говорила по телефону?

— Какое это имеет значение? — не понимал Пашка.

— Какое у неё было лицо? Сердитое? Непроницаемое, как у шпионки?

— Где там разглядишь! — вздёрнул тот плечами. — Она стояла спиной ко мне.

Темнело, зажглись фонари по обе стороны Федеративного проспекта. Непрерывным потоком в шесть полос двигались машины, автобусы и троллейбусы.

На пешеходной части улицы было так многолюдно, что Настасье и Пашке приходилось постоянно прибавлять шаг, чтобы не упустить из вида Шальковскую. Они то и дело задевали прохожих, им то и дело наступали на ноги или толкали в бок.

Несколько раз Настасье казалось, будто

Шальковская вот-вот обернётся. И тогда, чтобы её не заметили, девочка пряталась за ближайшим газетным киоском или пристраивалась за спиной Пашки. Но судя по всему, Шальковская даже не предполагала, что за ней могут следить.

Миновав проспект через пешеходный переход, она направилась в сторону станции метро «Перово».

— В метро за ней будет нелегко проследить, — озабоченно произнесла Настасья.

Вместе с Пашкой она постепенно приближалась к «объекту» слежки, так как людской поток на улице становился всё более плотным.

Неожиданно Шальковская свернула во двор десятиэтажного жилого дома, отделочные плиты которого, черные и белые, были выложены в виде «шахматной доски». В середине дома зияла высокая арка. По одну сторону от арки находился детский сад за оградой, по другую — открытая детская площадка с железными качелями, горками, турниками и песочницами.

Настасья и Пашка сразу же сбавили шаг.

Шальковская вошла в подъезд, который находился рядом с аркой. Настасья тут же попросила друга:

— Сбегай, пожалуйста, на ту сторону дома.

— А это ещё зачем? — опасаясь, что его разыгрывают, спросил Чугунов.

— Когда она придёт к себе домой, то зажжёт свет в комнате, — изложила свой план Настасья. — Так мы узнаем, в какой квартире

живет. Квартира может выходить окнами только на эту или только на другую сторону. Понимаешь?

— А если она не одна живёт? — засомневался Павел. — Может, в её квартире уже горит свет?

— Но мы ведь ничего не теряем, если проверим мою версию, — привела веский довод девочка.

Пашка побежал через арку на другую сторону дома.

Настасьиная предосторожность оказалась излишней. Через несколько минут она сама увидела, как засветилось окно на третьем этаже. Она даже разглядела Шальковскую, которая подошла к окну и задёрнула белую занавеску.

«Не заметила ли она меня? — испуганно наклонила Настасья голову, потом быстро присела и сделала вид, будто шнурует свои кроссовки. — Хотя вряд ли. Из освещённой комнаты трудно разглядеть что-нибудь в полутёмном дворе...»

Она помахала рукой Павлу и, когда тот подбежал, ликуяще произнесла:

— Третий этаж. Остаётся узнать номер квартиры.

Они поднялись по ступенькам на крыльцо и обнаружили, что металлическая дверь подъезда снабжена кодовым замком.

Растерявшаяся Настасья безуспешно пробовала подобрать несколько комбинаций. Но Пашка, который прислонился к железным перилам крыльца, урезонил подругу:

— Наберись терпения...

— И что же я должна делать? — скрестив руки на груди, спросила Настасья.

— Ждать, — спокойно ответил Пашка. — А чтобы я не скучал, расскажи, чем тебе так не понравилась эта женщина... Может быть, она украла твой дневник с пятёрками, который ты не успела показать родителям?

Девочка подробно стала рассказывать, как пришла Шальковская, как странно повела себя...

— Ты была одна дома? — спросил Пашка. — А где родители?

Девочка подумала, что лучше промолчать о том, что случилось с папой, ещё будет время поделиться горем.

— Я же говорю — была одна.

— Зачем впустила?

— Ты что, глухой?

Настасья напонила о том, что женщина назвала общего знакомого и показала удостоверение.

— Я всё равно не впустил бы. Эти удостоверения теперь можно купить на любом рынке. И что ей нужно было?

— В том-то и дело, что я не поняла.

— Может, наводчица. Потом придут её дружки и обчистят квартиру.

— Не похоже...

— Ты много видела наводчиц?

— Нет, но всё равно не похожа.

— Тогда не знаю...

— Видел бы ты её глаза, когда я сказала, что она должна уйти! — воскликнула На-

стасья. — Я думала, она меня сейчас убьёт!

— Но ведь не убила, — пожал плечами Чу-гунов. — Да и мало ли что тебе могло померещиться! Ты всегда была фантазёркой...

Настасья и сама чувствовала, что её домыслы ничем не подкреплены. Но это заставляло девочку только сильнее упорствовать в своих подозрениях.

— Если она не убила меня сегодня, значит, у неё были на это причины! — запальчиво выкрикнула Настасья.

— Зачем тебя убивать?

— Да затем! Сегодня было покушение на папу.

— Что ж ты молчала?

— Думаешь, легко сказать?

— Он жив? — Пашка даже побледнел от этого неожиданного сообщения.

— Да, — ответила Настасья. — Пойми же, эта женщина может вывести на тех людей...

— На бандитов?

— А ты думаешь, я напрасно паникую?

Пашка не ответил ей, потому что в этот момент на крыльцо подъезда стала подниматься старушка в чёрном платке. В руке у неё была тяжёлая сумка.

— Давайте, помогу! — спустился Пашка к старушке, еле переводившей дыхание, и взял у неё сумку.

— Ой, спасибо, внучек, — обрадовалась та.

Поднимаясь на крыльцо, она ставила вначале правую ногу на ступеньку, затем с усилием подтягивала левую. Ясно было, что ба-

бушка с большим трудом одолевала лестницу.

Раскусив Пашкин замысел, Настасья громко спросила:

— Какой код, бабушка?

— Восемьсот четырнадцать, — одышливо ответила та, опираясь на плечо Пашки.

Настасья нажала три кнопки и предупредительно открыла дверь перед женщиной и Пашкой. Затем она прошла вперед и вызвала лифт.

— Дай вам Бог здоровья, — поблагодарила женщина. — А я уж думала, в наше время тимуровцев совсем не осталось...

Настасья и Пашка улыбнулись с таким видом, словно хотели сказать, что бабушка в этом зря сомневается, а когда закрылись автоматические двери лифта, взбежали по лестнице на третий этаж.

— В обе стороны от лестничной площадки идут два ряда окон, — вспоминала Настасья, разглядывая номера квартир. — Её окно — с этой стороны, ближе. Значит, она живёт в семьдесят девятой.

— И что ты думаешь делать дальше? — спросил Чугунов, когда они направились вниз.

— Завтра же позвоню в справочную, — ответила девочка. — Попрошу, чтобы мне назвали номер телефона в квартире номер семьдесят девять дома номер сто тридцать один на Второй Владимирской улице.

— И что тебе это даст?

— Облегчит слежку за ней, — ответила На-

стасья, когда они вышли из подъезда. — Достаточно будет набрать её номер, чтобы узнать, дома она сейчас или нет.

Пашка скептически покачал головой.

— Ну, и что?

Настасья опустилась на деревянную скамейку с изогнутой спинкой, стоявшую на краю детской площадки, и серьёзно сказала:

— Сейчас мы должны посидеть здесь. Вдруг она ещё куда-нибудь пойдёт? Мы проследим за ней...-

Пашка скептически хмыкнул:

— Так мы просидим до утра.

— Ну, если хочешь, уходи. Я тебя не держу!

Настасья почувствовала, что и в самом деле потеряла чувство меры. С какой стати она кричит на него? И почему вдруг стала командовать Павлом? Он, конечно, друг, но не обязан торчать тут всю ночь.

Чугунов был настроен не так решительно.

— Торчать тут нет никакого смысла, — сказал он. — К тому же я так и не купил хлеба и кефира. Так что, Настёна, делать нам тут нечего.

Когда Пашка называл её «Настёной», то это ничего хорошего не предвещало — он поступит так, как сам считает нужным. В другое время девочка сказала бы ему, чтобы он катился за своим кефиром. Но сейчас ей было не с руки ссориться с Пашкой, и она лихорадочно подыскивала хоть какой-нибудь повод удержать его. Надо было во что бы то ни стало заставить его вести дальнейшую слежку за этой женщиной, одной было страшно!

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Настасья. — Она может лечь спать, а мы будем зря сидеть. Мы и так выяснили очень многое.

— Можно прийти рано утром, — предложил Пашка.

Значит, он согласен помогать!

— Давай сделаем так — ты сходи в магазин, а я посижу.

— А потом?

— Потом пойдём ко мне домой и поужинаем пиццей, — предложила Настасья. — Она, правда, уже остыла, но можно подогреть...

О том, что пицца подгорела, Настасья решила умолчать. А то вдруг у него пропадёт аппетит!

— Но магазин далеко отсюда, — засомневался Пашка, хотя перспектива отведать пиццы ему улыбалась.

— Ничего, я дождусь, — пообещала Настасья. — Меня не будет на этом месте лишь в одном случае — если эта женщина куда-нибудь пойдёт...

Но когда Пашка через минут сорок вернулся из магазина, Настасья сидела на прежнем месте. Увидев Пашку, она с готовностью встала со скамейки.

— Наверное, она уже никуда сегодня не пойдёт. Так что и следить не имеет смысла. Айда ужинать!

Но в тот вечер Пашке так и не довелось полакомиться пиццей с ветчиной...

Ещё на лестничной площадке, остановившись перед дверью квартиры, Настасья почувствовала неладное. Дверь была чуть приоткрыта,

а Настасья помнила, что заперла её на ключ, когда уходила.

Она осторожно дотронулась до ручки и толкнула дверь от себя. Дверь распахнулась, открыв её взору ужасающий беспорядок в прихожей. Дверцы шкафов, в которых хранились верхняя одежда и обувь, были сорваны, а их содержимое выброшено на пол.

Полный разгром царил и в гостиной — здесь даже линолеум отодрали от цементного пола, вспороли обивку кресел и дивана, сняли заднюю пластмассовую стенку с телевизора.

Меньше пострадала комната Настасьи: там только разрезали её детские мягкие игрушки и посбрасывали на пол книжки с полок. Зато в спальне родителей был сорван китайский ковёр со стены, распотрошён бельевой шкаф, искромсано постельное бельё, а сама кровать перевернута на бок.

Когда же дети заглянули на кухню, то увидели, что вся посуда из шкафов оказалась на полу, превратившись в хрустальные и глиняные черепки. Даже ведро с мусором было опрокинуто — видимо, и в нём что-то искали. Приготовленная Настасьей пицца лежала на полу возле подоконника, и на ней красовался след каблука.

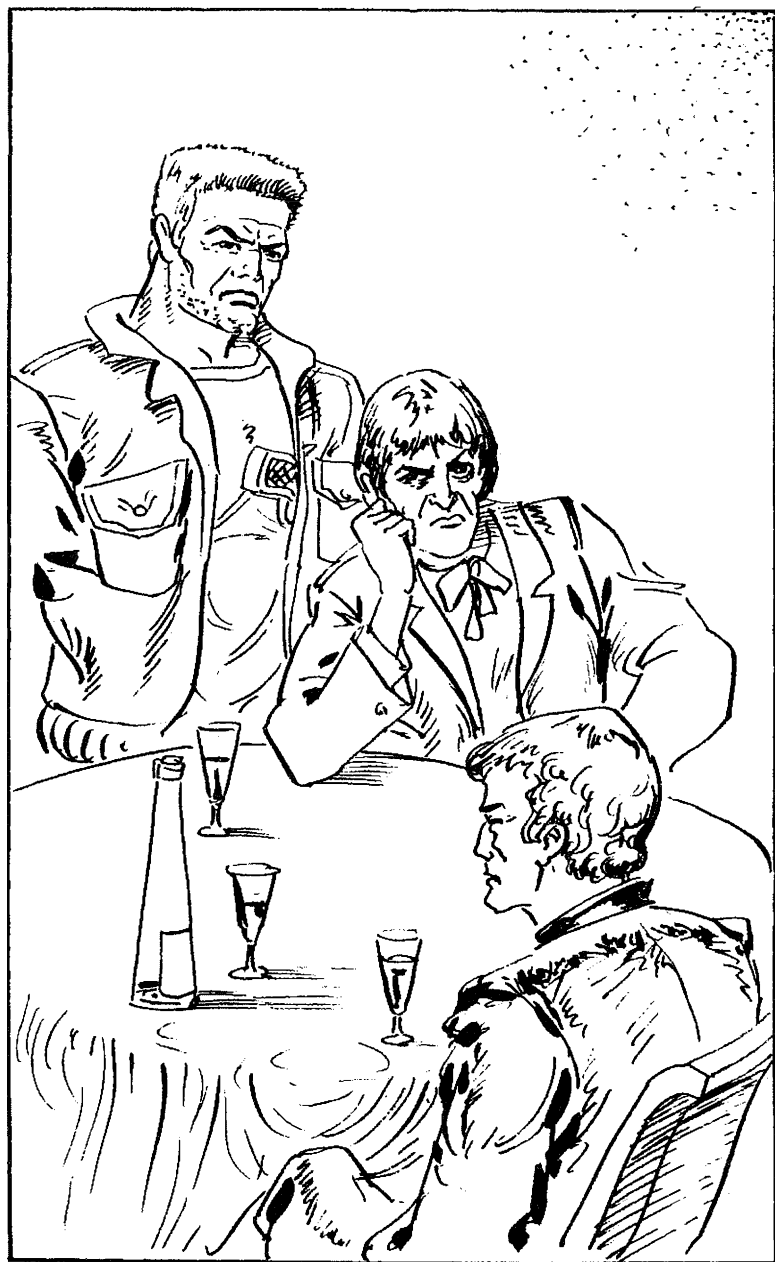
— Что я говорила! — вскричала Настасья.

— Что ты говорила? — эхом отозвался Пашка.

— Она позвонила, и они пришли.

— Это я говорил, что она наводчица.

— Что они искали? — вырвалось у Настасьи.

Внезапно оба услышали шаги на лестничной площадке. Кто-то вышел из лифта и направлялся в квартиру.

У обоих детей одновременно мелькнула одна и та же мысль: возвращаются те, кто совершил весь этот разгром.

«Плохи наши дела!» — испугалась Настасья.

А Пашка поднял столовый нож с пола и приготовился к защите.

Но в квартиру вошла Надежда Петровна.

— Это вы?! — с облегчением произнёс Пашка, выходя в прихожую вместе с Настасьей.

Надежда Петровна испуганно молчала, разглядывая беспорядок в квартире и нож в руке мальчика.

Заметив, куда устремлён её взгляд, Пашка бросил нож на пол и уныло заявил:

— Это не мы сделали...

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ НАХОДИТ ТО,
ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОКУШАЛИСЬ НА ЕЁ ОТЦА*

На следующий день группа криминалистов, обследовавшая квартиру Куприяновых, сделала неутешительный вывод — отпечатков пальцев преступников не найдено. Правда, в прихожей и спальне удалось обнаружить ещё несколько отпечатков их обуви в дополнение к тому, который остался на пицце. Но криминалистов эта находка не особенно обрадовала.

Вадим Сергеевич Ефимов, приехавший вместе с работниками судмедэкспертизы, объяснил Настасье и Надежде Петровне, почему криминалисты уехали такими огорчёнными:

— Судя по всему, работали специалисты. А раз так, то они в этой обуви ходить не станут. Вероятно, уже сожгли свои туфли.

Настасья узнала от мамы, что из квартиры кое-что пропало: золотые украшения, хранившиеся в шкатулке на серванте, деньги из отцовского стола.

— Но это не ограбление, — покачал головой Ефимов. — Ничего не взято из одежды, из посуды. Скорее, это видимость ограбления. Бандиты искали что-то такое, что для них ценнее денег...

Вместе с Ефимовым приехал и его заместитель Савелий Семёнович Галушкин: полный человек невысокого роста с массивным квадратным лицом, высоким лбом и глубокими залысинами. Он был одет в синий костюм, жилетку такого же цвета, коричневые лакированные туфли, белую рубашку, тёмно-красный галстук и носил часы на цепочке.

— Видимо, они искали какой-то небольшой предмет, — сказал он Надежде Петровне. — Иначе не стали бы вспарывать диван и копать в белье.

— Но что именно они искали? — настаивала мать Настасьи.

— Мы бы сами это хотели знать, — пожал плечами Галушкин. — Валентин Владимирович «раскопал» что-то важное. Если бы к нему вернулось сознание, мы узнали бы об этом.

— Будем искать этих негодяев, Наденька, — заверил Ефимов. — Безусловно, в квартире рылись те, кто покушался на Валентина...

— Лично поведёшь расследование? — перебила его Надежда Петровна.

— Буду контролировать, — признался Ефимов. — Пойми меня правильно, Надюша. На моём отделе висит несколько убийств. Я должен срочно закрыть эти дела. Возможно, к делу Валентина подключусь, если затянется, а пока им займётся мой заместитель. — И он указал на Галушкина.

Настасье показалось, что её мама обиделась на Ефимова, но не стала показывать вида. Названный Галушкин чуть поклонился, мол, вот я весь к вашим услугам.

— Муж рассказывал мне о вас, — сдержанно сказала Надежда Петровна Галушкину.

Она не добавила, что муж считал Галушкина карьеристом и сплетником.

Но Галушкин сам решился на откровенность и заговорил, гладко округляя фразы:

— Наши отношения с Валентином Владимировичем носили чисто служебный характер. У него были претензии к моему стилю работы. Я тоже был не в восторге, простите великодушно, от его манеры руководить сотрудниками. Случалось, очень горячились в спорах... Но мы всегда уважали друг друга. И я вас уверяю, что буду искать преступников со всей энергией, присущей...

Мягким движением руки Надежда Петровна остановила Галушкина.

— Я не сомневаюсь в ваших способностях. А что касается ваших отношений... Меня не интересовали служебные дела мужа. Валентин не хотел, чтобы я вникала во всё это. Он думал, что это может быть опасно для меня. И я его слушалась.

Настасье показалось, что Галушкин завёл этот разговор именно для того, чтобы выяснить, много ли знала её мама о папиных делах, а мама ответила так уклончиво, потому что не хотела откровенничать с этим человеком.

— У меня нет ни одного нераскрытого дела, — горячо уверял Галушкин. — Доведу до конца и это дело. Верьте мне.

— Я вам верю, — слабо улыбнулась Надежда Петровна.

Галушкин протянул ей визитную карточку.

— Если вспомните что-нибудь, свяжитесь со мной. Можете звонить в любое время дня и ночи.

— Мне больше нечего добавить к тому, что сказала, — виновато развела руками Надежда Петровна.

— В этом деле может оказаться важной любая мельчайшая деталь, — назидательно произнёс Галушкин.

Обратив внимание на девочку, которая стояла рядом с матерью и внимательно разглядывала его, Галушкин потрепал её по голове. Настасья с досадой подумала, что на этот раз мама не совсем права, так отчуждённо ведя себя с Галушкиным. Почему-то Настасье казалось, что он из тех следователей, которые проходят сквозь стены, но всегда настигают преступников!

— Это приглашение касается и тебя, — сказал добрым голосом Галушкин. — Если вспомнишь, что тебе показалось странным в поведении папы в последние дни, не поленись позвонить мне.

Настасье было неприятно, что её треплют по волосам, как маленькую, и она резко отдернула голову. В то же время она почувствовала себя польщённой тем, что к ней обращаются за помощью.

— Если что-нибудь узнаю, обязательно позвоню, — вежливо пообещала она.

Она даже не подозревала, что выполнит своё обещание в самом скором времени.

Когда Ефимов и Галушкин собрались ухо-

доть, Надежда Петровна задержала старого друга в прихожей. Галушкин не мог оставаться и был вынужден выйти. Надежда Петровна при дочери рассказала о странной посетительнице, которая приходила до набега грабителей.

— Она знает вас, — сказала Настасья.

— Ты посылал кого-нибудь? — спросила Надежда Петровна.

— Никого я не посылал, — ответил Ефимов.

Галушкин приоткрыл дверь и спросил:

— Вас ждатель или остаётесь?

— Никого, — повторил Ефимов и вышел, попрощавшись.

«Я оказалась права, — подумала Настасья. — У меня папино профессиональное чутьё. Эта женщина выведет меня на преступников!»

К вечеру Настасья и Надежда Петровна привели в порядок квартиру, разложили постельное бельё по шкафам, выкинули разбитую посуду, пропылесосили ковры и вымыли полы.

Надежда Петровна всё время поглядывала на телефон. Она ушла из госпиталя, так ничего и не дождавшись. Лечащий врач сказал ей, что пока в самочувствии больного не предвидится улучшений. Он пообещал, что позвонит, как только муж придёт в сознание.

— Но вы можете забыть, — усомнилась Надежда Петровна. — У вас столько больных...

— Не позвоню я, так позвонит охрана, —

кисло улыбнулся врач. — Вашего мужа охраняют посменно два милиционера...

Настасья, складывая книги на полки в спальне, обратила внимание на литературу, которую читал отец в последнее время. На полке, висевшей над столом, обычно находились книги, которые папа брал из служебной библиотеки. Девочку поразило обилие справочников по нумизматике, метрологии, античной геральдике. Попадались книги по истории и мифологии, по европейским монетам и медалям разных эпох.

«Кажется, папа сам точно не знал, что именно он хочет вычитать, — мелькнула у девочки догадка. — Но всё здесь касается старинных монет...»

Внезапно она вспомнила вечер накануне того дня, когда было совершено покушение на папу. Отец был непривычно задумчив и молчалив. Он сидел перед телевизором — передавали новости, но, как заметила Настасья, не видел и не слышал ничего из того, что происходило на экране.

Настасью политика не интересовала. Слушать, как ругаются депутаты на заседаниях Государственной Думы, ей было неинтересно, и она ушла на кухню пить чай и беседовать с мамой о жизни. Когда чаепитие окончилось и Настасья направилась в гостиную, то увидела, как поспешно вышел из её комнаты папа.

— Что ты там делал? — поинтересовалась девочка. — Проверял мой дневник? Так я уже показывала...

Отец посмотрел на неё с каким-то расте-

рынным видом. Такое выражение появлялось у него на лице, когда он не мог сказать правду, но ещё не придумал, как сгладить ситуацию. Отец явно не ожидал, что дочь появится из кухни именно в этот момент. И он предпочёл дипломатично уклониться от ответа.

— Не хочешь послушать? — неопределённо кивнул он головой в сторону гостиной и энергично добавил: — Сейчас начнется «Сегодня» по НТВ. Там комментируют события совсем по-другому, чем на Российском канале. Мне всегда интересно наблюдать, как об одном и том же журналисты говорят совершенно разное. Это любопытно, Настасья. Можно самому делать выводы, разгадывать, что же случилось на самом деле. Получается вроде игры...

Пожав плечами, Настасья пошла с папой смотреть «Сегодня».

Этому случаю она не придавала тогда никакого значения. Но сейчас вспомнила предупреждение Галушкина о том, что любая мелочь в поведении отца, пусть даже пустячная, поможет в расследовании.

«Надо немедленно позвонить ему!» — решила девочка.

Она даже сделала шаг к телефону, но в следующую секунду одумалась: «А что, собственно, я скажу? Что видела, как папа выходил из моей комнаты? Что он растерялся, заметив меня? Очень ценная информация! Может, он носок искал. Вечно он теряет носки».

Вздохнув с сожалением, что пока ничем не может помочь следствию, Настасья уселась за

отцовский стол и начала рассматривать книги. Некоторые оказались с иллюстрациями — на них были изображены монеты разных эпох и народов. В некоторых книгах картинок не было — только научные статьи об истории чеканки тех или иных монет, а также подробное толкование денежных символов.

Потом она задумалась над тем, почему не сообщает Галушкину о госте. «Я прежде сама должна разобраться, — объяснила сама себе. — И почему я должна докладывать всё Галушкину? Отчего-то же мама не стала при нём говорить об этой странной женщине? А вдруг она не связана с грабителями? Она могла меня убить и сама забрать всё, что хотела. Нет, я не буду спешить, эта женщина — моя тайна».

Научная литература нагоняла на девочку скуку, и она решила принять ванну.

Зайдя в свою комнату, открыла шкаф и выдвинула ящик, в котором лежало бельё. Этот шкаф меньше всего пострадал во время разгрома квартиры. Неизвестных взломщиков больше интересовало содержимое письменного стола Настасьи, чем шкаф с её одеждой. Поэтому всё, что хранилось в ящиках стола, — вырезки из газет и журналов мод, альбомы с фотографиями, косметички и куча безделушек — оказалось выкинутым на пол, а к ящикам шкафа не притронулись.

Но у Настасьи сразу же появилось подозрение, что кто-то рылся в её белье. Обычно она складывала майки налево, носки направо. Сейчас же всё оказалось перемешано.

«Неужели папа приходил ко мне в комнату,

чтобы так пошутить?» — мелькнула мысль у девочки.

Мысль показалась ей глупой. Но она почему-то начала шарить ладонями по дну ящика. Её пальцы натолкнулись на небольшой бумажный свёрток. Она извлекла его и развернула плотную бумагу. На ладони оказались записная книжка в красном кожаном переплёте и девять монет в целлофановом мешочке.

«Откуда это здесь? — с удивлением разглядывала Настасья находку, опустившись на пол и скрестив по-турецки ноги. — Папа положил? Зачем? А книги о монетах... Тут какая-то связь!»

Внезапно девочка почувствовала, как от страха холодеют её ноги. Она поняла, что именно это искали те люди, которые стреляли в папу и перевернули вверх дном всю квартиру. За этим приходила и женщина.

«Я держу в руках смерть!» — подумала Настасья.

Внезапно за дверью раздался голос матери: — Настёна, ты не могла бы повременить с ванной? Я хотела прежде замочить бельё...

Не раздумывая, интуитивным движением девочка метнула свёрток обратно в ящик и прикрыла сверху синей майкой-безрукавкой.

«Это следует держать в секрете! — подумала она. — Так будет безопаснее для нас! Прежде я сама должна в этом разобраться...»

Через секунду на пороге комнаты показалась Надежда Петровна, и Настасья, сидя спиной к дверям, равнодушным голосом произнесла:

— Хорошо, я могу принять ванну и утром...

Над своей находкой Настасья засиделась допоздна. Она включила настольную лампу и разложила перед собой монеты.

На край стола девочка положила книгу Даниэлы Стил на тот случай, если в комнату вдруг заглянет мама и придётся притвориться читающей. Но мама больше не беспокоила Настасью.

Рассмотрев девять найденных монет, Настасья не обнаружила в них ничего особенного.

«Деньги как деньги! — размышляла она, сжимая в пальцах каждую монету. — Немного тяжеловаты! Изготовлены явно до революции... Из серебра. Есть даже золотые. Чудные из них получились бы колечки или серёжки... Из-за них стреляли в папу. Из-за них его хотели убить. Эти монеты считают исчезнувшими. В них заключена какая-то тайна... Папа знал эту тайну. Видимо, знал только он один. Он мог бы рассказать... Но как долго он пролежит без сознания? Может, ещё не скоро сумеет всё вспомнить... А преступники за это время успеют скрыться... Если бы разгадать тайну этих монет, я помогла бы папе. Он гордился бы мной. Неужели я этого не сумею?.. Ведь я уже не маленькая...»

Как всегда, когда чем-то сильно увлекалась, Настасья забралась с ногами на стул, стоящий у письменного стола, и села по-турецки. Она задумчиво посмотрела на чёрное окно комнаты, за которым маячили фонари, освещавшие пустынную улицу перед домом.

Ей подумалось, что такой же мрак окружил сейчас их семью. Кто знает, какие опасности подстерегают в этом мраке, какие страшные чудовища в человеческом облике притаились там!

Но потом Настасья решила, что лучше думать не об этом, иначе страх будет постоянно преследовать её. Лучше думать о том, что свет рассеет этот мрак и обязательно вернётся в их жизнь! Настасье казалось, что её находка — один из тех огоньков, который зажётся в ночном мраке. Этот огонёк предвещает наступление утра. Но чтобы утро наступило, чтобы в семью Куприяновых вернулось счастье, чтобы папе не пришлось бояться за свою жизнь, Настасья должна оказаться очень умной и очень хитрой. Сумеет ли? И прислушиваясь к своим сомнениям, Настасья прошептала:

— Сумею. Я помогу тебе, папа... У меня такое же профессиональное чутьё.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ ЗНАКОМИТСЯ С ЗАПИСНОЙ КНИЖКОЙ

Когда надоело разглядывать старинные монеты, Настасья сложила их в мешочек и спрятала в ящик стола. Она решила, что разгадку всему следует искать в записной книжке. Не случайно отец прятал её вместе с монетами!

«Книжка и монеты — составные части чего-то целого, — предположила девочка. — Это, должно быть, похоже на два слога одного слова. В слове заключена разгадка. Но разгадка чего? Что я должна искать? И что ищут все остальные?»

Настасья открыла наугад страницу в середине книжки и прочитала:

«В коллекции купца Быкарина имелся Гро-о-Лион. Ещё его называют «львиный гро». Согласно справочнику, монета чеканилась во Фландрии в эпоху Людовика Первого, середина четырнадцатого века. Существует множество подражаний этой монете. Её подделывали с пятнадцатого века в девятнадцати странах. Монета из чистого серебра. С одной стороны — стоящий на задних лапах лев в окружении листьев, с другой — крест на подставке. По нынешним расценкам такую

находку можно менять на шестисотый «Мерс». И это одну монету!»

Прочитав эту запись дважды, Настасья потрясла головой.

«Что за чудеса! Может быть, это папина шифровка? «Мерс» — это явно означает «Мерседес». Я знаю, что эти машины страшно дорогие. Они не могут стоить одной монеты. Тут папа что-то имел в виду другое. Надо покопаться в книгах...»

Вся справочная литература находилась на книжных полках в спальне родителей. Настасья к таким книгам обычно не проявляла интереса. На её полках красовались преимущественно книжки Жаклин Сьюзен и Синди Шелдон, Жорж Санд и Барбары Картленд. Книги, в которых шла речь не о любви, в глазах Настасьи не обладали большой художественной ценностью. Как можно писать о чём-то ещё, полагала она, кроме любви! Разве какие-то другие темы могут представлять интерес для людей!

Но, как оказалось, людей в этом мире может интересовать и многое другое, не только та любовь, которая описывалась в романах.

За этой другой литературой Настасья и отправилась в спальню родителей. Мать, смертельно уставшая за день, крепко спала и не слышала, как Настасья перетаскивала книги с отцовской полки в свою комнату.

Затем она вскипятила и заварила крепкого чая, после чего уселась за чтение записной книжки. Те слова, которые казались ей непонятными, она выискивала в толковом словаре.

Так, она узнала, что «раритетом» называется редкая, уникальная вещь. Но словарь никак не растолковывал понятий «братва» и «авторитет», «тусовка» и «разборка».

Настасья продолжала настойчиво вчитываться в рукописные строки, пропуская непонятные слова и пытаясь уловить главную связь между отдельными записями.

Постепенно она поняла, что в записной книжке отец фиксировал сообщения какого-то агента по кличке «Август». Этот Август являлся приближённым какого-то столичного «крупного авторитета» по кличке «Бык». И Бык иногда беседовал с Августом, которому безусловно доверял, о своем хобби — коллекционировании старинных монет. Одна из записей гласила:

«8 февраля. Август сказал, что в коллекции Быка — свыше тысячи раритетов. Если он распродаст на аукционе Сотсби хотя бы часть коллекции, ему обеспечено безбедное существование в собственном замке на юге Франции лет на двести».

Из других записей Настасья вычитала, что с середины прошлого года Бык всё чаще поговаривал о том, что скоро выйдет «на пенсию» и уедет жить за границу, «подальше от нашего русского свинства». Но он этого не делает, пока не разгадал тайну девяти монет.

Настасья выдвинула ящик стола и посмотрела на кулёк. Речь явно шла об этих монетах.

«Интересно, что представляет из себя этот Бык? — подумала девочка. — Наверняка обыкновенный «новый русский» — коротко стри-

женный, с массивным затылком, квадратным подбородком, с сотовым телефоном на поясе, в отличном костюме и туфлях из кожи крокодила. Из книг, пожалуй, читал только Уголовный Кодекс, а в разговоре обычные слова использует для связи между матерными...»

Однако уже через несколько страниц она наткнулась на совершенно другое описание личности Быка.

Оказывается, как сообщал Август, Бык родился в семье священника. Отец был робким человеком и, видимо, являлся истинным верующим. Но зато дед Быка был настоящим разбойником. За ним водились такие дела, о которых, конечно, никто не знал, но о многом говорили пять лет каторги, проведенные дедом в Сибири. Вернувшись в родную Коломну, он за короткое время стал богатым купцом и уже вёл правильную жизнь. Но у него появилась новая страсть — он безумно увлёкся коллекционированием монет.

Советская власть, конечно же, добралась до богача и конфисковала имущество, а самого купца арестовала. Он передал сыну девять монет, но чекисты увели его прежде, чем он успел объяснить, представляют ли они какую-то ценность. Купец Быкарин погиб в лагерях.

Отец Быка всю жизнь прятал монеты, хранил их, как память об отце. Перед смертью священник передал сыну эти монеты и завещал хранить, потому что они являются реликвией рода.

В юности Бык учился в семинарии, потому что сыну священника в советское время

трудно было поступить в другое учебное заведение. Потом был послушником в Коломне и даже готовился к постригу. В воображении Настасьи сразу же возникло предполагаемое лицо инока — худощавое, вытянутое, с клинообразной бородкой, длинными волосами и светлым взглядом.

Но затем с этим иноком произошла страшная история. Настоятель монастыря постоянно наказывал вспыльчивого юношу за малейшие провинности. Бык убил его и пустился в бег. Должно быть, выиграла в нём разбойничья кровь деда.

Эти подробности из биографии Быка показали Настасье такими мрачными, что она захлопнула книжку и откинулась на спинку стула.

«Почему я должна знать про убийства?! — возмущённо барабанила она пальцами по столу. — Так я совсем утрачу доверие к людям. Мне будет казаться, что вокруг одни негодяи... А каково же приходилось папе на работе? Он ведь с такими негодяями постоянно имел дело... Такие мерзавцы и стреляли в него. И если я хочу найти их, то должна знать о них как можно больше...»

Она вновь раскрыла книжку, потёрла кончиками пальцев веки уставших от напряжения глаз и углубилась в чтение.

От деда перешла к Быку и страсть к коллекционированию. Возможно, толкнули его на это девять дедовских монет. Но он был любителем, мало что смыслил в нумизматике и собирал больше золото и серебро, то есть дореволюционные монеты.

Видимо, Бык понял, что старинные монеты — самое выгодное капиталовложение и самый надёжный источник дохода. Под видом коллекционера можно даже в советских условиях стать богачом. С тех пор он стремился всеми правдами и неправдами пополнять свою коллекцию. Он даже сколотил небольшую группу подручных, которая постепенно превратилась в банду.

Подручные Быка навещали частных коллекционеров-нумизматов по всей России и выведывали — нет ли у них золотых и серебряных монет? И если у людей находилось что-то ценное, то в ход пускалось всё — подкуп, шантаж, даже похищение и пытки. Бык не останавливался ни перед чем, чтобы заполучить ценные монеты.

Однако частные коллекции не очень обогатили его. У частных коллекционеров имелось много монет, но по-настоящему ценных — кот наплакал!

Тогда Бык решил переключиться на поиски монетных кладов. Вот здесь ему как раз и пригодился Август, который, как явствовало из записей отца, был безработным археологом.

До увольнения из института Август специализировался на эпохе русского средневековья. Он изучал также сведения о кладах, закопанных в Подмоскovie знаменитым разбойником Кудеяром. Бык предоставил в распоряжение Августа огромные средства для найма рабочих и техники. Август оправдал доверие «авторитета» — раскопал неда-

леко от Рузы клад, относящийся к шестнадцатому веку.

Но всё это время за Августом следил кто-то из агентов отца Настасьи — этот агент упоминался под кличкой «Ветер». И после того, как был найден клад, отец встретился с Августом. В книжке был детально описан разговор отца с Августом. Куприянов сказал, что за укрывательство от государства сведений о найденном кладе, за сотрудничество с криминальной группировкой Быка Августу грозит большой тюремный срок. У Августа оставался единственный шанс избежать тюрьмы — информировать отца о делах Быка. И он в конце концов согласился сотрудничать с отцом Настасьи.

Отец гарантировал Августу полную конфиденциальность и сдержал своё слово. О том, что он имеет своего агента в группировке Быка, знал только Вадим Ефимов.

Поначалу новый информатор разочаровал отца Настасьи: Бык не держал Августа в курсе своих главных дел, не брал на встречи с другими столичными «авторитетами». Но всё изменилось, когда в случайном разговоре Бык показал Августу девять монет и похвастался, что всё началось с них. Август, увидев эти монеты, потерял дар речи.

— Они из коллекции Быкарина! — воскликнул он в большом замешательстве.

— Я и есть Быкарин, — сказал Бык. — У меня и прозвище от фамилии.

И тут Август, захлёбываясь, стал рассказывать о редкой коллекции коломенского купца. Он читал о ней в специальной литературе. Он

говорил про византийские солиды и римские драхмы, скифские денарии и немецкие талеры, венесуэльские боливары и испанские мараведи, португальские винтемы и датские виты. Всё это десятилетиями собирал купец Быкарин. Об этой коллекции писали в научных журналах дореволюционной России. И эта коллекция невесть куда исчезла после революции.

Когда Август рассказал Быку о пропавших сокровищах его деда, в глазах «авторитета» зажглось алчное пламя.

— Найди этот клад, — приказал Бык.

— Легко сказать! — скептически ответил Август.

— Найди и смываемся за границу. Озолочу, Август.

Бык понимал, что не сумеет перевезти через границу сразу всю собственную коллекцию, которую собирал почти три десятилетия. У него не было «коридора» через таможню. Он намеревался вывезти коллекцию в Швейцарию частями, в несколько приездов.

Оставалось найти дедов клад. Он стоил всего его теперешнего богатства. Вот с ним можно пошиковать за бугром!

Информация о дедовском кладе Быка дошла до ушей Циклопа — другого криминального «авторитета», ярого врага и соперника Быка. Но Циклопу донесли так, что Бык уже нашёл несметные богатства и собирается улизнуть за границу.

Циклоп этого не мог допустить...

Настасья устало вздохнула. Такое обилие

информации может кого угодно сбить с толка! Но беда была в том, что это обилие сведений, по сути, ничего ей не давало.

«Значит, записная книжка — не вторая часть разгадки, — подумала она. — Книжка только указывает, где надо искать разгадку — в монетах...»

В последних записях уже ничего не упоминалось о раритетах, следовали только сообщения Августа. Информатор ещё раз уведомлял Куприянова, что Циклоп пронюхал о бесценной коллекции Быка и стремится заполучить её любым путём. По всей Москве шла охота за Быком. По его пятам неотступно следовали две бригады наёмных убийц. Подручные Циклопа держали под постоянным наблюдением две личные квартиры Быка и его дачу под Москвой, а также квартиры его друзей и знакомых.

Несмотря на все ухищрения Циклопа, целую неделю Бык умудрялся уходить от преследователей.

Чтобы окончательно запутать следы, Бык заказал два билета на самолёт — один из Москвы, второй из Санкт-Петербурга — и три билета на поезд. Он знал, что люди Циклопа проведают об этих заказах. На самом же деле Бык собирался доехать на машине до Минска и уже оттуда, по белорусскому паспорту, выбираться за границу.

Больше всего раздражало Циклопа то, что он не знал, где находится коллекция Быка. Его осведомители сообщили только, что Бык не расстанётся с девятью монетами. Эти монеты

чрезвычайно заинтересовали Циклопа, потому что он сразу догадался — зря Бык не станет их таскать с собой.

На этот раз Быку не удалось перехитрить Циклопа. Куприянов записал в книжке, что кровожадный «авторитет» «сел на хвост» Быку. Обнаружив его, агенты Циклопа буквально «пасли» Быка, уже не выпуская из поля зрения. Двое суток подручные Циклопа не трогали Быка, надеясь, что он сам выведет их на свою коллекцию.

Но Бык использовал это время лишь для того, чтобы передать девять старинных монет Августу — последнему из тех, кому Бык доверял и кто ещё был жив. Он сумел это сделать почти на глазах шпииков, бросив свёрток в мусорный ящик, который Август проверял каждый день. У них была такая договорённость. Август понял, что Бык догадался — разгадка тайны клада в этих монетах.

Настасья удовлетворённо хлопнула ладонью по коричневой поверхности стола.

«А я уже это поняла, папочка, я уже это поняла», — мысленно заявила она отцу, словно тот мог слышать её.

Из дальнейших записей в книжке следовало, что через несколько часов после того, как Бык передал Августу девять монет, Циклоп окончательно потерял терпение и натравил на «авторитета» своих «крутых парней». Труп Быка был найден на обочине Кольцевой дороги.

На страницах книжки отец Настасьи размышлял:

«Почему Циклоп не стал прятать труп Быка? Должно быть, не боялся разборок с московским общаком. Он решил показать столичным «авторитетам», что круче всех их, вместе взятых? В таком случае грядёт новый передел бандитских сфер влияния в Москве. Следует доложить свои соображения на оперативном совещании...»

У Настасьи сложилось впечатление, что эти записи отца были черновиком к докладу на том самом выступлении. Вот почему папа так подробно описывал разговоры с Августом и достоинства монет! Он почувствовал, что напал на след очень важного дела — дела, которое может вывести ФСБ на самого Циклопа.

«Так вот ты с кем схлестнулся, папочка! — подумала Настасья. — Не мудрено, что и за тобой начали охотиться... Но почему ты действовал в одиночку?»

Ответ Настасья нашла в записях, касавшихся Августа. После убийства своего покровителя Август понял, что скоро настанёт и его черёд. Напуганный до смерти информатор явился к Куприянову, передал монеты и попросил помощи.

Отец Настасьи обещал, что Августу сделают новые документы, изменят внешность и даже отпечатки пальцев и отправят жить куда-нибудь за Урал.

— Ты будешь нам нужен, — сказал Куприянов. — Как только справимся с Циклопом, будем искать клад. И ты поможешь разгадать тайну девяти монет.

Куприянов сдержал слово и сделал всё для

спасения Августа. Но по дороге в Красноярск Август был убит прямо в купе поезда.

Его смерть испугала Куприянова. К операции по переселению Августа были причастны некоторые сотрудники отдела. Утечка информации могла произойти только через них. Из числа подозреваемых Куприянов исключал только Вадима Ефимова. Против остальных офицеров ФСБ у него не было улик. Но и доверия к ним тоже не было.

Возможно, из-за этого Куприянов не отнёс в Управление те монеты, которые передал ему Август. Если кто-то в Управлении работал на Циклопа, он нашёл бы способ выкрасть их и передать «авторитету». Должно быть, Куприянов предполагал, что люди Циклопа могут наведаться и к нему домой. Он поставил себя на их место и попытался представить, где стал бы искать монеты особенно тщательно, а где — не особенно? И когда понял, что не стал бы особенно тщательно рыться в детском белье, то сразу же отнёс туда монеты и записную книжку...

Записи в книжке отца заканчивались вопросом:

«Доживу ли до совещания?»

«Ты дожил, папа, — мысленно ответила отцу Настасья. — Хотя жизнью это пока трудно назвать...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ ПЫТАЕТСЯ
РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ ДЕВЯТИ МОНЕТ*

Итак, Настасья знала, что ключ к кладу Быка в её руках. На это указывала папина записная книжка. Но как воспользоваться этим ключом? Где та «дверь», к которой подходит этот «ключ»?

Настасья отодвинула на край стола книжку в кожаном переплёте, извлекла из ящика мешочек с монетами и разложила раритеты перед собой. Затем она принялась листать справочники по нумизматике и сопоставлять цветные иллюстрации с изображениями на монетах.

«Возможно, смысл скрывается в надписях на деньгах», — предположила девочка.

Она не думала, что это окажется таким нудным занятием — иллюстраций в книгах оказалось слишком много.

Поначалу Настасья пришла в отчаяние оттого, что ни одна из картинок не соответствует в точности изображениям на монетах — так ей показалось при поспешном перелистывании справочников.

Она сходила на кухню за новой чашкой чая. По дороге из кухни девочка решила, что следует исследовать каждую монету по отдельности.

Взяв одну из них, лежавшую к ней ближе остальных, Настасья различила надпись «алтынник». Она открыла книгу-определитель под названием «Монеты России и СССР». Почти сразу же обнаружилось явное сходство этой монеты с русским алтыном — монетой, первоначально введенной татарами и равной трём копейкам.

Настасью словно озарило: она на верном пути! Но как сохранить это направление, как не уйти в сторону, как не допустить ошибку!

Она внимательно изучила историческую справку, посвящённую этой монете, и растерялась. Что ей дали сведения о том, что «чеканка алтына была частью первой важной попытки перестройки монетной системы, осуществлённой при царе Алексее Михайловиче» (1645—1676)? Что из того, что «после 1718 года чеканка алтына стала обходиться слишком дорого, поэтому его изготовление было прекращено»?

На лежащей перед Настасьей монете, под двуглавым орлом, значился год штамповки — 1909. Это была не ходовая монета, а юбилейная, выпущенная к 200-летию юбилею Полтавской битвы.

Положив алтын на кожаную обложку папиной книжки, Настасья принялась за изучение следующего раритета. Монета была плоской, намного легче тяжеловесного алтына и квадратной, со слегка округлёнными углами. На одной стороне изображен человек в тунике, с вытянутой правой рукой и скипетром в левой. У его ног сидит собака с тремя голова-

ми. На другой стороне выбит профиль человеческой головы. Оба рисунка сопровождаются надписями шрифтом, который Настасья раньше в глаза не видела.

Но туника, в которую облачён человек на монете, навела девочку на мысль, что «копать» следует глубоко в древность. Для этого ей пришлось просмотреть толстенные справочники «Античные монеты» и «Введение в античную нумизматику». Эти книги оказались самыми «древними» из тех, что держал на своей полке отец.

Через полтора часа просмотра иллюстраций и сравнения Настасья установила, что держит в руке драхму времен Древнего Рима. Профиль оказался принадлежащим императору Нерону, а мужчина на другой стороне монеты — мифологический бог царства мёртвых Аид, если по-гречески, или Плутон, если по-римски. В энциклопедии Настасья вычитала, что Нерон правил в середине первого века нашей эры.

«С этой монетой вроде тоже всё ясно, — подумала она, положив драхму на алтын. — Вернее, ясно, что пока ничего не ясно... Кстати, не мешало бы посмотреть, что пишут в «Мифологическом словаре» по поводу бога царства мёртвых. Какой-то смысл должен быть во всех этих изображениях. Эти монеты подобраны не случайно...»

Она зевнула и, забыв о желании полистать «Мифологический словарь», взяла третью монету. На одной стороне был изображён всадник с копьём в руке, на другой — в несколько

строк тянулась надпись мелкими буквами: «Божиею милостью великий государь, царь и великий князь Федор Иоаннович вся великия Руси самодержец». Ниже значилась дата чеканки — 1591.

Настасья довольно быстро, за каких-то полчаса, установила, что держит в руке копейку, которую чеканили на Руси с середины шестнадцатого века. Настасья привыкла к тому, что самая мелкая в России монетка всегда была бронзовой и лёгкой. Из исторической же справки следовало, что первые сто лет своего существования копейка была серебряной и тяжеловесной. Когда же царь Алексей Михайлович попытался заменить серебряные копейки медными, в Москве вспыхнул знаменитый Медный бунт, повлёкший множество жертв и подавленный с невероятной жестокостью. Только в правление Петра Первого копейка стала медной — деньги сильно обесценились из-за продолжительной войны со шведами, но копейка оставалась ещё тяжёлой. После смерти Петра, в правление его жены Екатерины Первой, чеканились даже квадратные копейки. При императрице Екатерине Второй копейка штамповалась при всё уменьшающихся размере и весе. И только в правление Никиты Хрущёва медная копейка была заменена бронзовой.

«Интересно, конечно, — подумала Настасья, широко зевнула и по привычке закрыла рот рукой, словно находилась в общественном транспорте, а не у себя дома. — Только я ведь забуду об этом уже завтра...»

Четвёртая монета, отлитая из золота, заставила Настасью призадуматься. Она не могла понять, к какому иностранному языку относятся обрамляющие корону надписи на одной стороне и профиль какого короля изображён на другой стороне. Дата чеканки — 1743 — не вносила особой ясности. В определителе монет имелись сотни номиналов, датированных тем же годом, но относящихся, например, к таким государствам, как Саксен-Анхальт или Гессен-Дармштадт, Брауншвейг или Мекленбург-Шверин. В одной только Германии в середине восемнадцатого века насчитывалось триста государств, имевших собственных государей и право штамповать собственную монету. Было от чего впасть в отчаяние Настасье!

Просидев в задумчивости, добрую четверть часа, Настасья уже хотела отложить этот раритет и взяться за следующий. Внезапно её внимание привлекли мелкие цветы лилии, отчеканенные под самой короной. Настасья мгновенно припомнила исторические романы Александра Дюма и Проспера Мериме, которыми зачитывалась в прошлом году.

«Да ведь лилия — это символ французских королев!» — мысленно возликовала она.

Среди рабочих книг отца имелся и богато оформленный словарь на французском языке. Но Настасья, которой не очень давались иностранные языки, предпочла обратиться к отечественной семисотстраничной «Нумизматике». Из неё девочка вычитала, что имеет дело с «Луисом дором», в переводе — «золотым Луи», французским луидором, чеканен-

ным с середины семнадцатого столетия. Название монеты объяснялось тем, что полтора столетия, до Великой Революции, Францией непрерывно управляли Людовики — Тринадцатый, Четырнадцатый, Пятнадцатый и Шестнадцатый — и все, как один, Бурбоны. Но если русские алтын и копейка с течением времени дешевели, то луидор дорожал, потому что повышалось в цене и золото, из которого он чеканился. Все Людовики любили изображать свои профили на этой монете. В эпоху Первой Французской революции портрет короля исчез с монеты — его заменило изображение абстрактного Гения Республики. А Наполеон Бонапарт с 1803 года и вовсе отказался от луидора, заменив его другой монетой.

«Есть ли какая-нибудь связь между подешевлением русских монет и подорожанием французской? — задумалась Настасья. — Может, этим купец Быкарин хотел дать понять, как высоко ценит он жизнь в Европе и как мало стоит жизнь у нас в России?.. Может, я всё слишком усложняю, ищу подоплёку там, где её нет?»

Дополнив луидором стопку монет на обложке записной книжки, Настасья принялась за изучение пятой монеты, также отлитой из золота, но отличавшейся от предыдущей красноватым оттенком и большей толщиной. На раритете также был вычеканен портрет какого-то короля и были сделаны надписи на иностранном языке.

Над этой монетой Настасья просидела свыше трёх часов. Дата чеканки — 1757 год —

ненамного облегчила её поиски по страницам словарей и определителей. Из исторической энциклопедии Настасья вычитала, что в эту пору Прусское королевство воевало едва ли не со всей Европой. И едва ли не вся Европа чеканила огромное количество монет, чтобы покрыть огромные военные расходы.

Но в какой-то момент девочка вдруг уловила сходство между профилем на монете и портретом прусского короля Фридриха Великого. Она начала внимательнее вчитываться в раздел, посвящённый немецким монетам. В конце концов Настасья установила, что промучилась так долго над миттельфридхсдором. Об этой монете Настасья только и узнала, что та была в полтора раза, на целых два грамма, низкопробнее полновесных золотых монет.

«Какой ерундой забиваю себе голову!» — мысленно возмутилась девочка.

Она с треском захлопнула большой справочник и с размаху положила миттельфридхсдор на луидор, отчего рассыпалась вся монетная горка.

Зато с шестой монетой у неё почти не возникло проблем. Хотя она и не сразу узнала императорский профиль на одной стороне раритета, но надписи «Французская Республика» и «20 франков» перевести сумела. Несколько удивила её дата чеканки — римская цифра «XI».

Пришлось ещё немного «покопаться» в исторической энциклопедии. Но в отличие от миттельфридхсдора Настасья доволь-

но быстро установила, что держит в руке ту самую монету, которой Наполеон Бонапарт заменил луидор — наполеондор. Эта монета чеканилась с 1803 года. Но Франция с 1792 года, с момента свержения королевской власти, жила по новому, революционному календарю, поэтому 1803 год был обозначен на монете как XI год Эры Республики. Спустя год Наполеон Бонапарт провозгласит себя императором и вернёт на монеты даты общеевропейского календаря. Поэтому монета, которую разглядывала сейчас Настасья, была подлинным раритетом, как и юбилейный алтынник, — во всём мире таких оставалось штук десять, если не меньше!

«Двигаюсь по возрастающей, — отметила про себя Настасья. — Каждая монета — моложе предыдущей на целую историческую эпоху. Случайно ли это?»

И только об этом подумала, как выяснилось, что седьмая монета «старше» и луидора, и миттельфридrixсдора, и наполеондора. Она датирована 1610 годом и отлита из серебра. По счастливой случайности Настасья быстро наткнулась в книге-определителе на раздел итальянских монет.

Седьмая монета оказалась венецианской озеллой, в переводе с итальянского — птица. Озеллу чеканили с начала шестнадцатого века дожи Венеции. На одну озеллу член магистрата покупал новогодний подарок, чаще всего битую птицу. Изображённый на монете святой Марк, покровитель Венеции, вручал коленапоклонённому дожу знамя города.

Восьмая монета была «помоложе», но ещё экзотичнее. Настасья установила, что держит в руке греческий обол, отчеканенный в 1750 году.

Оболы изготавливались ещё в Древней Греции, эти мелкие монеты использовались преимущественно для благотворительных пожертвований. В переводе с греческого «обол» означал «вертел». В Древней Элладе вертелы использовались не только для приготовления пищи, но и в качестве денег — до того, как появились первые монеты.

Но Настасье показалось не случайным, что Бык выбрал в число девяти монет не древнегреческий обол начала нашей эры, а обол середины восемнадцатого века.

Девочка устало закрыла глаза и спрятала лицо в ладони, упираясь локтями в стол.

«Какой-то смысл должен быть в этом подборе. Но как ухватиться за нужную ниточку? Как найти верный подход к разгадке?»

Она почувствовала неимоверную усталость. Буквы и рисунки в книгах расплывались перед глазами.

Который теперь час? — задалась она вопросом и посмотрела на будильник. — Когда я села за стол, было девять вечера...»

Часовая стрелка будильника, стоявшего на подоконнике у кровати, приближалась к шести утра.

«Как же я умудрилась просидеть девять часов и не заметила этого? — удивилась Настасья своей выносливостью. — Откуда только силы взялись? А все меня считали такой соней...»

Мысленно восхитившись собой, Настасья подумала, что недурно было бы вздремнуть. Но оставалась неизвестной ещё последняя, девятая монета. А девочка хотела лечь в постель с сознанием, что закончила дело.

Как на зло, с этой золотой монетой она провозилась дольше, чем с другими раритетами. Только когда совсем рассвело за окном, погасли уличные фонари и заголубело небо над жилыми многоэтажками, Настасья докопалась-таки до настоящего названия раритета. Он оказался византийским солидом середины десятого века. На одной стороне монеты был отчеканен профиль императора Константина Седьмого, на другой — крест с двумя перекладинами.

«Ну, вот и всё, — устало вздохнула Настасья, водрузив византийский солид на вершину стопки из монет. — Я знаю об исчезнувших монетах почти всё. И я также знаю, что ровным счётом ничего не знаю. Мои исследования не приблизили меня ни к сокровищам Быкарина, ни к тем, кто покушался на папу... Что же делать? Разумеется, поспать!»

Она положила монеты и записную книжку в нижний ящик стола, куда мама не имела обыкновения заглядывать, быстро разделась и нырнула под одеяло. Мысли о тайном значении девяти монет не давали ей покоя. Но едва Настасья коснулась головой подушки, как сразу же уснула.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*В КОТОРОЙ ПАШКА ЧУГУНОВ
НЕ ОПРАВДЫВАЕТ ОЖИДАНИЙ НАСТАСЬИ*

В полдень Надежда Петровна разбудила дочь словами:

— Ну, ты и соня! Как не стыдно быть такой лентяйкой!

— Не стыдно, — пробурчала, не открывая глаз, Настасья.

Она не сочла нужным признаться маме, что до самого утра корпела над книгами и раритетами. Сама Настасья знала, что вовсе она никакая не лентяйка, и это сильно укрепляло её самомнение.

Надежда Петровна широко открыла дверь комнаты и громко беседовала с Настасьей, переходя из кухни в спальню или гостиную:

— Я звонила в госпиталь! Пока у папы никаких улучшений!

— Жаль, — пробормотала Настасья.

Ей подумалось, что она пока не может порадовать отца никакими открытиями. А так хотелось, когда папа придёт в себя, сразу же рассказать, что она разгадала тайну монет! Это обрадует папу, и он начнёт быстро выздоравливать!

— У меня на сердце беспокойно, когда я не с ним. Как он там один без меня! Разве ох-

ранники заменят ему сиделку? Папе нужна хорошая сиделка! Папе нужна я! Я разговаривала утром с лечащим врачом! Он разрешил мне находиться в палате, ухаживать за папой, менять капельницу!

— Это хорошо, — заметила Настасья, чуть приоткрыв один глаз и наблюдая за сборами матери.

— Мне придётся почти всё время проводить в госпитале! — сообщила Надежда Петровна. — Так что ты остаёшься на некоторое время хозяйкой в квартире! Не забывай поливать цветы и мыть посуду!

— Ты совсем не будешь появляться? — от удивления Настасья открыла и второй глаз.

— Разумеется, буду! Но только поздно вечером! Так что придётся тебе, голуба, самой готовить себе еду!

— Охотно! — Настасья села на кровать и убрала прядь волос со лба. — Я проштудирую книгу «Кулинарные рецепты».

— Я оставлю деньги на серванте в гостиной! — сказала Надежда Петровна из прихожей, надевая туфли. — Покупай продукты и экспериментируй. До вечера!

Взяв большую сумку с едой, бельём и медицинский халат, она вышла из квартиры.

Когда за мамой захлопнулась дверь, Настасья почувствовала, что её снова одолевает сонливость. Её голова снова начала клониться к подушке. Она решила, что следует ещё немного полежать в кровати. Надо набраться сил! А кроме того, она ещё не придумала, как ей поступить дальше!

С этими мыслями девочка и уснула.

Но проснувшись через три часа, Настасья с грустью отметила, что и во сне её не посетило озарение, она так ничего и не придумала.

Из полусонного оцепенения её вывел телефонный звонок.

«Звонят из госпиталя, наверное, у папы улучшение!» — Настасья вскочила с кровати и помчалась к телефону.

Но звонили не из госпиталя. Звонил старый приятель и лучший друг Пашка Чугунов.

— Ну, так чего? — вместо приветствия спросил он. — Как ты там? Оклемалась после шмона?

Под «шмоном» Пашка подразумевал устроенный неизвестными в квартире Куприяновых разгром.

— Не очень, — ответила Настасья.

Она подумала, что пусть это не тот звонок, который ждала, но всё же очень приятно, когда о тебе кто-то заботится!

— Ну и как быть дальше? — продолжал расспрашивать Пашка. — Собираешься следить за той дамочкой?

— Собираюсь! — заявила Настасья, ещё минуту назад и не думавшая вести слежку за Шальковской.

Занимаясь таинственными монетами, Настасья успела позабыть о зловещей женщине. И теперь она была от всей души благодарна Павлу за то, что напомнил, откуда им грозит опасность.

— Ты-то сам что делаешь?

— Тебе звоню.

- Какой ты сегодня остроумный!
- Что есть, то есть, — похвалил себя Пашка.
- К тому же — хвостун.

«А ведь я могу доверить ему свою тайну! — подумала Настасья. — Вдвоём будет легче разгадать. Ум хорошо, а два... Вдвоем намного веселее. Глядишь, и он мне что-нибудь дельное подскажет! Может, его свежий взгляд подметит в монетах то, что я упустила... Но какой-то он сегодня легкомысленный».

Прежде чем довериться Чугунову, Настасья решила учинить ему небольшой допрос по телефону.

— С какой стати интересуешься, что я намерена предпринять? Ты ведь смеялся, когда я уговаривала тебя последить за Шальковской.

— Ну, не то, чтобы смеялся, — вяло защищался Пашка. — И это было только поначалу. Но то, что я потом своими глазами увидел у тебя в квартире, кого угодно убедит. Я тут пораскинул умишком и решил, что хоть ты и девчонка, но соображаешь, как настоящий мужик...

— Тоже мне, мужик нашёлся! — съязвила Настасья, но дальше выяснять отношений не стала.

Ей совсем не с руки было браниться с будущим союзником — он был единственным человеком во дворе их дома, которому она могла безоговорочно доверять.

— Ну, так вот, значит, — подытожил Пашка. — Я могу тебе помочь. Если, конечно, требуется тебе моя подмога. Ежели не нужна, так у меня куча других дел завсегда найдётся...

— Нужна, нужна, Пашенька, — поспешила заверить девочка. — Приходи ко мне. Заодно и позавтракаешь.

— Какой завтрак? Уже время обеда прошло, — заметил Пашка. — Мои мамаша с папашей с утра на завод ускакали. Говорят, обещали выдать зарплату за декабрь. Может, к вечеру и принесут что-нибудь вкусненькое. А то мы последний месяц питаемся пельменями да перловкой, перловкой да пельменями. А у тебя какое меню?

Признаться, Настасья хотела угостить его тоже пельменями, но мгновенно переменила решение.

— Я поджарю тефтелек и сделаю омлет.

— Ладушки! — обрадовался Пашка. — Так я скоро буду!

Пашка жил в соседнем доме. Его путь к Настасье мог занять самое большое три минуты.

— Не так скоро, — урезонила его Настасья. — Дай мне хотя бы время умыться, причесться...

— Ты что, только с кровати поднялась? — изумился Пашка.

Настасья не хотела продолжать этот разговор. Чего доброго, Пашка подумает, будто она какая-нибудь лентяйка и соня!

— Так что жду! — отрезала она и положила трубку.

Спустя два часа, кто позавтракав, а кто и пообедав, друзья перешли из кухни в комнату Настасьи. Заметив магнитофон «Панасо-

ник» — подарок от родителей в день рождения, Пашка потребовал:

— Поставь какую-нибудь музыку. У тебя есть новые кассеты? Мне Джордж Майкл нравится. «Спайс гёрлз» тоже ничего...

— Лучше слушай меня, а не музыку, — проигнорировала его художественные запросы Настасья.

Она достала из стола девять монет и передала ему. Настасья с нетерпением ждала, какая будет первая реакция друга. Почему-то ей верилось, что непредвзятая реакция постороннего человека натолкнёт её на верный путь, ведущий к разгадке.

Держа монеты на ладони и внимательно разглядывая отчеканенные на них изображения, Пашка произнёс:

— Мы в школе с ребятами на переменах играем на монетки. Лупишь монеткой об стенку и смотришь, какой стороной упала на пол. Если упала вверх гербом, оставляешь у себя. Если вниз гербом — забирают другие. Потом бросает монетку следующий игрок. И так все по очереди... Мне наши российские монеты не нравятся. Какие-то они лёгкие, отлетают от стенки далеко. Иногда падают на лестницу, прямо под ноги учителю. А такими монетками я с удовольствием сыграл бы на перемене. Они тяжеловесные. Хорошо бы сыграть...

— Больше у тебя никаких соображений нет по поводу этих монет? — сдержанно поинтересовалась Настасья.

Пашка вернул ей монеты и пожал плечами.

— Ну, а чего ещё? Наверное, они дорогие.

Старые какие-то. Можешь отнести их в антикварный магазин. Третью выручки отдашь мне за идею. Мы на все деньги купим мороженого. Объединимся мороженым на два года вперёд. А потом будем покупать лекарство от ангины...

Настасья считала себя человеком хладнокровным и сдержанным. Но от этого бессмысленного трёпа её терпение быстро иссякло, и она заорала на лучшего друга:

— Идиот ты! Из-за этих монеток чуть отца не убили! А ты ангиной собрался болеть! Нашёл время! Дурак!

Пашка на неё ни капельки не обиделся, только губы слегка надул.

— Ну, чего ты так раскошегарилась? Что я тебе должен был сказать про эти монеты?

— Ты должен был увидеть в них то, чего не заметила я! — прямоком заявила Настасья.

Обалдело уставившись на подругу, которая с каждой минутой изумляла его всё больше, Пашка уточнил:

— Чего не заметила?

— Да ничего, — поморщилась Настасья. — Просто я в тебе ошиблась.

Вот этого ей точно говорить не следовало!

На это замечание Пашка всерьёз обиделся. Он поднялся с кресла, которое стояло рядом с письменным столом, между кроватью и подоконником, и пробурчал:

— Раз ты такая умная, то и оставайся одна.

В другой раз Настасья, сама человек вспыльчивый, не стала бы его удерживать. Но тут неожиданно для себя самой она вскочила со стула и ухватилась обеими руками за Пашку.

— Пашенька, Пашутка, ну разве можно на меня обижаться?! Ты меня не совсем правильно понял. Я не совсем точно выразилась... Как же я без тебя! Мне и обратиться-то не к кому...

— Так чего ты от меня хочешь? — насупившись посмотрел на неё Чугунов. — Как я тебе могу помочь?

«А ведь монеты для меня как раз и не главное, — подумала Настасья. — Главное — выйти на тех, кто стрелял в папу. Хорошо, что Пашка напомнил мне о Шальковской!»

— Какой ты умница, Пашенька! — не удержалась она от похвалы.

Случались у неё такие резкие перепады в настроении — от беспощадной критики к безудержной похвале!

— И в чём это я так умён? — насторожился Пашка, ожидая какого-нибудь подвоха.

— Ты умеешь видеть главное, — заявила Настасья, — и не обращать внимания на мелочи.

Пашка самодовольно приосанился. Он всегда смутно подозревал, что у него куча достоинств, а Настасья не совсем наблюдательна и не замечает их. Наконец-то хоть прозрела!

— Ну, так что?! — хлопнул он в ладоши, как перед началом нового дела. — Идём следить за той женщиной? Опять забыл, как её зовут? Шавчикова?

— Шальковская, — уточнила Настасья. — Имей в виду, она может быть очень опасной.

— Мы тоже можем быть очень опасными, — заявил Пашка, который хотел, чтобы

к его прочим достоинствам Настасья присовокупила и отчаянную храбрость.

— Разумеется, — кивнула девочка, пряча монеты обратно в ящик письменного стола. — Но прежде узнаем, дома ли она сейчас?

Она пошла к телефону, набрала номер городской справочной, назвала адрес Ирины Шальковской и попросила сообщить её домашний телефон.

Через несколько минут Настасья уже звонила на квартиру Шальковской.

— Алло, — послышался в трубке чуть глуховатый голос той самой женщины, которая приходила к Настасье.

Девочка положила трубку и удовлетворённо сказала другу:

— Она пока дома. А нам пора на улицу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*В КОТОРОЙ ИРИНА ШАЛЬКОВСКАЯ
ОБНАРУЖИВАЕТ СЛЕЖКУ ЗА СОБОЙ*

Спустя полчаса Настасья и Пашка уже были во дворе жилой многоэтажки на Владимирской улице. Настасья экипировалась должным образом: взяла с собой чёрный рюкзачок, в который положила фотоаппарат с заряженной кассетой и косметичку. Она нарядилась в синие джинсы, кроссовки, белую рубашку и сиреневую кофточку. Деньги, которые мама оставила на покупку продуктов, она захватила, чтобы потратить на «мотор» в том случае, если придётся преследовать «объект».

Друзья облюбовали скамейку на краю детской площадки, метрах в двадцати пяти от подъезда, в котором жила Шальковская. Они полагали, что отсюда смогут наблюдать за всеми, кто входит или выходит из подъезда, оставаясь при этом незамеченными.

Первый час новоявленные сыщики просидели в молчаливом ожидании. Им почему-то казалось, что с минуты на минуту Шальковская выйдет из дома и напрямик отправится на встречу со своими сообщниками. При этом Настасья думала, что Шальковская загримируется под старушку и наденет парик. Пашка думал, что таинственная женщина ограничит

свою маскировку черной косынкой, чёрными перчатками и солнцезащитными очками. Иначе какая может быть таинственность без чёрных перчаток и тёмных очков?!

Поэтому они внимательно приглядывались к подъезду, готовые в любой момент последовать за первой же старушкой или за женщиной в чёрной косынке и тёмных очках.

Но за время их напряжённого ожидания из подъезда редко выходили люди, а если и выходили, то либо пожилые мужчины, либо дети. Ни под пожилого мужчину, ни под ребёнка Шальковская не могла заgrimироваться.

Настасья ценила в Пашке одно редкое качество — он говорил только тогда, когда ему было что сказать. Чугунов не болтал попусту, не молол языком от скуки. С ним приятно было потрепаться, но приятно было и помолчать. В разговорах с Настасьей Пашка не старался завладеть инициативой, он просто поддерживал беседу. И сейчас, видя, что подружке не до болтовни, помалкивал.

Лишь спустя час Чугунов задумчиво изрёк:

— Вот уж не думал, что слезка — такое нудное занятие. В кино показывают — только начинает кто-то следить за бандитом, как тот сразу в банду приводит...

После десятиминутного молчания Настасья призналась:

— Я тоже заметила, что в кино всё не так, как в жизни. В кино всё намного быстрее происходит. Там нет такого нудного ожидания, а все только бегает и стреляет друг в друга...

Осудив, таким образом, кинематограф за

отсутствие жизненной правды, друзья скоро-
тали ещё целый час возле детской площадки.

Они не видели, как Ирина Шальковская по-
дошла к окну своей квартиры и через щёлочку
у края плотной занавески осмотрела двор.
Ирину интересовало — нет ли за ней «хвоста»?
Но ничего подозрительного она не замети-
ла — прохожие спешили по улице по своим
делам, какие-то дети околачивались возле ка-
челей. Профессиональных детективов Ирина
не обнаружила. И всё же странное смутное
беспокойство не покидало её.

«Если «хвост» всё-таки есть, он обнару-
жится на улице», — решила молодая женщи-
на, складывая в сумочку «рабочий инстру-
мент» — пистолет, глушитель и две обоймы
патронов.

Сегодня у Шальковской не было задания,
и «пушку» брала с собой на всякий случай.

«После Куприянова может настать моя
очередь», — подумала она.

Перед тем, как выйти из квартиры, Шаль-
ковская посмотрела в дверной глазок — не
притаился ли кто на лестничной площадке?..

Когда Шальковская вышла из подъезда
и быстро зашагала в сторону станции метро
«Перово», юные сыщики глазам своим не по-
верили. Эта подозрительная женщина не
только не загримировалась под старушку и не
надела тёмных очков, но, наоборот, расфуфы-
рилась, словно собралась на презентацию! На
ней был синий деловой костюм, юбка и пид-

жак. Шальковская небрежно помахивала синей сумочкой.

— Пора, — хлопнула ладошками по коленям Настасья, подхватила свой рюкзачок и поднялась со скамейки.

Поначалу друзья шли на большом расстоянии от Шальковской. Но на многолюдном Зелёном проспекте они были вынуждены постепенно сокращать разрыв. Когда Ирина спускалась по лестнице в метро, Настасья и Пашка следовали за ней уже в каких-то пяти метрах.

Из-за толкотни на станции, Шальковская не замечала юных сыщиков. Но по профессиональной привычке она решила «сделать петлю», проверить, нет ли за ней слежки?

Она села в электричку, которая шла до конечной на этой линии станции «Новогиреево».

— Это подозрительно, — сказала Настасья другу, забегая в соседний вагон. — До Новогиреево можно было дойти пешком с Владимирской. А она зачем-то поехала на метро...

— Может, у неё назначена встреча внутри самой станции? — предположил Пашка.

Настасья нашла эту идею гениальной и тут же составила дальнейший план действий:

— Если она встретится со связным — я пойду за ним, а ты проследишь за ней.

Но на «Новогиреево» Ирина ни с кем не встретилась. Просто прогуливалась по перрону, всё так же беззаботно помахивая синей сумочкой. Она никого не высматривала и не обращала внимания на тех, кто появлялся с улицы.

Настасья и Паша делали вид, что усиленно изучают схему линий, но старались не выпускать из поля зрения женщину. Настасье даже показалось, что её подопечная о чём-то глубоко задумалась и даже забылась.

На само же деле Шальковская сразу подметила всех, кто остался на станции, а не поспешил к выходу. Их и было-то — мальчик да девочка. Этот безошибочный приём «петля» — ехать вперёд, а затем резко повернуть назад, чтобы проверить, не следует ли кто за ней, — Ирина использовала часто. Но ещё ни разу ей не приходилось иметь дело с детьми! Ирина решила убедиться, что дети не следят за ней.

И хотя Настасья стояла к ней в пол оборота, Шальковская легко узнала её. «Ба, старая знакомая! — удивилась она. — Что она тут делает? И с какой стати изучает схему линий? Она ведь москвичка... Может, паренёк, который стоит рядом с ней, — приезжий гость? Но что-то не смахивает он на приезжего, уж больно физиономия столичная...»

Чуть задержав на них взгляд, Шальковская остановилась в конце платформы, дождалась электрички и вошла в первый вагон.

— Встреча не состоялась, — сквозь зубы процедила Настасья. — Видимо, что-то спутало планы бандитов. Мы не должны терять её из вида.

От Шальковской не ускользнуло, что стоявшие в другом конце платформы дети опрометью бросились к поезду, вскочили в соседний вагон и устроились на сиденье возле окна так, чтобы видеть её.

«Неужели они и впрямь следят за мной, — удивилась Ирина. — Но с чего бы? Циклоп использует юных следопытов? Но как туда попала дочь Куприянова?»

Правда, всё могло оказаться чистым совпадением. Мало ли куда и зачем едут дети! Не стоит беспокоиться...

Но профессиональная привычка взяла верх — Шальковская вышла на станции «Авиамоторная» и опять прогулялась из конца в конец платформы. И снова ей на глаза попались Настасья и Пашка, которые не придумали ничего умнее, как заняться детальным изучением всё той же схемы линий метрополитена.

«Вот так «хвост» у меня! — не столько удивилась, сколько посмеялась про себя Ирина. — Кажется, они в самом деле за мной следят... Уж не полагает ли дочка Куприянова, что я причастна к покушению?.. Всё может быть... Скорее всего, оно так и есть. Интересно, как она вышла на меня?»

Ирина подумала, что едва ли за дочерью Куприянова не следят те, кто покушался на отца. Этого не может быть только в том случае, если людям Циклопа удалось взять то, что им надо было от Куприянова. А если нет? Тогда они в покое дом Куприянова не оставят. Они испробуют все возможности! Теперь Ирине следовало проверить — не сидит ли кто-то на «хвосте» у ребят?

«Их даже специально могли пустить по моему следу, — предположила Шальковская. — А настоящие наблюдатели околачиваются где-то неподалёку. Эх, знать бы, какую игру затеял с нами Циклоп!»

Дождавшись следующей электрички, она заняла место у дверей. И снова девочка и её спутник сели в соседний вагон в самый последний момент. Захлопнувшиеся створки автоматической двери едва не зажали Настасьину косу, отчего та громко вскрикнула.

«Ну, как можно быть такими растяпами! — подумала Шальковская о своих преследователях. — Но где же их сопровождение? Люди Циклопа уже должны показаться... Я думаю, что они спровоцировали детей. Или мальчик и девочка действуют по собственной инициативе? Тогда что они хотят выяснить? Что им от меня нужно?»

Между тем Пашка почувал что-то неладное. Ему показалось, будто пару раз Ирина бросила взгляд в их сторону.

— А что если нас она заметила? — испугался он.

Но Настасья, которую охватил азарт преследования, заверила:

— Не могла она нас заметить. Мы вели себя так осторожно! Я думаю, что у неё есть несколько мест для встреч со связным. На двух станциях к ней никто не подошёл. Значит, она сейчас прорабатывает запасные варианты...

— Едем в центр города, — поскущнел Пашка. — Нам придётся там здорово побегать, чтобы не отстать от неё...

И оказался прав.

Шальковская как будто нарочно выбирала самые многолюдные станции и самые длинные переходы между линиями. Сойдя на станции «Курская», она быстро перешла на Коль-

цевую линию. Ребятам пришлось мчаться за ней по эскалатору, а затем, чтобы не потерять в плотном людском потоке, двигаться чуть ли не в трёх шагах за спиной у Ирины. Она могла в любую минуту оглянуться.

Шальковская буквально затылком чувствовала дыхание запыхавшихся ребят. Но они меньше всего беспокоили молодую женщину — она могла «соскочить», исчезнуть в любую минуту. Ирина высматривала людей Циклопа, которые, как она всё ещё думала, должны были «пасти» детей. Некоторых подручных Циклопа Шальковская знала в лицо.

Ирина доехала до станции «Добрынинская», перешла на Серпуховскую линию, а затем доехала до станции «Севастопольская».

«Это просто невероятно! — поражалась Ирина, краем глаза наблюдая за Настасьей и Пашкой, заскочивших в тот же вагон электрички, в котором ехала и она. — Если бы за мной велась настоящая слежка, этих детей ещё полчасика назад заменили бы. Но они никуда не исчезают. Значит, Циклоп не интересуется моей персоной... Это и хорошо, и плохо... Но с какой стати дочка Куприянова решила, будто я играю против её отца?.. Пора заканчивать возню с этим детским садом! Ефимов, поди, уже ждался меня...»

Она нарочно не садилась, стояла неподалёку от дверей, хоть её часто толкали входившие и выходившие из вагона пассажиры. Она дождалась момента, когда машинист поезда объявил:

— Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — «Чертановская»!

Через секунду створки автоматических дверей начали сходиться. Шальковская резко рванулась вперёд и выставила ногу. Створки, окантованные резиной, больно ударили по ноге, но не закрылись. Сигнал о неисправности дверей дошёл до кабины машиниста, и тот открыл двери во всех вагонах на каких-то две секунды. Этих секунд Шальковской хватило, чтобы выскользнуть из вагона.

Настасья и Пашка, не ожидавшие такого поворота, замерли от удивления, прильнув к окнам дверей и опёршись о стекло ладошками. Шальковская сделала вид, будто не замечает их, и бодро направилась к переходу на Замоскворецкую линию. Электричка тронулась.

Глядя на уносящиеся в чёрный зев туннеля синие вагоны, Ирина подумала:

«Эта парочка следила за мной на свой страх и риск. Что-то за этим кроется! Не могли они заподозрить меня ни с того ни с сего. Дочка Куприянова гораздо умнее, чем кажется на первый взгляд. Надо бы повнимательней приглядеться к этим детям...»

Опечаленная Настасья обернулась к своему спутнику и сказала:

— Быстро же закончились наши поиски! Ты был прав. Она нас вычислила. Только не могу понять, когда именно мы засветились?

— Наверное, тогда, когда ты ей чуть не оттоптала пятки, — припомнил Пашка людскую давку у перехода с Кольцевой линии.

«Интересно, а ему понравятся мои серёжки

из аметиста, если я их вдруг надену?» — неожиданно для себя подумала Настасья, пристально глядя на Пашку Чугунова.

Мальчика этот изучающий взгляд слегка смутил, и он не придумал ничего лучшего, как тут же нагрубить подруге:

— Что уставилась? Поздно глазами хлопать, когда клиент уже уплыл. Как дальше будем жить?

— Едем домой, — рассудила Настасья. — Мне нужно вернуться к монетам. Если оборвалась ниточка с этой женщиной, то попробую потянуть за другую ниточку. Вдруг эти монеты каким-то образом выведут к бандитам?

— А я могу чем-нибудь помочь тебе с этими монетками? — поинтересовался Пашка.

Настасья пожала плечами.

— Вряд ли. Я ведь не собираюсь бросать их о стенку. Постараюсь лучше пораскинуть мозгами. Так что разойдёмся сейчас по домам. Но будет хорошо, если ты в нужный момент окажешься под рукой. Чует моё сердце, долго мы не засидимся.

— Моё сердце ничего не чует, но я буду рядом, — пообещал Пашка. — Чуть что, звони.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*В КОТОРОЙ ИРИНА ШАЛЬКОВСКАЯ
ПРОСИТ ПРЕДОСТАВИТЬ ЕЙ СВОБОДУ
ДЕЙСТВИЙ*

С агентом «Ветер» Вадим Ефимов назначил встречу в парке недалеко от Люблинского пруда. Он ждал Ирину в условленном месте, на пятой скамейке центральной аллеи, и читал газету. На соседних скамейках сидели и делали вид, что тоже читают газеты, два человека — это были агенты ФСБ. В их обязанности входили внешнее наблюдение и охрана Ефимова.

Приблизившись к скамейке, на которой сидел Ефимов, Ирина удивилась — он почему-то напряжённо смотрел мимо неё.

Но через секунду Шальковская поняла, в чём дело. К ней направлялся типичный бомж — пожилой мужик с запущенной бородой и всклокоченными волосами, одетый в тряпье со свалки и державший под мышкой пачку старых газет. Ефимов, скорее всего, хотел понять, не переодетый ли это агент Циклопа.

— Вы здесь собираетесь присесть? — поспешно спросил бомж осипшим голосом. — Здесь грязные скамейки. Вы испачкаете костюм. Купите у меня газету, всего за два рубля.

Что такое два рубля в наше время? Купите газету и сидите на здоровье...

— Иди, мужик, куда шёл, — вступился за «незнакомку» Ефимов. — Я уступлю даме свою газету. Тем более, что уже её прочёл. Прошу. — И он великодушным жестом расстелил газету на скамейке.

— Благодарю, — очаровательно улыбнувшись, опустилась на скамейку Ирина.

Тихо выругавшись, бомж, зарабатывавший на жизнь продажей старых газет в парках, поплёлся в соседнюю аллею, провожаемый пристальными взглядами охранников Ефимова.

— Ты задержалась, — упрекнул Ефимов Шальковскую, когда бомж удалился и уже не мог их слышать. — Валентин Куприянов окрестил тебя «Ветром» за то, что ты всегда была легка на подъём, никогда не опаздывала. Что-то случилось?

— Мне показалось, что за мной увязался «хвост», — поморщилась Ирина. — А это оказалась всего-навсего дочка Валика Куприянова.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — хмыкнул Ефимов. — Страсть к поиску преступников передаётся с генами от родителей детям. И дети часто оказываются лучшими сыщиками, чем их родители.

— Вот Настя и решила поиграть в сыщика, — вздохнула Шальковская. — А я разобралась в этом только через полчаса... Кстати, как самочувствие Валика?

— Без изменений. В сознание ещё не при-

шёл. Самая отрадная сейчас новость о его здоровье — отсутствие плохих новостей.

— Дорого бы я дала, чтобы он сейчас хоть слово сказал! — призналась Ирина. — Если бы только знать, кто его выманил в то утро из дома... Назвал бы только фамилию!

— Не бери душу понапрасну! — поднялся со скамейки Ефимов. — Мы узнаем, кто выманил. Хуже то, что ничем не можешь помочь своему лучшему другу... Давай прогуляемся по парку, а то засиделся я на работе...

Они медленно пошли по аллее, по обеим сторонам которой были высажены каштаны. Охранники Ефимова поднялись со своих мест и следовали за ними на большом расстоянии.

Ефимов и Шальковская молчали. Но оба думали об одном и том же — о Валентине Куприянове.

Ирина Шальковская была особым уполномоченным ФСБ, засекреченным агентом и работала под «прикрытием» — жила по поддельным документам, тратила деньги из секретных фондов госбезопасности и искала контактов с людьми, по которым давно плачет тюрьма. Её обязанностью было внедряться в преступные группировки, сообщать своему начальству, что собираются предпринять бандиты. На её счету была не одна раскрытая банда.

О том, кто на самом деле Шальковская, в ФСБ знали только Валентин Куприянов и его начальник Вадим Ефимов. От Ефимова

Ирина получала новые задания. Через Куприянова она передавала свою информацию в ФСБ. От Куприянова же она получала деньги, новые «легенды», документы и оружие.

У Куприянова было безошибочное чутье на опасность: он всегда верно советовал Ирине, когда следует внедряться, а когда уносить ноги из банды подобру-поздорову. И тем, что её до сих пор не «вычислили», тем, что её изуродованный труп до сих пор не валяется на одной из подмосковных свалок, Ирина считала себя всецело обязанной Валентину Куприянову.

Её очередное задание состояло в том, чтобы проникнуть в группировку «вора в законе» Циклопа. Куприянов намеревался «провести» Ирину в окружение Циклопа через своего информатора Августа, которым в последнее время усиленно интересовался «авторитет», задумавший «обломать рога» Быку. Куприянов рассчитывал на то, что после того, как Циклоп уничтожит своего врага, он привлечёт на свою сторону самых нужных ему людей из тех, кто раньше работал на Быка. И Август, как надеялся Куприянов, «замолвит словечко» перед Циклопом за Ирину.

Но всё случилось иначе. Циклоп и не думал брать к себе на службу подручных Быка — он их просто убивал. В последнем разговоре Куприянов сказал Ирине, что с её внедрением в банду Циклопа придётся поременить.

— Сейчас тебе туда соваться опасно, — сказал ей тогда Куприянов. — Но мы с тобой бездельничать не станем. Август мне кое-что передал. И это кое-что такое, что позволит нам заманить Циклопа в ловушку и взять с личным.

— Что именно? — поинтересовалась Ирина.

Куприянов замаялся.

— Понимаешь, я прежде сам должен разобраться. Завтра, после совещания в Управлении, я тебе всё покажу и растолкую свой план действий. Но предварительно мне нужно согласовать эту авантюру с Ефимовым...

А на следующий день Куприянов был ранен...

Когда Шальковская узнала об этом, её охватила паника. Без Куприянова, без его защиты, без его советов она чувствовала себя так, будто в одночасье стала слепой, глухой и немой. Ирина быстро смекнула, что смерть Августа и покушение на Куприянова — не простое совпадение. В этих терактах была своя жуткая последовательность! Чья-то рука направляла стволы бандитских автоматов. И вне всякого сомнения эта рука принадлежала человеку, работавшему с Куприяновым, в том же Управлении, может, даже в том же отделе!

Шальковская решила, что нельзя сидеть и ждать, пока и по её душу явятся киллеры, наёмные убийцы. Но у неё не было никаких инструкций от Куприянова, никаких указаний,

как действовать дальше. Тогда она подумала, что может быть что-то важное осталось в его квартире. Так ничего и не найдя там, Ирина только раскрыла себя, показав дочери Куприянова своё настоящее удостоверение, и вдобавок вызвала у Настасьи плохо скрываемое подозрение.

Шальковской не оставалось ничего другого, как обратиться к Ефимову. Чтобы их разговор не подслушали, она, возвращаясь от Куприяновых, позвонила Вадиму Сергеевичу из уличного таксофона. Ефимов назначил ей встречу сегодня в этом парке.

Слежка Настасьи Куприяновой и её дружка позабавила Ирину. Это маленькое приключение пришлось как нельзя кстати, потому что в последние дни Шальковская начала уже отчаиваться. Мысль о том, что «крот», предатель, подставивший Куприянова под пули, находится где-то рядом и уверен в своей безнаказанности, не давала ей покоя.

— Этот «крот» не успокоится, пока Валик жив, — сказала Ирина. — Крот понимает, что если Валентин очнётся от комы, то назовёт его имя. Прежде чем к Валику вернётся память, «крот» доберётся до него.

— Я думал об этом, — признался Ефимов. — Валика охраняют ребята, которым я полностью доверяю.

— Но ведь добраться до Валика можно и другим путём, — настаивала Ирина. — Например, через медсестёр... Яд может оказаться в лекарствах...

— Ты думаешь, я послал дилетантов? — вспыхнул Ефимов. — Эти парни знают своё дело. И вообще, не дави на меня. У меня и так кошки на душе скребут. Валик говорил, что наш отдел — накануне грандиозной операции. А теперь он ни жив ни мертв и вся его работа пошла насмарку. Так что я прошу...

Он сделал выразительный жест рукой и умолк.

Они остановились на каменном арочном мостике, под которым протекала впадающую в пруд речушка. Ефимов молча смотрел на уток, которые скользили по зеленоватой глади пруда, достал из кармана пиджака завернутую в газету булочку, начал крошить её и бросать птицам.

— Что же мне теперь делать? — рискнула нарушить молчание Ирина.

— Об этом я как раз и думаю, — вздохнул Ефимов и отряхнул крошки с ладоней. — Я не знаю, какие у Валика были планы насчёт тебя... Я не могу тебе сейчас поручить другое задание. Вдруг он завтра придёт в себя? Тогда ты, Ветер, понадобишься нам здесь... В общем, я решил, что ты пока не проявляй инициативы, подожди какое-то время и следи за ситуацией, чтобы могла в любой момент переключиться на то дело, которое осталось незавершённым...

— Я хочу найти «крота», он подкапывается под всех нас. — сказала Ирина. — Хочу найти того, кто подставил Валика под пули. Наверняка он сдал и Августа. Значит, через него мы выйдем на Циклопа.

Они перешли мост и оказались в аллее, вдоль которой тянулся густой кустарник, подстриженный в виде высоких стенок-шпалер.

— Но как ты выйдешь на этого «крота»? — спросил Ефимов.

— Через дочь Валика.

— А она здесь при чём? — удивился Ефимов.

— Похоже, отец не посвящал её в свои тайны. Но те, кто стрелял в Валика, не нашли то, что искали. «Крот» может подумать, что у Насти есть то, что нужно Циклопу. Он постарается подобраться к ней поближе. Но я дремать не буду и схвачу его за шиворот сразу же, как он засветится.

Проезжавший по аллее велосипедист издали подал сигнал звонком. Ефимов и Шальковская расступились, пропустили его и снова сошлись. За это время Ефимов успел обдумать Ирину идею и вынес суровый вердикт:

— Авантюра! Ты сама можешь оказаться под огнём. Кажется, бандиты называют свои мишени кабанчиками? Хочешь оказаться в этой роли?

— Я буду осторожна, — заверила Шальковская. — Валик многому меня научил. Он научил меня не лезть под пули. Научил продумывать каждый шаг. Настя Куприянова даже не почувствует, что я за ней наблюдаю. Не почувствует этого и человек, который работает на Циклопа. Всё сделаю так, что комар носа не подточит! Я уверена: надо последить за этой девчонкой. Не может быть, чтобы семью Ва-

лика оставили в покое. Не похоже на Циклопа.

Ефимов удовлетворённо хмыкнул. Для Шальковской это был добрый знак — это означало, что начальник согласился с её доводами.

— И давно эта мысль пришла тебе в голову? — спросил Ефимов.

— По дороге к вам. Когда увидела, как Настя пытается следить за мной.

— Что тебе нужно для операции? — перешёл к делу Ефимов.

— Мне нужны ваше согласие и аппаратура для прослушивания, — перечислила Шальковская. — Я должна подключиться к телефонному аппарату Куприяновых. Через него я смогу слышать всё, что говорится в квартире. Даже если никто не поднимет трубку...

— Я согласен, — перебил Ефимов. — Завтра получишь всё, что нужно для контроля за «объектом». Береги девчонку. Я за неё в ответе перед Валиком. И помни: твоё место в тени. Лучше оставаться живым уполномоченным, чем мёртвым героем.

Подав знак телохранителям, он решительно зашагал к выходу из парка.

Задумчиво глядя ему вслед, Шальковская подумала о том, как она рисковала, встречаясь в центре Москвы с Ефимовым. Разумеется, впредь она будет предельно осторожной.

Ирина чувствовала и некоторую неудовлетворённость от разговора. Она так и не решилась поделиться своими подозрениями насчёт одного из подчинённых Ефимова. Но у неё не было никаких доказательств,

а голословных утверждений Ефимов не принимал. Кроме того, Ирина знала, что как раз этому человеку Ефимов особенно доверял. Но теперь, получив свободу действий, Ирина твёрдо решила, что не обойдёт вниманием этого субъекта.

«Однако всё в этой игре зависит от того, как поведёт себя Настя Куприянова, — подумала Шальковская. — Если она хоть в чем-то сглупит, проиграем мы все...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ РАЗГАДЫВАЕТ ТАЙНУ МОНЕТ

Вернувшись домой после неудачной слежки, Настасья переоделась, наскоро перекусила и прошла в свою комнату. Усевшись за письменным столом, она извлекла из ящика монеты и разложила их перед собой. В отцовской записной книжке оставалось несколько чистых страниц. Она включила настольную лампу и внимательно просмотрела их на свет — нет ли каких-нибудь водяных знаков?

Знаков не было.

Из госпиталя позвонила мать.

— У тебя всё в порядке?

— Да, мамулик, — заверила Настасья. — Когда ты вернёшься домой сегодня? Поздно?

— Доктор сказал, что я могу дежуритьazole папы и ночью, — сказала мать. — Вдруг папа придёт в сознание? Мне надо быть рядом с ним. Я вернусь утром. Не скучай.

— Не буду, — пообещала Настасья.

Положив трубку, Настасья подумала, что смысл отцовского послания может быть зашифрован в тексте записной книжки. Она ещё раз перечитала записи и выписала на лист бумаги заглавные буквы каждого предложения.

Получилась сущая белиберда — почти весь алфавит, с явным преобладанием согласных.

«Похоже, записная книжка ничего не даст, — постучала девочка пальцами по кожаной обложке. — В ней много материала, который пригодится во время суда над Циклопом. Поэтому папа и спрятал её. Но Циклопа ещё надо засадить за решётку... Всё-таки указание, где искать клад, — в монетах. В книжке не может быть ничего такого... Как же я не догадалась сразу? У купца Быкарина не было записной книжки, только монеты. Значит, надо изучать монеты. Но я уже тысячу раз просматривала их. Значит, надо ещё тысячу раз».

Она снова стала перечитывать в справочниках статьи об алтыне, луидоре, наполеондоре, оболе, копейке, миттельфридрихсдоре, озелле, солиде и драхме. Повторное изучение каждой монеты заняло у Настасьи очень много времени. За окном уже была глухая ночь. Светил одинокий фонарь перед подъездом её дома, по улице изредка проносились машины.

«Я не замечаю в монетах чего-то самого простого и очень важного, потому что привыкла к ним», — подумала Настасья, поднялась из-за стола и направилась заваривать крепкий чай.

Монетные профили королей Людовика Пятнадцатого и Фридриха Прусского, императоров Наполеона, Нерона и Константина Седьмого ничего ей не подсказывали.

«А что если Быкарин выбрал эти монеты

произвольно? — подумала Настасья, возвращаясь из кухни. — Может, никакого смысла они не имеют? Просто Быкарин захотел поиздеваться над искателями его сокровищ?..»

Ею овладел глупый смех, от которого она затряслась и едва не опрокинула чашку кипятка себе на колени.

«В самом деле, зачем я понапрасну теряю время? — размышляла девочка. — Ведь Быкарин никому не хотел открывать тайну клада! Даже сыну. Не хотел, чтобы кто-то другой завладел его коллекцией... В этой игре я проиграла! Что толку разгадывать загадку, когда загадки вовсе нет?..»

Она захлопнула справочник-определитель и откинулась на спинку стула, глотнула чаю и поморщилась — горячо!

«Вот и закончились мои поиски! — с горечью подумала она. — Ничего у меня не получилось со слезжой, ничего не получилось и с монетами. У меня не осталось ничего, что могло бы вывести на преступников...»

Оцепенело глядя в окно, Настасья не заметила, что просидела так ещё целый час. Спать ей не хотелось, только побаливала голова от переутомления. Она бы уже легла, но не давала покоя мысль, что ещё чего-то не сделала — чего-то такого, что собиралась сделать раньше.

Наконец она сгребла монеты в ладошку и открыла ящик стола. И тут её взгляд упал на чеканку древнеримской драхмы — бог царства мёртвых Плутон.

«Я ведь хотела посмотреть в мифологическом словаре, что там о нём говорится!» — вспомнила Настасья.

Она вновь сложила монеты столбиком и раскрыла словарь.

Прочитав статью, посвящённую античному богу царства мёртвых, Настасья была изумлена. Оказалось, что этот Плутон — по-гречески Аид — считался в мифологии не только властелином подземного царства, но и повелителем скрытых в земле сокровищ.

— Сокровищ! — радостно завопила Настасья. — Я на верном пути!

Она вскочила со стула и запрыгала, закружилась по комнате. Задев коленкой край кровати, она остановилась и мысленно произнесла: «Только не ошибись на этот раз! Ну, пожалуйста, будь умницей!»

Настасья внимательно разглядела отчеканенную фигуру Аида — Плутона с протянутой правой рукой и скипетром в левой.

«Имеет ли какой-нибудь смысл его поза? Из девяти монет эта — самая древняя... А может, имеет значение время, в которое чеканили драхму? Что если годы чеканки монет подобраны не случайно? А если сложить их по эпохам — от самых “старых” до тех, что “помоложе”?»

Настасья начала раскладывать монеты слева направо.

Первой оказалась древнеримская драхма с изображениями бога царства мёртвых и цезаря Нерона. Рядом Настасья положила византийский золотой солид, чеканенный в деся-

том веке. Подле солида оказалась серебряная русская копейка 1591 года с изображениями двуглавого орла и царя на коне с копьем в руке. Отсюда, кстати, и произошло слово «копейка». Затем последовала серебряная венецианская озелла 1610 года с изображением Святого Марка, покровителя города.

С озеллой соседствовал золотой французский луидор чеканки 1743 года с профилем короля Людовика и бурбонскими лилиями на обороте. За озеллой — греческий обол 1750 года. За оболем — золотой прусский миттельфридрихсдор 1757 года. Затем в коллекции раритетов следовал хронологический «скачок» почти на полстолетия — следующая монета, золотой наполеондор, была чеканена 1803 годом.

Оставался ещё один раритет — русский алтынник. Настасья помнила, что алтын чеканился с четырнадцатого века, но на этой монете была отштампована юбилейная дата — 1909 год.

«Это не случайно! — возликовала Настасья. — Из всех алтынников Быкарин выбрал юбилейный для того, чтобы он оказался в конце... В конце чего? Какой смысл в том, что монеты сложены именно так, а не иначе?»

Она снова отправилась на кухню заваривать чай.

«Может, монеты надо сложить крестом? — думала она, сосредоточенно наблюдая за синеватым пламенем газовой комфорки. — Или кругом? Или квадратом? И что тогда? Получится какая-нибудь надпись?.. Точно, надпись!

Как же мне сразу это в голову не пришло!»

Позабыв о чайнике на плите и даже не включив света на кухне, Настасья помчалась в свою комнату. Она решила повторить с монетами тот же приём, что и с записями в книжке отца, — выписать заглавные буквы. Настасья достала из ящика чистый лист бумаги, шариковую ручку и выписала в столбик названия раритетов:

Драхма

Солид

Копейка

Озелла

Луидор

Обол

Миттельфридрихсдор

Наполеондор

Алтынник

«Имеет ли какой-нибудь смысл то, что монеты подобраны из разных стран и времён? — размышляла Настасья. — Наверняка и Бык изрядно поломал над этим голову...»

Сейчас каждая из монет казалась Настасье своего рода дверью в прошлое. По каждой из них можно было представить себе ту эпоху, в которую чеканились монеты.

В воображении девочки возникал знойный императорский Рим с триумфальными шествиями цезарей и гладиаторскими побоищами на аренах цирков. При взгляде на солид возникала жаркая Византия — империя, в которой римская нация постепенно вымерла в непрекращающихся войнах с арабами, славянами и турками. Копейка же сразу переносила

сила Настасьино воображение в край лесов и болот — в древнюю Русь с деревянными храмами и долгими зимами.

Озелла будила в памяти образы города каналов и сладкозвучных гондольеров; луидор — образы придворных дам в пышных кринолинах и кавалеров в пудренных париках.

Разглядывая обол, Настасья видела перед собой скалистые острова Эллады и пастухов в одежде из овечьей шерсти и овечьих шкур.

Миттельфридрихсдор — это военные парады пруссаков и скука размеренной жизни в немецких городках. Наполеондор — безусловно, образ самого гениального корсиканца, странствующего по Европе от сражения к сражению.

Об исторических ассоциациях, вызываемых видом русского алтынника, Настасья подумать не успела. Она вспомнила, что поставила чайник на плиту, и пулей вылетела из комнаты.

Стены кухни запотели от пара, который последние полчаса выдыхал кипящий чайник. Капельки воды стекали по кафельным стенам и дверным створкам кухонных ящиков. Когда Настасья сняла крышку, к потолку взвился столб пара, едва не обжёгший ей руку. Воды на дне чайника почти не осталось.

«Ох, растяпа я, растяпа! — и тут же внесла поправку: — Но зато я умная растяпа!»

«Умная растяпа» налила в чайник свежей воды и снова поставила на огонь.

«Теперь-то уж точно не забуду выключить,

когда закипит!» — пообещала сама себе Настасья, направляясь из кухни в комнату.

Всё равно забыла!

Забыла, потому что надолго задумалась над словом, получавшимся из заглавных букв монет — ДСКОЛОМНА.

«Три согласные буквы в начале слова — это что-то немыслимое, — размышляла девочка, положив на алтынник указательный палец и водя по коричневой поверхности стола. — В русском языке таких слов нет. А может, напишешь вовсе и не на русском? Может, у купца Быкарина был свой особенный язык, понятный только ему одному? Тогда мне этой абракадабры вовек не разгадать... Да что это я всё ною да ною! Кому я жалуюсь? Я ведь шла по верному пути! Ну-ка, соберись!»

Но умные мысли пока не приходили в голову, и она стукнула копеейкой о луидор.

«Что-то я упустила из виду... А на что-то слишком уж обращаю внимание... Стоп! А с какой стати я посчитала, будто первая монета — это первая буква в слове? Ведь ясно же, эта монета лишь обозначает, что клад спрятан под землёй. Значит, её надо убрать из слова! Что у нас получается?»

Получалось: СКОЛОМНА.

«Две согласные в начале слова... Это уже русский язык... А если убрать букву в конце слова? Что получится? СКОЛОМН. Чушь какая-то... А если убрать первую букву?.. КОЛОМНА. Коломна?!»

Восторгу Настасьи не было границ.

— Ай, да умница! — воскликнула она, под-

бежала к висевшему на стене зеркалу и послала себе воздушный поцелуй. — Ай, да молодчина! Никогда не сдавайся! И обязательно победишь!

Она даже поразилась, насколько просто оказалось разгадать этот ребус. Купец Быкарин обозначил первой монетой — клад закопан, а следующими семью — коллекция спрятана в Коломне, городке недалеко от Москвы.

И тут Настасья вспомнила-таки о чайнике и вновь помчалась на кухню. Разумеется, кухонные окна и стены по-прежнему «плакали», а кипячёной воды в чайнике осталось ровно на одну кружку.

«Чего я, собственно, развеселилась? — осадил себя Настасья, бросая в фарфоровую кружку с кипятком пакетик ароматного чая «Майский». — Что из того, что клад спрятан в Коломне? Где именно он лежит в Коломне? Где его там искать?»

Получалось, что точное место клада обозначала вторая монета — византийский солид середины девятого века.

«Задал Быкарин мне задачку! — подумала Настасья, возвращаясь в свою комнату и отпивая немного чая. — Что было на уме у этого проходимца-купчины?»

Настасья снова принялась за чтение в справочнике-определителе статей о византийских монетах, а заодно заглянула и в историческую энциклопедию. Но узнала не много нового.

Император Константин Седьмой, отчеканенный на одной стороне золотого солида,

имел у современников прозвище «Порфириносный», что означало — «рожденный в царском дворце». Он получил своё имя в честь Константина Великого — императора, провозгласившего в 313 году христианство государственной религией.

Крест с двумя перекладинами различной длины на другой стороне монеты являлся символом патриаршей власти. В десятом веке правители Византийской империи часто враждовали с патриархами православной церкви. Патриархи полагали, что церковь не должна признавать ничью власть, кроме Божьей. А византийские правители доказывали, чаще всего силой оружия, что церковь прежде всего должна подчиняться императору — он, дескать, помазанник Божий. Когда императору и патриарху удавалось договориться, то в ознаменование этого события чеканились юбилейные монеты, как этот солид.

«Императоры, патриархи, войны, примирения... Что мне делать со всеми этими сведениями?» — вздохнула Настасья, закрывая энциклопедию.

Чтобы разузнать побольше о Коломне, ей пришлось сходить в спальню родителей и разыскать на одной из полок книжного шкафа путеводитель по достопримечательностям Москвы и Московской области.

Коломне был посвящён большой раздел. Из него Настасья узнала, что Коломна впервые в летописи упоминается в 1177 году. В то время она была пограничной крепостью Рязанского княжества. Спустя полтора столетия

Коломну, как и всю Рязанщину, присоединил к своим владениям московский князь. На протяжении четырёх столетий городок страдал от набегов татар — вначале казанских, затем крымских.

Далее следовал список достопримечательностей Коломны. Настасья не поленилась ознакомиться с ним:

«Церковь Иоанна Предтечи (начало 16 века), шатровая церковь Брусенского монастыря (1522 год), Воскресенская церковь Спасского монастыря (14 век, перестраивалась в 17—18 веках), церковь-ротонда Вознесения (1799 год, построена по проекту М. Ф. Казакова), церковь Константина Великого (1658 год, заложена по указанию патриарха Никона), колокольня церкви Иоанна Богослова (начало 19 века), церковь Михаила Архангела (1833 год, архитектор М. Ф. Шестаков)...»

Кроме того, путеводитель рекомендовал туристам посмотреть на улицах Лёвшина и Посадской дома, построенные в стиле барокко, в стиле классицизма и в нарышкинском стиле.

Дочитав список, Настасья зевнула.

«Кажется, я увязла в этом солиде и этой Коломне, как немец под Москвой...»

Но странное чувство мешало ей захлопнуть справочник. Настасье показалось, будто в тексте, посвящённом Коломне, промелькнуло какое-то важное сведение. Но именно это сведение она и пропустила!

«Чтобы сделать правильный вывод, нужно узнать о предмете как можно больше, — выве-

ла Настасья для себя твёрдое правило. — Так что прочитаю всё это ещё раз, но уже помедленнее...»

И когда перечитала — поразилась своей рассеянности. Как можно было пропустить такое очевидное указание!

Она встала из-за стола и потянулась до хруста в суставах.

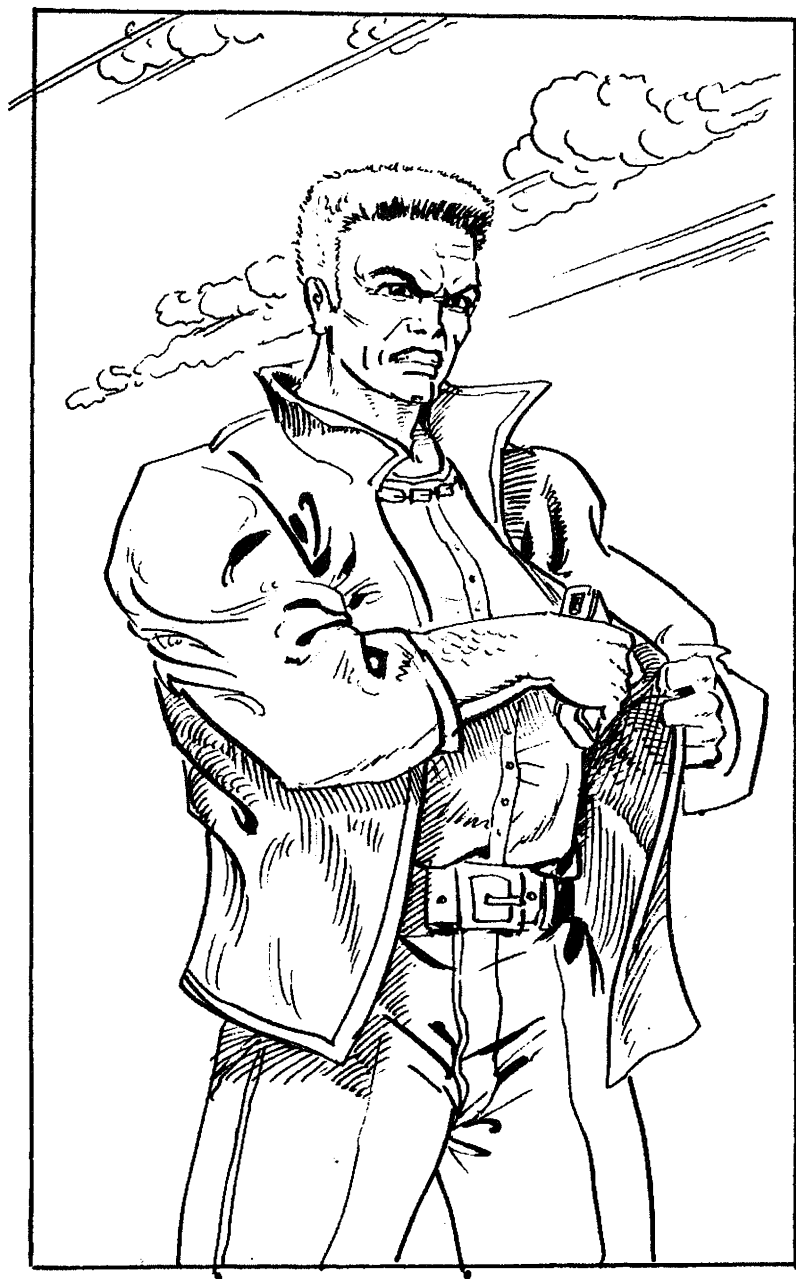
Итак, она знала, где в Коломне спрятан клад купца Быкарина. Но Настасья уже не плясала и не прыгала по комнате. Сказывалось утомление от двух бессонных ночей и одного трудного дня. Кроме того, у неё не было твёрдой уверенности в том, что на этот раз она не ошиблась. Чтобы проверить догадку, нужно было ехать в Коломну.

«Я должна своими глазами увидеть, есть ли там этот крест?» — решила Настасья, открывая форточку, чтобы проветрить комнату, и отнесла чашку с остывшим чаем на кухню.

Несмотря на то, что ключ к разгадке тайны девяти монет был найден, для Настасьи многое ещё оставалось непонятным. И самое главное: поможет ли коллекция купца Быкарина выйти на преступников? Что проку в этих монетах, если папа по-прежнему не приходит в сознание, а те, кто в него стрелял, до сих пор бродят на свободе?

«Утром я придумаю, как действовать дальше, — решила Настасья, расстилая постель. — Сейчас я уже ничего не соображаю. Значит, надо отдохнуть...»

Выключив настольную лампу, раздевшись и юркнув под одеяло, она не удержалась от

того, чтобы ещё раз не похвалить себя вслух:

— Всё-таки не такая уж я дурочка, как кое-кто полагает!

Она не имела точного представления, кто именно это полагает. Для Настасьи было не важно, что думали о ней другие люди. Важно было, что думают о ней мама и папа и что думает она сама. И так как Настасья думала о себе много хорошего, то после этих добрых слов сразу же крепко уснула.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ ПРИВОДИТ
В ИЗУМЛЕНИЕ САВЕЛИЯ ГАЛУШКИНА
И ПАШКУ ЧУГУНОВА*

Настасья не знала, что тем ранним утром Ирина Шальковская уже проникла в квартиру, которая находилась этажом выше, — жильцы той квартиры уехали в отпуск.

Оказавшись прямо над квартирой Куприяновых, Шальковская извлекла из двух чёрных пластмассовых чемоданчиков аппаратуру для подслушивания, которую ей передал Вадим Ефимов. Первый прослушивающий датчик Ирина укрепила на полу. Датчик улавливал все звуки, доносящиеся снизу. Второй датчик Шальковская присоединила к телефонному кабелю, и теперь могла слышать все разговоры по телефону, ведущиеся из квартиры Куприяновых.

«Узнает Валик, чем я занимаюсь, — голову оторвёт! — подумала Ирина. — Но кто ещё уберёжет Настю от неё же самой, кроме меня?..»

Разумеется, Настасья не подозревала, что этажом выше расположилась её защитница. Настасья с удовольствием проспала до полудня, и этим вызвала сильное удивление у мамы, которая вернулась из госпиталя.

— Да сколько же ты можешь спать?! — воскликнула Надежда Петровна, заглядывая в её комнату. — Я уходила — ты спала. Я вернулась — ты по-прежнему спишь. Прямо как медведица зимой — лежит в берлоге и сопит. Какая сонная муха тебя укусила?

— Никакая, — честно ответила Настасья и широко зевнула.

— Так чем же ты ночью занимаешься, что никак не выспишься? — спросила Надежда Петровна, разуваясь у двери. — Читала опять?

На это Настасья не нашлась, что ответить. Пока она не была готова рассказать маме о своём ночном открытии. Прежде всего ей следовало проверить свою догадку.

«Да маме и не очень-то всё это интересно, — оправдалась перед собой Настасья, откидываясь на подушку и закрывая глаза. — Её ничего не волнует, кроме папиного здоровья...»

В этом Настасья не ошибалась. Надежда Петровна действительно была озабочена лишь тем, что муж, в палате которого она провела всю ночь, по-прежнему не приходит в сознание. Ни о чём другом она думать не могла.

Не дождавшись от дочери ответа, Надежда Петровна сказала:

— Ладно, полежи ещё немного, а потом вставай, готовь завтрак. Я приму душ и тоже посплю. А вечером снова уйду к папе в госпиталь.

— Как папа? — спросила Настасья, открыв глаза.

— Пока никак, — грустно ответила мама и пошла переодеваться.

К тому времени, как мама приняла ванну и отправилась в спальню отдохнуть, Настасья наконец проснулась.

«Как жаль, что не могу посоветоваться с папой! — подумала она. — Значит, придётся самой соображать, как действовать...»

Затем быстро оделась, умылась и причесалась. На завтрак сварила парочку яиц и съела их с майонезом. Она приготовила себе кофе, и в этот момент её вдруг осенило:

«Как я могла забыть о Галушкине?! Ведь Вадим Сергеевич просил обращаться к своему заместителю, если мне понадобится помощь! самого Вадима Сергеевича беспокоить не стоит. У него и без меня дел выше крыши... Надо связаться с Галушкиным! Причем немедленно! Он поможет мне проверить мою догадку. Галушкин ведь тоже просил меня звонить ему, если вспомню что-нибудь важное... А я не просто вспомнила, я узнала кое-что важное!.. Кстати, а где его визитная карточка?»

Визитная карточка лежала в ящике отцовского письменного стола — туда её положила мама после того, как взяла у Галушкина. Вспомнив об этом, Настасья на цыпочках прокралась в спальню. Но когда она выдвигала ящик, мама проснулась и беспокойно заворочалась на кровати.

— Ну, что тебе ещё? — проворчала только что заснувшая Надежда Петровна.

— Я только хотела узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь? — мгновенно нашлась Настасья, извлекая визитку из ящика.

— С чего ты вдруг стала такая заботливая? — повернула Надежда Петровна голову в её сторону.

— Ну, раз ничего не нужно, то не буду тебе мешать, — заявила дочка и пошла к двери.

«Я ведь не совсем обманула маму! — оправдалась она перед собой. — Так, совсем немножко. А немножко — это не считается... И потом — не ради же себя».

Плотно прикрыв дверь на кухню, чтобы мама ненароком чего-нибудь не услышала, Настасья набрала номер рабочего телефона Галушкина.

— Слушаю! — раздался после пяти гудков на другом конце провода резкий голос.

«Кажется, у него неприятности на службе», — подумала Настасья.

И хотя она узнала Галушкина, но, внезапно оробев, тихо попросила:

— Здравствуйте, позовите, пожалуйста... — забыв отчество Галушкина, она замешкалась.

— Кто говорит?! Куда вы звоните?! — раздражённо спросил Галушкин, повысив голос.

«У него всегда такое плохое настроение или только сейчас?» — подумала Настасья. Ей очень не нравилось, когда с ней говорили грубо. К тому же она не ожидала такого тона.

При первом знакомстве Галушкин показался обаятельным и вежливым человеком.

А сейчас на другом конце провода злился какой-то хам.

«Я преувеличиваю, — успокоила себя Настасья. — Мало ли что у него... Я тоже не всегда бываю в хорошем настроении».

Поглядев на визитку, Настасья чётко произнесла:

— Мне нужен Савелий Семёнович Галушкин.

— Кто его спрашивает?

Собеседник говорил так громко, что Настасья почувствовала, как вздрагивает мембрана в телефонной трубке.

— Настасья Куприянова...

Голос Галушкина моментально изменился.

— А, Настенька! Очень приятно тебя слышать! Извини, что я вначале... Только что звонили мне какие-то хулиганы, угрожали взорвать шестьдесят девятую среднюю школу, если учителя не отменят контрольную по химии... Сама понимаешь, после таких шуточек... Думал, опять они. Как у тебя дела, Настюша?

— Настасья, — рискнула поправить грозного начальника девочка. — Меня зовут Настасья, а не Настюша.

— Прости, если можешь. Я учту. А всё-таки — как дела?

— У меня всё хорошо. У папы, к сожалению, пока без изменений...

— Да-да, я знаю, — перебил Галушкин. — Мы все в отделе переживаем за твоего папу. Мы с Вадимом Сергеичем поочерёдно заглядываем в госпиталь. Сегодня — он, а завтра —

я... Чего-то хотела от меня? Ты девочка серьёзная, так просто звонить не будешь... Я к твоим услугам.

— Я кое-что узнала, — с гордостью заявила Настасья. — Но мне нужна ваша помощь.

— Не говори со мной загадками, — чувствовалось, что собеседник на другом конце провода снисходительно улыбнулся. — Ты можешь мне доверять так же, как доверял твой папа.

— А скажите, Савелий Семёнович, если мы найдём клад с монетами, это поможет нам выйти на тех, кто стрелял в моего папу? — напрямик спросила Настасья.

На другом конце провода воцарилось молчание. Настасья даже пару раз дунула в трубку.

— Откуда ты знаешь о кладе? — приглушённым голосом, спросил Галушкин. — Это же секретная информация... Как она к тебе попала?

— Говорю же вам, я кое-что узнала, — самодовольно произнесла Настасья. — Так поможет нам клад или нет?

— Преступники охотятся за этим кладом, — как-то неуверенно проговорил Галушкин. — Они думали, что у твоего папы есть то, что подскажет, где следует искать клад. Поэтому они и покушались на твоего папу. Ты что-то нашла?

— Может быть.

— Ты всё говоришь загадками.

— А вы не отвечаете на вопрос.

— Если клад будет у нас в руках, мы используем его как приманку... Бандиты сами

выйдут на нас, не надо искать. Но прежде клад надо найти. Не может быть, чтобы ты знала, где он находится!

— У меня есть кое-какие предположения, — замялась Настасья. — Но чтобы убедиться, я должна съездить в Коломну...

— Куда? — изумился Галушкин.

— Я думаю, что сокровища спрятаны там, — продолжала Настасья. — Но точно определить можно только на месте. Одна я едва ли справлюсь. С вами будет спокойнее. Вы — большой начальник, к тому же работаете вместе с папой... Я думаю, папа одобрил бы моё решение...

— Не сомневаюсь в этом! — со сдержанным достоинством проговорил Галушкин. — Ты правильно решила, Настасья. Если окажется, что ошиблась, никому об этом не расскажем. Я умею молчать. А если ты права, считай — преступники уже на крючке. Я отвезу тебя в Коломну на своей машине. Когда захватить за тобой?

«Неужели я поеду с ним одна? — удивилась своей смелости Настасья. — Как-то неудобно... Кого бы с собой позвать?.. Ну, конечно же, Пашку!»

— Вы не возражаете, если с нами поедет мой друг Паша?

— Паша-простокваша? — шутливо срифмовал Галушкин. — Он в курсе всех этих дел?

— Да, конечно. Он мой лучший друг.

— Что ж, в машине найдётся место для всех твоих друзей, — великодушно разрешил

Галушкин. — Кто ещё в курсе твоих поисков? Я всех могу взять в Коломну...

— Больше никто, — призналась Настасья. — Я пока ничего не говорила даже маме... Неудобно получится, если выяснится, что я ошибалась. Надо мной тогда все будут смеяться! Мама и так меня считает большой фантазёркой...

— Я над тобой смеяться не буду, — клятвенно заверил Галушкин. — И никому не позволю смеяться над тобой.

«Какой же он замечательный человек!» — мысленно восхитилась Настасья.

— Ты правильно сделала, что сохранила в секрете свой план, — продолжал «замечательный человек». — Лично я считаю, что о своих успехах следует трубить тогда, когда дело уже сделано. А мы с тобой пока ещё ничего не добились. Пусть поездка в Коломну останется нашим общим секретом. Но после возвращения мы обязательно посвятим в наш секрет твоего папу и Вадима Сергеича. Ты согласна со мной?

— Конечно! — воскликнула Настасья. — Заезжайте завтра утром. Мы с Пашей будем готовы.

— В десять утра заеду, — пообещал Галушкин. — Не рано для тебя? Проснёшься к этому времени?

«Должно быть, папа как-то обмолвился при нём, будто я большая соня», — покраснела Настасья.

— Да я встаю с первыми лучами солнца! — слегка преувеличила она, желая выглядеть в глазах Галушкина лучше.

— Ещё утренние птицы не запоют, — рассмеялся Галушкин. — Нет. Так рано я тебя беспокоить не стану.

У Галушкина явно поднялось настроение, если он стал шутить и смеяться.

Настасья решила поставить будильник на половину девятого утра. Иначе обязательно проспит!

— Хорошо, Савелий Семёнович, в десять!

— Вот и замечательно! — казалось, Галушкин вот-вот запоёт от радости. — А сейчас извини, у меня ещё много дел... Итак, до завтра, Настасья!

Довольная тем, что её называли так, как ей нравилось — полным именем, Настасья положила трубку и большими глотками допила остывший кофе.

Следующий её звонок был к Пашке.

— Ну, что стряслось? — подняв трубку, спросил её лучший друг, и нельзя было сказать, что бы уж очень приветливо.

— У меня интересная новость, Пашенька, — заявила Настасья. — Уверена, тебе понравится моя идея. Мы завтра утром едем в Коломну!

— Куда? — судя по тону голоса, лучший друг не испытывал особого восторга от её идеи. — На кой ляд нам туда переться? Что мы там потеряли? Не хочу я никуда ехать.

«Поедет, — не сомневалась Настасья. — Я его уговорю. Только надо быть с ним откровенной и рассказать всё без утайки...»

— Без тебя я просто боюсь, — жалобным

голосом произнесла Настасья. — Это же не туристическая поездка. Я думаю, ты догадываешься об этом. Мне столько надо тебе рассказать! Давай через полчаса встретимся у моего подъезда. Потопаем куда-нибудь. Сходим в парк. Прокатимся на аттракционах. Я угощу тебя мороженым. Можно «Сникерс» купить. В общем, что-нибудь придумаем. Договорились?

Когда дело касалось угощения или прогулок по городу, Пашку не надо было уговаривать. Он был лёгок на подъём, не мог долго усидеть дома.

— Ладушки, — без колебаний согласился он. — Значит, через полчаса. У твоего подъезда. Я буду стоять и делать вид, будто никого не жду. Раз уж мы играем в сыщиков, будем притворяться по полной программе.

Положив трубку, Настасья задумалась. Может, всё-таки предупредить маму о том, что завтра она уедет в Коломну? Мало ли что может стрястись по дороге! Вдруг шина лопнет, вдруг мотор сломается в машине Галушкина? Вдруг они допоздна задержатся в Коломне? Ведь мама тогда себе места не найдёт от волнения!

Настасья подошла к спальне и тихо приоткрыла дверь.

Надежда Петровна крепко спала, громко посапывая и натянув одеяло до подбородка.

«Устала, бедная, — пожалела Настасья мать. — Пусть отдохнёт! Всё будет хорошо, ничего со

мной не случится. Погуляю с Пашей, потом поговорю с ней. Скажу, что завтра еду на экскурсию».

Но домой Настасья вернулась только вечером, когда мама уже ушла в госпиталь. На журнальном столике в прихожей лежала записка:

«Каша — в холодильнике. Котлеты — в духовке. Разогрей их перед ужином. Я задержусь. Вернусь завтра, во второй половине дня. Не беспокойся обо мне».

Если бы только Надежда Петровна знала, какая смертельная опасность угрожает её дочери!..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, *В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО САВЕЛИЙ ГАЛУШКИН — НЕ ТОТ, ЗА КОГО СЕБЯ ВЫДАЕТ*

Когда один из телохранителей Циклопа сказал боссу, кто именно собирается пожаловаться к нему через полчаса, тот не поверил своим ушам.

— Быть такого не может! — поразился Циклоп. — Он совсем сбрендил, что ли?!

Телохранитель, исполнявший по совместительству и обязанности личного секретаря, протянул шефу свой пейджер. На сером экране было отпечатано мелкими буквами сообщение:

«Буду через полчаса. Савелий».

— Он всегда был идиотом, — поморщился Циклоп. — Но, кажется, в последнее время свихнулся окончательно... Ладно. Раз уж едет — надо его принять...

В этот вечер Циклоп находился в своей загородной резиденции у Николиной Горы. Его дом и обширный, соток в триста, участок располагались недалеко от Москвы-реки. Дом имел три наземных и два подземных этажа.

Несмотря на то, что в комнате работали два вентилятора, Циклопу было душно. Он вышел на широкий балкон и прислонился к пе-

рилам, глядя в сторону Успенского шоссе, — оттуда должен был пожаловать неожиданный гость.

По соседству с резиденцией Циклопа раскинулись десятка два таких же огромных участков «новых русских». Хозяин дома не имел даже отдалённого представления, кто его соседи.

Их дома были окружены такими же двухметровыми кирпичными заборами, поверх которых протягивалась проволока с подключённой сигнализацией. Во дворе этих домов тоже прохаживались охранники с портативными радиопередатчиками и короткоствольными автоматами. К этим гигантским особнякам подъезжали «иномарки» с затенёнными стёклами. Их обитатели, находясь в разных концах дома, беседовали чаще всего по сотовому телефону.

Циклоп издалека увидел машину гостя, съезжавшую с шоссе на просёлочную дорогу. Перед тёмно-синим «Вольво» медленно раздвинулись чугунные створки ворот — их нельзя было пробить даже из гранатомёта.

Когда автомобиль остановился на площадке перед белым деревянным домиком, в котором жили охранники, и приехавший вышел из машины, к нему поспешили Первый и Второй — личные телохранители Циклопа. Гость передал Второму свой пистолет. Первый в это время привычными движениями обыскал неожиданного визитёра. Циклоп был очень подозрителен, ему вечно мерещились покушения на его жизнь.

Хозяин принял гостя в своём рабочем кабинете — большой комнате с высоким потолком и стенами, отделанными дубовыми плашками. Гость бесшумно прошёл по толстому китайскому ковру. На стенах висели картины в позолоченных рамах — в основном пейзажи и натюрморты, как хвастался сам хозяин, «из фондов Третьяковской галереи». Возле одной стены стояло шесть телевизоров — Циклоп любил одновременно смотреть разные программы. Напротив находился большой кожаный диван, на котором он встретил гостя полужёжа. Циклоп был одет по-домашнему — на нём была шёлковая китайская коричневая пижама, расшитая на спине и рукавах золотыми драконами.

Гостем, конечно, был Савелий Семёнович Галушкин.

Указав на кресло с широкими подлокотниками, Циклоп ворчливо заговорил:

— У тебя, наверное, высохли последние остатки мозгов. Почему не связался со мной, как раньше? Я сам вышел бы на тебя... Как ты мог приехать сюда? Что подумают твои коллеги по работе, если узнают, с кем ты коротаешь свободное время? Или ты забыл, что от безмозглых куриц я стараюсь избавляться?

— Риск, конечно, был, — согласился Галушкин, усаживаясь в кресло. — Но, во-первых, я ещё не «под колпаком» у моего шефа. За мной не ведётся слежка. А во-вторых, дело не терпит отлагательства. Я не мог ждать, пока ты сам свяжешься со мной. Ты мог выйти на меня через два дня, а у меня срок до утра.

— И что за дело? — настороженно разглядывая визитёра, поинтересовался Циклоп.

Галушкин был так взволнован, что заговорил о наболевшем без всяких обиняков.

— Для нас наступили не самые лучшие времена. Мне всё труднее прикрывать тебя.

— Это почему?

— Я чувствую, что Ефимов начинает подбираться ко мне.

— Что значит — чувствую? Надо знать точно. А чувства — это для женщин больше.

— Ты же понимаешь, что будет, если Куприянов придёт в сознание и припомнит, что это я вызвал его в Балашиху в то утро.

— Сделаем так, чтобы он не приходил в сознание.

— До него не добратся.

— Кто это сказал?

— Это я говорю.

— Такого быть не может!

— Ты уверен, что он в эту минуту не очнулся? Мы уже упустили время.

— Не учи меня. Говори, чего хочешь?

— Лучше я скажу, чего не хочу. А я не хочу в один прекрасный день выйти из кабинета Ефимова в наручниках.

— Ты пришёл поплакаться мне в жилет? Я должен тебя жалеть? Или как тебя понимать?

— Случится беда со мной, тогда и у тебя земля будет гореть под ногами.

— Что ты предлагаешь?

— Пора сваливать из этой страны дураков...

— Интересный поворот, — сверлил Галушкина единственным глазом Циклоп.

— Я хочу, чтобы ты обеспечил мне «коридор» за кордон и снабдил такой суммой зелёных, которая позволит мне не жаловаться на судьбу до самой кончины, — выпалил Галушкин.

— С какой стати я должен спасать твою шкуру? — фыркнул Циклоп. — Я похож на человека, который занимается благотворительностью?

— Ты похож на человека, который за эту пустяковую услугу получит клад купца Быкарина, — усмехнулся Галушкин. — Ты сам говорил, что много дашь тому, кто поможет тебе раздобыть коллекцию.

— Верно, говорил и повторяю. Но шуточки и разные розыгрыши я не люблю.

От улыбки Циклопа у Галушкина прошёл мороз по коже.

Циклоп не признавал дружбы и уж тем более не верил в благородство и преданность. Он считал, что только страх заставляет людей быть верными ему. Его принцип гласил: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

Но сейчас Циклоп не хотел пугать Галушкина — это получилось у него непроизвольно. Он даже попытался пошутить:

— Да не бойся ты меня, Савелий! Я с тобой расставаться не собираюсь, ты мне нужен.

— Согласен: ты всегда был хорошим хозяином, — попытался улыбнуться Галушкин. — Все эти годы, что я прикрывал твою команду, ты щедро платил мне. Но за границей я уже не

найду такой прибыльной работы. Наоборот, мне придется постоянно скрываться от ФСБ. Поэтому я хочу обеспечить себе старость...

— Погоди про старость думать! — махнул рукой Циклоп. — Вначале доживи до завтрашнего дня. Так какой у тебя план насчёт клада? Мне, понимаешь ли, любопытно узнать...

Хотя последние слова были произнесены вкрадчиво, Галушкин понял, что Циклоп не выпустит его отсюда, пока не выпытает всю подноготную о коллекции купца Быкарина.

«Видимо, тоже собрался свалить за границу, — подумал Галушкин. — С такой коллекцией он заживёт на славу...»

— Как ты помнишь, при Куприянове в то утро не оказалось ни монет, ни записной книжки. Вдобавок и Куприянова твои орлы не добились.

— Я был очень огорчён, — буркнул Циклоп, который терпеть не мог, когда ему напоминали о его промахах. — В хате этого кабана мои парни тоже ничего не нашли.

— Просто плохо искали, — выделяя каждое слово, проговорил Галушкин. — То, что они проглядели, нашла дочка Куприянова. Её зовут Настя. Вернее, Настасья.

Циклоп принял решение молниеносно:

— Привези эту Настю-Настасью сюда. Здесь она всё расскажет.

— А ты уверен, что разгадаешь тайну этих девяти монет? — напрямик спросил Галушкин. — Я, например, далеко не уверен. А вот она как-то умудрилась разгадать... С детьми

это бывает, мозги не зациклены. Мне она о монетах не обмолвилась ни словом. Но если ребёнок утверждает, будто клад в Коломне, значит, он держал эти девять монет в руках. Об этом не трудно догадаться.

— Умная девочка, — улыбнулся Циклоп. — Хорошая девочка, если монеты в самом деле у неё в руках.

— Но она не до конца уверена в своих догадках и хотела бы проверить... Она обратилась ко мне за помощью. Когда позвонила мне сегодня утром на работу и сказала об этом, я чуть со стула не упал. Я чуть не прыгал от радости. Хорошо, что в тот момент никого из сотрудников не было в моём кабинете. Они заподозрили бы неладное...

— Что ты всё о себе?! — упрекнул Циклоп. — Мне наплевать, что ты почувствовал. А вот я нюхом чую...

Циклоп расхохотался, вскочил с дивана и начал вышагивать по комнате, довольно потирая руки.

— Ай да умница эта Настя-Настасья! И выбрала же кому позвонить!.. Знала бы, что за добрый дядя с ней поедет.

Галушкин счёл нужным слегка охладить пыл босса.

— Этой умнице всего двенадцать лет. Она может ошибиться. Все мы совершаем ошибки...

— На этот раз ошибки быть не должно! — выкрикнул Циклоп, у которого хорошее настроение мгновенно сменялось вспышками бешенства.

- И я этого не хочу.
- Мне позарез нужен этот клад!
- И мне он нужен.
- Времени у меня в обрез!

Он бросил на собеседника яростный взгляд и прямо-таки затрясся от ненависти:

— Если эта операция сорвётся... Я не знаю, что с тобой сделаю. Мне нужна эта коллекция! Очень нужна!

«Кажется, Ефимов наступает на хвост не мне одному, — окончательно убедился в своих подозрениях Галушкин. — Циклоп тоже собрался за кордон. И, видимо, дела у него идут не очень хорошо, если так спешит заполнить коллекцию...»

Он поспешил успокоить расходившегося босса:

— Незачем сейчас кипятиться. Просто нужно набраться терпения ещё на один день. Завтра вечером я доставлю тебе из Коломны клад. Если же девчонка ошиблась в своих расчётах, то я привезу к тебе её. С ней и беседуй.

— Только с монетами.

— Уверен, что монеты она прихватит с собой. Настасья мне доверяет. Так же, как доверял её папаша.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Действуй!

— Но мы не договорились в отношении меня.

— Получишь щедрое вознаграждение.

— Насколько щедрое? — уточнил Галушкин.

— Скажем так, шестизначную сумму. В долларах, разумеется. И по своим каналам я тебя беспрепятственно провезу за границу.

— Скупость никогда не была твоим пороком! — польстил боссу Галушкин, а затем постучал средним пальцем себе по лбу: — Ах да, чуть не забыл. В этой игре будет участвовать ещё пацан. Девчонка, чувствую, без него не поедет.

— А пацан к чему? — недовольно поморщился Циклоп.

— Он в курсе дела. Она посвятила.

— Только он в курсе?

— Я спрашивал. Девочка говорит, что да. Едва ли хитрит.

— Тогда пацан должен быть у тебя под рукой. Пока!

Оставшись один, Циклоп представил, как бы он поступил на месте Галушкина. Нашёл бы клад. Пацан и девчонка, естественно, мешают. Он бы без шума убрал их. Но потом у этого Галушкина может появиться соблазн забрать клад себе. Пока он об этом, конечно, не думает. Пока он всецело предан Циклопу. Но как он запоёт, когда будет держать золотые монеты в руках? Не каждый способен выдержать искушение золотом!..

«Надо уберечь этого человечка от искушения, — подумал Циклоп. — Надо действовать не по его сценарию, а по собственному плану...»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ УБЕЖДАЕТСЯ,
ЧТО ЕЁ ДОГАДКА БЫЛА ВЕРНОЙ*

В десять утра тёмно-синий «Вольво» остановился во дворе дома, в котором жила Настасья. Девочка отметила про себя, что автомобиль Галушкина остановился на том самом месте, где ещё недавно оставлял на ночь свой «Москвич» папа.

Настасья и Пашка ожидали заместителя начальника отдела ФСБ на лавочке у подъезда. У обоих за плечами висели рюкзаки, в которых лежали бутерброды, электрические фонарики, запасная обувь и куртки. Вся экипировка была тщательно продумана Настасьей на тот случай, если они всё-таки заберутся под землю, где всегда темно, сыро и грязно.

— Хорошая тачка, — оценил Пашка машину Галушкина.

«А мой папа ездил на поддержанном «Москвиче», — подумала Настасья, которая впервые видела автомобиль Галушкина. — Когда выздоровеет, скажу ему, чтобы «иномарку» купил. Только папа меня, наверное, не послушается...»

Приоткрыв дверцу, Галушкин махнул рукой детям. Мотор он не заглушил. Когда ребя-

та подошли, он приветливо улыбнулся и протянул руку Пашке.

— Рад познакомиться. Меня зовут Савелий Семёнович. А ты, как я понял, и есть тот самый Паша?

— Угу, — смущённо буркнул «тот самый».

— Ну, тогда в машину, — распорядился Галушкин. — Настасья, садись рядом со мной. А ты, Паша, на заднее сиденье.

Настасья положила свой рюкзачок возле Паши и с удовольствием расположилась впереди — отсюда было интереснее наблюдать за дорогой. Как всегда, она забыла пристегнуться. Галушкин деликатно протянул ей конец ремня безопасности и сказал:

— Я предупредил Вадима Сергеевича о нашей поездке в Коломну. Он звонил?

— Нет, звонка не было.

— Должно быть, ты уже вышла.

«Замечательно! — обрадовалась про себя Настасья. — Если мы задержимся, Ефимов предупредит маму. Она будет знать, что с нами всё в порядке, и не станет беспокоиться...»

— А ты, Паша, сказал маме, куда едешь? — поинтересовался Галушкин у мальчика, трогая машину с места. — Мне не хотелось бы, чтобы она волновалась понапрасну...

— Мамаша с папашей только собой заняты, им не до меня, — буркнул Пашка, обиженный тем, что лучшее место в салоне заняла девочка, а не он. — Если я пропаду, они этого даже не заметят.

— Как ты можешь так о родителях! — мягко пожурил Галушкин.

— А что? Одна хочет шубу, а другой — машину. Вот и спорят. Обо мне вообще забыли.

— Надо было предупредить, — прикинулся огорчённым Галушкин. — Хотя, если что, они побегут к маме Настасьи. Я имею в виду — если мы задержимся. А она будет в курсе, Ефимов позвонит. Он обещал. Так что вперёд, ребята. И только вперёд! Нас ждут великие открытия.

Он быстро выехал со Второй Владимирской на шоссе Энтузиастов. Оттуда синий «Вольво» свернул на Кольцевую дорогу. Вырулив на Коломенское шоссе, Галушкин постепенно разогнал машину и объявил:

— Часа через два будем на месте. Где нам остановиться в Коломне?

Настасья пожала плечами.

— Точно не знаю, мы должны осмотреть все достопримечательности.

«Значит, раньше вечера не управимся, — мысленно прикинул Галушкин. — Но станет ли Циклоп ждать до вечера? Что он задумал? С какой стати он вдруг доверился мне? Неужели он не подумал, что я могу с коллекцией скрыться? На Циклопа это не похоже...»

В салоне царила тишина. Галушкин был погружён в свои мысли, пытаясь предугадать следующий шаг своего опасного покровителя. Настасья так волновалась — подтвердится ли её догадка? — что ни о чём говорить не могла.

А Пашке просто нечего было сказать, и он равнодушно разглядывал в окно уносившийся назад мир.

Чтобы развеять тягостную тишину, Галушкин включил радиоприёмник, настроенный на волну «ФМ». Полилась эстрадная музыка, перемежаемая бесчисленными рекламными паузами и болтовнёй ведущих ди-джеев. Галушкин и Настасья просто не слушали радио, а Пашку оно страшно раздражало.

Пашку злили неестественно бодрые голоса дикторов, нёсших полную околесицу, — лишь бы не умолкать ни на минуту. Раздражало, что ди-джеи треплются о своих ощущениях в начале песни, а затем повторяют это же в конце. Раздражала и сама зарубежная поп-музыка, состоящая из трёх аккордов. Нервировал даже быстрый ритм ударных инструментов. Всё не нравилось Пашке, он чувствовал себя отвратительно, но не решался попросить переключить приёмник на другую волну или выключить вообще. Вместо этого он дулся на Настасью, затащившую его в эту колымагу, и на себя за то, что согласился переться невесть куда, невесть зачем и невесть с каким типом.

В тот момент, когда проезжали мост над рекой Пахра, Галушкина вдруг поразила одна мысль:

«Циклоп, конечно же, боится, что я утаю часть клада! И он непременно что-то предпримет! Я почти уверен, что в Коломне кто-то

из его людей будет следить за каждым моим шагом».

Без сомнения, Циклоп совершенно не доверяет ему! А если Циклоп совершенно ему не доверяет, то может поступить с ним, как в своё время поступил с Августом, секретным агентом Куприянова. Именно Галушкин сообщил Циклопу, где скрывается Август, которого Куприянов хотел переправить в Красноярский край. Люди Циклопа без труда разыскали Августа и убили в поезде.

«Они и меня убьют! — понял Галушкин. — Едва клад окажется в руках Циклопа, я уже буду ему не нужен!»

От этой мысли он стиснул зубы и крепко сжал руль. Галушкин не замечал, что на лбу у него выступили капельки пота. Не замечал и того, что до предела выжимает педаль скорости и машина разогналась до ста сорока километров в час. Даже Настасья почуяла неладное и участливо коснулась его локтя:

— Савелий Семёнович, вам плохо?

Опомнившись, Галушкин сразу же сбавил скорость, вытер рукавом пиджака лоб и со вздохом произнёс:

— Жарковато сегодня. Я тяжело переносу жару.

— Да, уже две недели не было дождя, — сочувственно поддержала разговор Настасья. — Но синоптики передавали, что со стороны Атлантики движется циклон. Следующие две недели будут дождливыми.

— Какое утешение! — саркастично буркнул сзади Пашка.

До самой Бронницы вновь воцарилось молчание.

Галушкин думал о том, как бы остаться в живых после того, как они найдут клад.

«И какой же я дурак, что так понадеялся на Циклопа! — костерил он себя. — Поверил, остолоп, будто он в награду за преданную службу щедро наградит меня. Пулей в затылок он меня наградит! Ах, поспешил я ему всё рассказывать, поспешил... Надо было вначале завладеть кладом, а уже потом торговаться с ним... Без его помощи мне за кордон не выбраться... Да и не задержится эта коллекция у меня надолго! Циклоп меня подкараулит. Что же такое придумать?»

Когда машина мчалась через Бронницы, Галушкин несколько сбавил скорость. Да и то лишь после того, как едва не задел старика, медленно переходившего дорогу.

«Куда это он так разогнался? — с недоумением уставился в затылок водителю Пашка. — У него как будто с головой не всё в порядке...»

Предубеждение Пашки против Галушкина возрастало с каждой минутой. Чугунов решил, что надо будет приглядывать за этим типом в оба. Поразительно только, как Настасья ничего странного не замечает в Галушкине!

«Должно быть, шибко башковитые люди никогда не видят, что у них под самым носом творится, — решил Пашка. — Хорошо,

что я не такой умник, как она... воображает себя».

Машина быстро миновала Ульянино и Никитское. При подъезде к Степанщино Галушкин решил, что позвонит Циклопу не после того, как обнаружит клад, а после того, как заберёт его и скроется с ним в надёжном месте. Но как это сделать, если за ним будут следить? Галушкин успокоил себя тем, что на месте будет виднее. В жизни приходилось уходить от слежки, кое-какой опыт есть. Главное — не доверять Циклопу. Когда знаешь опасность, впросак не попадёшь!

«Эта коллекция — гарантия моей безопасности, моя страховка, — твердил он себе. — Если Циклоп мне не доверяет, то почему я должен доверять ему?..»

До Коломны оставалось меньше часа езды, когда Галушкин вдруг спохватился:

«А с чего это я уверовал, что какая-то девчонка найдёт мне клад? А если она ошиблась? Да мало ли у детей бывает фантазий! Тогда мне придётся сдать её на руки Циклопу. Это хорошо, если у неё есть монеты. А если их нет? Что я тогда получу от Циклопа? Опять всё ту же пулю в затылок!..»

И скосив глаза на притихшую соседку, Галушкин с ненавистью подумал:

«Моя жизнь зависит от этой дурёхи! Если она ошиблась или просто что-то вообразила, я не знаю, что с ней сделаю!.. Легко же я доверился! Видно, это в природе людей — золото лишает разума».

Если бы Настасья поняла этот взгляд, то, не колеблясь, открыла бы дверцу и выпрыгнула из машины.

В Коломну они приехали далеко за полдень.

Поиски начались с центра города. Настасью интересовали только церкви, вернее, кресты на них.

— Может, эта? — спросил Галушкин, останавливая машину на площади перед церковью Иоанна Предтечи. — Выйдем, посмотрим?

Настасья покачала головой.

— Не стоит терять время. Это не та церковь.

— Почему?

— У неё шестиконечный крест.

Галушкин и Пашка уставились на крест с двумя перекладинами, прямой и наклонной.

— Поедем дальше, — торопила Настасья.

Её нетерпение достигло предела. Для неё наступили самые ответственные минуты — права или ошиблась? Лишь бы узнать это поскорее!

— А почему мы ищем именно церковь? — спросил Пашка.

— По качану! — в сердцах огрызнулась Настасья. — Много будешь знать, плохо будешь спать.

— Любопытной Настасье кое-кто нос при-

щежит, — в отместку переложил на свой лад народную пословицу Чугунов.

Шатровая церковь Брусенского монастыря Настасью тоже не удовлетворила.

— Видите, у неё равноконцевой крест, с одной переладиной, — пояснила она, — такие кресты называли греческими. Их устанавливали в Византийской империи.

Спутники ничего не поняли из её объяснений, потому что для них все кресты были одинаковы.

— Может, тебе нужно побольше переладин на кресте? — уточнил Галушкин.

Однако и восьмиконечный крест — с двумя равными перекладами и одной наклонной — Воскресенской церкви не устроил Настасью. Не приглянулся ей и точно такой же крест над церковью Михаила Архангела.

— Это всё не то, — уныло покачала головой девочка.

День неумолимо клонился к вечеру, вытянулись в длину тени от деревьев и домов. В груди Галушкина закипал гнев, но он сдерживал себя. После осмотра церкви Иоанна Богослова он тихо спросил:

— Что теперь? Возвращаемся домой? Мы ведь уже все церкви осмотрели...

— Не все! — стукнула себя кулаком колену Настасья. — Должна быть ещё одна! О ней упоминается в туристическом справочнике.

Галушкин вышел из машины и принялся расспрашивать прохожих. Вскоре он вернулся в салон и завёл мотор:

— Оказывается, есть ещё одна церквушка, — оживлённо произнёс он. — Называется — Константиновская. Только она не в самой Коломне, а за её пределами. К тому же она недействующая. Поэтому о ней не все помнят.

Церковь, к которой вела жёлтая песчаная дорога, находилась за старым кладбищем, окружённым березняком. Слева от кладбища, метрах в ста, раскинулся сосновый лес. Окраинные дома виднелись в полукилометре отсюда. Отчего-то Пашке сразу стало не по себе при виде этого пустынного места.

Белую церковь с куполом-маковкой окружала невысокая каменная ограда. Распахнутые железные ворота нижними краями ушли в землю.

Выйдя из машины, спутники направились к паперти. Солнце светило Настасье прямо в глаза. Она зашла с другой стороны церкви, чтобы рассмотреть крест. Галушкин следовал за ней по пятам. При этом он успевал посматривать по сторонам. Но ничего подозрительно пока не заметил.

Пашка остановился возле четырёх могил, находившихся рядом с церковной оградой. Ржавчина пробивалась сквозь черную краску железных крестов. Стёрлись надписи и на могильных плитах. Невозможно было узнать, кто здесь захоронен. Вероятно, прежние настоятели...

Из задумчивости его вывел радостный крик Настасьи:

— Это она! Она! Она! Я была права!

Перехватив недоумевающий взгляд Галушкина, девочка разжала свою правую ладонь. На ней поблескивал золотой византийский солид с изображением патриаршего креста.

Такой же крест с двумя прямыми перекладинами — верхняя короче нижней — возвышался над церковью.

— Красивая монетка, — улыбнулся Галушкин. — Где взяла?

— Теперь мне нечего опасаться и я могу всё рассказать! — ликовала Настасья. — Эту монетку я нашла у нас дома после того, как с папой... Ну, там были ещё и другие монеты! Каждая из них имела свой тайный смысл.

— Понимаю, — важно кивнул «папин друг»

— Я над ними как следует поразмыслила и поняла, что эта монета, — подбросила она солид, — указывает церковь. Видите, с этой стороны отчеканен крест. Над каким ещё зданием может находиться крест?

— Да вон там сколько угодно крестов! — мотнул Пашка головой в сторону кладбища.

— Какой же ты непонятливый! — воскликнула Настасья, досадуя на Пашку, не разделявшего её радости. — Кто же будет чеканить могильный крест? Здесь ясное указание на название церкви!

Она повернула монету другой стороной, на которой был отчеканен византийский монарх.

— Церковь называется Константиновской, в честь императора Константина Великого, — пояснила она. — Этот император объявил христианство государственной религией.

— Так это и есть Константин Великий? — взял монету из рук Настасьи «друг» её отца.

— Нет, это Константин Седьмой Порфирородный, — заявила Настасья. — В его правление церковь враждовала с государством. Но он заключил мир с патриархом. В честь этого события была отчеканена эта монета. Поэтому её и выбрал купец Быкарин. Монета показывает и крест над церковью, и название самой церкви. Должно быть, этот солид и навёл Быкарина на мысль, где спрятать свою коллекцию. А знаете, почему над церковью водружён патриарший крест?

— Почему? — поинтересовался Пашка, скептически разглядывая белую башню.

— Потому что она была основана по приказу Патриарха Никона в 1658 году: А знаешь, что произошло в том году?

Пашку возмутило самодовольное выражение лица подруги, и он фыркнул:

— И знать не хочу!

— Патриарх поссорился с царём, — тем не менее продолжала Настасья. — Никон уехал из Москвы и подыскивал себе новую резиденцию. Вначале он хотел остаться в Коломне и даже приказал заложить эту церковь. Но потом переехал в другое место. А церковь всё равно достроили...

Её объяснения вызвали у Галушкина широкую улыбку. Он уже полностью верил, что девчонка разгадала тайну. Да один вид старинной монеты ослепил Галушкина! Он уже чувствовал себя рядышком с кладом.

— Какая ты умница! — искренне воскликнул он. — Если бы не опасался, что твой доблестный друг Паша не вызовет меня на дуэль, то расцеловал бы тебя!

— Я не люблю целоваться, — смущённо потупилась Настасья. — Давайте лучше поищем клад.

— Что значит — поищем? — опешил Галушкин. — Ты же сказала, что знаешь точное место...

— Я знаю, что клад где-то под этой церковью, — уточнила Настасья, извлекая из кармана джинсов римскую драхму. — Видите, что здесь отчеканено?

— Мужик какой-то, — определил Галушкин, ощупывая монету.

Настасья тяжёло вздохнула. Башковитые же у неё оказались спутники!

— Это бог подземного царства. У древних греков он назывался Аид, у древних римлян — Плутон.

— Кстати, а кто появился раньше — древние греки или древние римляне? — ни с того ни с сего спросил Пашка, огорчённый тем, что никак не может поучаствовать в разговоре с такой умницей, какой выступала Настасья.

— Вот это вопросик на засыпку! — рассмеялся Галушкин. — Ну греки, разумеется. Их по-

том римляне завоевали. Я прав, Настасья? Чёрт, плохо мы знаем историю!

— Потому сами такие недоумки, — вставил свои пять копеек Паша.

Но Настасья не была настроена разговаривать попусту. Она недовольно посмотрела на Пашу и продолжала свои рассуждения:

— Так вот, этот бог символизирует спрятанные под землёй клады. И нам ничего не остаётся, как найти вход в подземелье. Вот для чего я вас и позвала.

Настасья строго посмотрела на Галушкина.

— Как будто я не нашёл бы этот вход, — бросил в сторону Паша.

— Может, понадобится мужская сила, — заметила Настасья. — А ты Паша даже утренней гимнастики не делаешь.

— Ты откуда знаешь? Да может, я двухпудовые гири поднимаю...

— Это ты-то... двухпудовые?

— Успокойтесь, ребята! — засмеялся Галушкин. — Насчёт гирь поспорим потом. Значит, нам нужно в подземелье. Мне приходилось забираться под церкви. Я примерно знаю, где может быть вход. Но не с голыми же руками пойдём.

Они вернулись к машине, где Настасья и Пашка оставили рюкзаки.

— Кстати, Настасья, — как бы между прочим обратился к ней Галушкин, — ты нашла ещё какие-то монеты? Ты ведь понимаешь, я должен передать их Вадиму Сергеичу. Они будут вещественным доказательством...

— Да, да, конечно! — открыла Настасья

рюкзачок и достала записную книжку в кожаном переплёте. — Я нашла вот это вместе с монетами. Всего монет было девять.

Она достала из карманов оставшиеся семь монет и передала ему. Галушкин сунул монеты и книжку во внутренний карман пиджака. Затем он достал из багажника монтёрку и большой электрический фонарь с ручкой.

— Ну, вроде бы неплохо экипировались, — посмотрел он на ребят, которые тоже держали в руках фонарики. — Мою машину, надеюсь, за это время не угонят. Так что можно смело спускаться под землю.

— Спуститься — не проблема, вниз всегда легче путь держать, — неожиданно буркнул Пашка. — Путь наверх — вот проблема...

«И зачем только она отдала монеты? — думал он. — Что-то мне этот тип всё меньше нравится... Глаза какие-то... Почему он монетами заинтересовался сейчас? Мог ведь потом спросить. Что-то у него на уме... Это точно! Но я буду бдителен. Настасья ещё оценит меня, ещё поймёт, что меня провести нельзя».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ НАХОДИТ КЛАД КУПЦА БЫКАРИНА

Когда они подошли к церкви, Настасья спросила Пашку:

— Ну что ты всё куксишься? Я ведь вижу...

— Ты мне кажешься такой умной, что просто тоска берёт, — честно признался Пашка. — И всё ты знаешь, и всё понимаешь. А главное — всё видишь.

И чтобы ещё больше её задеть, задал каверзный вопрос:

— Так зачем я тебе нужен?

— Не такая уж я умная, — энергично защищалась Настасья. — Просто много интересных книжек прочла. Ты, кстати, тоже попробуй почитать умные книги. И ты будешь разбираться в этих вопросах.

Пашка не любил читать книги. Ему больше нравилось смотреть телевизор. Но по неопределённому пожатию плеч Настасья поняла, что он задумается над её словами.

— Хочешь, расскажу, что я прочитала вчера вечером об архитектуре русских церквей? — с воодушевлением проговорила Настасья. — Даже если не хочешь, всё равно расскажу. Потому что, если не расскажу сейчас, потом обязательно забуду.

— Выбор у меня небогатый, — усмехнулся Пашка.

— Знаешь, почему на православных церквях сооружали купола, похожие на луковичу? — спросила Настасья, указывая на купол Константиновской церкви. — Потому что такая форма напоминает пламя горящей свечи. А горящая свеча ассоциируется с пламенной молитвой...

Взойдя на паперть, Галушкин взломал монтировкой большой замок на высокой створчатой двери. Но за дверью обнаружилась стена из красного кирпича — главный вход был замурован.

— Ладно, поищем обходные пути, — вздохнул Галушкин. — Зайдём с другой стороны церкви.

— Обрати внимание, какие ровные стены у здания, — говорила, как заправский экскурсовод, Настасья. — Если бы боковые стены были выгнутыми, то такая церковь называлась бы «ротонда». Это такой архитектурный термин. Сверху такое здание напоминало бы круг. Но у этой церкви стены прямые. Значит, она называется «базилика», или «корабль».

— А при чём здесь корабль? — удивился Пашка. — В Коломне морем даже не пахнет!

— Православную символику нельзя понимать буквально, — заявила Настасья. — Ещё со времён Византии богословы утверждали, что Православная Церковь подобно кораблю плывет по бурным волнам житейского моря к тихой пристани. Поэтому архитектурный стиль этой церкви называется «корабль». И все

церкви обращены алтарём на восток. Знаешь, почему?

— Наверное, потому что на востоке встаёт солнце, — постарался проявить эрудицию Пашка.

— Правильно.

— Не ты же одна шибко умная, — не упустил случая кольнуть Настасью Паша.

— Кажется, здесь мы можем пройти, — подал голос Галушкин, остановившись перед деревянной боковой дверью.

Он просунул монтировку в щель между тяжёлыми створками, подналёг, и правая створка открылась.

Спутники прошли внутрь и оказались на том месте, где должен был находиться алтарь. Перед ними открылся высокий пустой зал с сероватыми стенами. Солнечный свет проникал через верхние узкие окна-бойницы. Каменные плиты пола покрывал толстый слой пыли и грязи. В углах вблизи алтаря свисали гирлянды паутины.

— Вот это и называется мерзостью запустения, — сказал Галушкин и на всякий случай перекрестился.

— А где тут вход в подземелье? — обратился Пашка к «шибко умной» подруге.

— Понятия не имею, я здесь раньше никогда не была, — пожала плечами Настасья. — Надо поискать что-нибудь такое, напоминающее люк..

Ничего похожего на люк они не нашли ни в притворе, ближайшей к паперти части церкви, ни в среднем зале, ни за алтарём, ни возле

амвона. Но в боковой комнате, примыкающей к амвону, Галушкин разглядел в полумраке низкую дверь, задвинутую снаружи массивным засовом.

— Попробуем сюда заглянуть, — сказал он, приналегая на ручку засова.

Ржавый засов сдвигался всего на сантиметр при каждом толчке Галушкина. Когда дверь наконец распахнулась, все трое поморщились от ударившей в нос сырой затхлости.

Галушкин включил фонарь. Жёлтый луч осветил широкие каменные ступени, уводящие вниз, во тьму. В руках Паши и Настасьи тоже были фонари, но они пока не включали их.

Галушкин ногой подкатил кусок кирпича под дверь, чтобы не закрылась.

— Пусть поступает свежий воздух, — пояснил он. — Иначе задохнёмся.

Держа в одной руке монтировку, а в другой электрический фонарь, он первый начал спускаться.

— Ступайте осторожно, — подал он голос. — Если поскользнётесь на ступеньках, костей не соберёте.

— И почему здесь нет перил? — недовольно пробурчал Пашка, спускаясь вслед за Настасьей и касаясь ладонью шероховатой поверхности стены.

— Может, тебе ещё эскалатор? — язвительно заметила Настасья, чувствуя, что Пашка не перестаёт кукситься.

— Лучше лифт, — буркнул тот.

Настасья попыталась держаться за стену,

но когда её руки коснулся мохнатыми лапами пробегающий паук, она завизжала и чуть не упала.

— Что стряслось? — обернулся Галушкин и осветил фонариком её лицо.

Жмурясь и ничего не видя перед собой из-за яркого света, Настасья пожаловалась:

— Здесь какая-то живность бегают, какие-то насекомые...

— Значит, мы не одиноки в этом подземелье, — пошутил Галушкин и отвернулся.

К ослеплённой фонарём Настасье не сразу вернулось зрение. Она продолжала спускаться, но перед глазами у неё всё ещё плавали огненные круги. Девочка боялась поскользнуться, к счастью, спуск оказался недолгим.

Они очутились в зале со сводчатым потолком, настолько низким, что Галушкину приходилось наклонять голову.

— Куда теперь? — поинтересовался Пашка, осветив своим фонарём четыре чёрных хода, уводящих в разные стороны.

— Куда бы ни пошли, держаться надо вместе, — строго произнёс Галушкин. — Если забредёмся поодиночке, можем друг друга никогда не найти. Неизвестно, куда ведут эти туннели...

— Лет пятьсот назад здесь, наверное, прятались жители, — припомнила Настасья сведения из истории города. — Коломна пережила много татарских набегов...

— Вряд ли это подземелье копали по определённому плану, — предположил Галушкин, направляясь в один из туннелей. — На-

верное, каждый ход пробивали, как Бог на душу положит. Мы можем угодить в настоящий лабиринт.

— Ни о чём лучшем не мечтал! — пробурчал Пашка, которому вся эта затея с поисками клада нравилась всё меньше и меньше.

Такие приключения хорошо смотреть по телевизору и при этом есть мороженое!

Какое-то шестое чувство подсказывало мальчику, что следует как можно скорее унести ноги отсюда. Ничего хорошего он не ожидал впереди и чувствовал бы себя куда спокойней при солнечном свете. Но Пашка не мог бросить Настасью наедине с человеком, который казался ему подозрительным. Тихо чертыхаясь, Пашка внимательно следил за каждым движением Галушкина. Ещё неизвестно, какой сюрприз преподнесёт этот тип, у которого так алчно загораются глаза при виде золотых монет!

Галушкина же беспокоило одно — пока не найден клад, дети должны находиться рядом! Если он их потеряет, то не видать ему клада, как своих ушей!

Он почему-то решил, что Настасья не до конца рассказала о своих догадках. И может случиться так, что без её помощи не отыскать того места, где спрятан клад. Можно пройти мимо и не догадаться, что это именно то место! А Настасья пока ведёт верно. И она ещё явно понадобится!

Каменный ход, по которому они шли, оказался довольно узким, с ещё более низким потолком. Настасья осветила стену —

она была сложена из тонкого красного кирпича.

— Древняя кладка, — сказала она. — Такие кирпичи уже лет триста не используют...

Из-за спёртого тяжёлого воздуха в туннеле её голос прозвучал едва слышно.

Ход вывел их в новый зал, значительно меньше предыдущего. Сводчатый потолок в нём поддерживали четыре колонны. Из этого зала уходили в разные стороны ещё три туннеля.

— Вот этого я и боялся! — щёлкнул языком Галушкин. — Мы угодили в лабиринт...

— Но этот лабиринт может оказаться не таким уж большим, — предположила Настасья. — Я думаю, нам следует идти налево. Затем мы ещё раз свернём налево и ещё. Таким образом, мы сделаем круг и окажемся у выхода.

— Надо пометить, что мы здесь были, — начертил концом монтировки Галушкин крест на стене.

— Вот смеху будет, если мы через час снова увидим этот крест, — мрачно пошутил Пашка.

Спутники не оценили по достоинству его чувство юмора.

Следующий ход оказался шире. Его стены были замазаны серой известью.

— Видимо, более поздняя кладка, — определила Настасья. — Подземелье, должно быть, достраивали ещё не одну сотню лет. Вот уж будет где покопаться археологам...

Шагавший впереди Галушкин, от которого ребята отставали шагов на пять, светил фона-

рём перед собой и по сторонам. Обнаружив боковой проём в туннеле, он задержался перед ним на секунду, а затем предупредил:

— Настасья, не смотри сюда, — и пошёл дальше.

Разумеется, любопытная Настасья не могла удержаться от искушения и заглянула в проём. Через секунду воздух туннеля сотряс её отчаянный крик: луч её фонарика высветил в проёме груды белых черепов.

Остановившийся рядом Пашка положил ей руку на плечо.

— Не бойся, они не укусят.

Настасья инстинктивно прижалась щекой к его руке, а затем быстро пошла вперёд.

Но вскоре она опять вскрикнула, правда, уже глуше. Её фонарик высветил новый боковой проём, в котором лежал скелет, завёрнутый в истлевшую чёрную ткань. На ней сохранилось несколько золотых нитей: по ним угадывался контур черепа.

— Так вот куда мы попали! — поняла наконец Настасья. — Мы угодили в крипту.

— Куда? — Пашка показалось, что он не расслышал.

— Криптой в древности называли подземное кладбище, — пояснила девочка. — Здесь хоронили священников, знатных людей. И купец Быкарин мог спрятать коллекцию именно здесь. Я совершенно в этом уверена.

— Но где искать? — спросил Галушкин. — Что если Быкарин замуровал клад в стене?

— Это было бы слишком жестоко по отношению к нам, — простонал Пашка.

— Что ты знаешь о жестокости! — невольно воскликнул Галушкин, припомнив Циклопа.

В эту минуту он окончательно решил провести Циклопа, оставить его с носом.

— Ну, даже если клад и замурован, беда не велика, — заявила Настасья. — Главное, мы знаем, что он здесь. Сюда приедут археологи, произведут раскопки и найдут монеты. Так что с нами или без нас, но клад всё равно найдут. А то, что он здесь, я даже ни капельки не сомневаюсь.

Естественно, Галушкина не устраивала такая перспектива.

— Для нас ведь главное не сами монеты, — вкрадчиво, стараясь казаться благодушным, сказал он. — Главное — они послужат приманкой для тех, кто стрелял в твоего папу... Если же сюда явятся археологи, бандиты испугаются и затаятся. И нам в таком случае уж точно их не найти... Ты со мной согласна, Настасья? Или нет? Какая у нас главная цель?

— Вы правы, — кивнула Настасья. — Нам нужно найти.

— Что ещё ты знаешь?

— Да понимаете! Тут ведь как... По ходу приходят догадки.

— Мне уже казалось, что ты точно вычислила...

— Откуда мне знать, куда Быкарин засунул монеты? Я в это время здесь не была...

Уловив в её голосе нотки раздражения, Галушкин решил больше не расспрашивать.

И так он слишком заметно проявляет своё нетерпение!

— Хорошо! — сказал он бодро. — Будем думать и гадать. Что скажет Паша? Может, у тебя есть соображения?

Эта девчонка ведёт себя уверенно только тогда, когда рядом с ней Пашка! Хорохорится перед ним, распускает хвост, хочет казаться умнее, чем есть на самом деле! Обращаясь к Паше, Галушкин не ждал толкового ответа, этим он хотел подзадорить приунывшую Настасью.

А Пашка неожиданно стал здраво рассуждать:

— Почему вы решили, что этот купчина засунет свои монеты куда-то далеко? Он ведь хотел их забрать потом. Или надеялся, что заберёт его сын. Поэтому, наверное, положил свой клад на самое видное место.

В его голосе чувствовалось скрытое торжество над подругой, которая умеет «загружать» собеседника своей эрудицией, а как только становится туго, сразу превращается в мокрую курицу.

— Ну и почему же мы до сих пор не увидели монеты? — спросила уязвлённая Настасья.

— А много ли мы прошли? — Он посветил фонариком на циферблат своих часов. — Минут пятьдесят гуляли, не больше. А надо полазить ещё часика три, а может четыре, а то и все пять. Может, тогда что и высмотрим. Сделали каких-то три шага и уже отчаялись.

— Никто не отчаялся, — возразила Настасья.

— Значит, скуksилась.
— Ты уж больно решительный!
— Не будем препираться, — предложил Галушкин. — Паша несомненно прав.

Они преодолели ещё не один коридор, обнаружили ещё не одну боковую могилу, миновали не один зал. Иной раз коридоры упирались в глухую стену.

— Похоже, из подземелья нет другого выхода, кроме того, в который мы вошли, — заметил Галушкин. — Этот погребальный склеп — замкнутая система.

Другие же коридоры оказывались такими узкими, что они едва протискивались, касаясь головами потолка, плечами — стен и сгибаясь чуть ли не в три погибели.

— Видимо, мы в старой части подземелья, — пояснила Настасья. — Древние люди были ростом ниже, чем мы.

На их пути попадались и такие широкие коридоры, что Настасья могла идти рядом с Пашкой. Она даже держалась за его руку.

Раньше ни за что не позволила бы себе таких вольностей! Но подземный мрак всё больше угнетал её, парализовал волю, нагонял тоску. И почему-то начинало казаться, что эта неподвижная холодная тьма поглотит её, если рядом не окажется надёжного человека Пашки!

С Пашкой она чувствовала себя уверенно и легко. С ним она готова была ещё блуждать не один час по этому бесконечному подземелью. Если бы даже не было Галушкина, Настасья не боялась бы с Пашкой. Было странно,

что только теперь она это поняла. Ей стало спокойно от мысли, что у неё есть настоящий друг, такой друг, с которым не страшен подземный мрак. А ведь эти мысли пришли, когда она взяла Пашку за его тёплую руку!

— Подземелье не такое уж и большое, — сказал Пашка. — Просто мы медленно идём.

— Быстрее ведь не можем, — отозвался Галушкин.

— А мне кажется, конца ему нет, — сказала Настасья.

— Ты устала? — участливо спросил Пашка.

— Нет. Просто подумала о солнце. Его лучи сюда никогда не проникали. Представляешь? Можно подумать, что солнца вообще нет, а есть только этот мрак.

Должно быть, Галушкин думал о том же самом, потому что внезапно произнёс:

— Помните, что пишется в Библии об аде? Там мрак и скрежет зубной... Чего-чего, а мрака тут предостаточно!

— Там действительно так написано? — деловито осведомился у спутницы Пашка.

— Я ещё не дошла до Библии, — призналась Настасья, крепче сжимая его ладонь. — В последнее время меня больше монеты интересовали...

Они миновали ещё один зал. Настасья смотрела глядела в спину Галушкина, освещая фонариком его ноги. Пашка же светил вокруг себя.

— Гляди, какая хоромина! — дёрнул он за руку Настасью.

Два луча высветили высокий каменный

саркофаг с украшенными причудливой резбой стенками — между красиво переплетающимися цветами и ветками виднелись странные животные, полукони, полуволки и птицы с женскими головами. Гробница покоилась на основании из белого камня.

— Савелий Семёнович, поглядите! — позвала Настасья.

Галушкин нехотя вернулся. Он уставился на саркофаг без всякого интереса.

— Да уж, милая штучка! — безучастно проговорил он. — Для кого старались?

— Это же подлинный образец древнерусского творчества! — провела Настасья ладонью по каменной резьбе. — Его в музее надо выставить, чтобы люди приходили и любовались.

— Но под землёй этот гроб воспринимается совсем иначе, более мрачно; — заметил Пашка.

— Может, хватит любоваться? — нетерпеливо спросил Галушкин. — Пойдём дальше?

— Да, конечно, — вздохнула Настасья и внезапно закричала: — Нет! Мы уже пришли!

— Куда это мы пришли? — опасливо огляделся по сторонам Пашка.

Почувствовав прилив вдохновения, Настасья торопливо заговорила, словно за ней кто-то гнался:

— Помните изображение Аида на монете? Ведь Аид — бог царства умерших! Значит, купец Быкарин свои сокровища буквально захоронил. То есть спрятал их в этой крипте. Мы видели, какие здесь могилы у знатных людей.

А Быкарин ценил свою коллекцию превыше всего на свете. Так где же, по-вашему, он похоронил то, что ценил больше всего на свете?

Она легонько постучала по двухскатной, с высоким ребром, крышке гробницы.

— Ну и голова у тебя! — воскликнул Галушкин, переложив в правую руку монтировку.

— Я думаю, нехорошо открывать чужие гробы, — заупрямился Пашка. — А вдруг заразу какую-нибудь подцепим? Только этой радости нам не хватало!

— Мы уже столько залов прошли, и нигде не видели такого гроба! — настаивала Настасья. — Только здесь! Неужели вы не понимаете, что это не случайно?

— Двое — за, один — против, — сказал нетерпеливо Галушкин. — Большинство победило.

Галушкин просунул монтировку в щель между гробницей и тяжёлой крышкой и подналёг. Но крышка сдвинулась всего на сантиметр.

— Помоги, — попросил он Пашку.

По команде Галушкина они резко навалились на монтировку, а затем ещё раз. Щель несколько увеличилась. Галушкин отстранил Пашку и стал орудовать монтировкой сам. Щель расширилась настолько, что Настасья смогла заглянуть внутрь саркофага. Она радостно закричала:

— Там ничего нет!

— Чему ж тут радоваться? — едва сдержался от того, чтобы не выругаться, вспотевший от усилий Галушкин.

— Я хотела сказать — тут нет покойника! — объяснила Настасья. — Вы понимаете?

Галушкин отложил фонарь и монтировку, упёрся ладонями в конец крышки и начал толкать. Пашка толкал с другого конца. Настасья помогала ему.

Когда крышка оказалась развернутой на девяносто градусов, Настасья заглянула внутрь гробницы. Её рука с фонарём дрожала от усталости и напряжения, поэтому она не сразу разглядела какой-то чёрный предмет. Передав фонарь Пашке, она с трудом вытащила его наверх — это был деревянный, обитый железными полосами, сундучок. Крышка закрывалась на защёлку в виде крючка.

Когда Настасья откинула крышку, в свете трёх фонарей заблестели золотые монеты.

Настасья истерически рассмеялась — сказывалось неимоверное напряжение последних часов. Она погружала руки в монеты, сжимала деньги в ладонях, пыталась разглядеть старинную чеканку и при этом продолжала хохотать уже во всё горло.

Пашка вытирал тыльной стороной ладони вспотевший лоб и никак не мог отдышаться.

А Галушкин смотрел внутрь саркофага и думал о том, поместятся ли в нём два детских трупа. Он уже поднял с каменных плит пола монтировку, как вдруг его охватило сомнение.

«А не рано ли? А если ещё понадобятся? Надо ведь найти выход! Так же, как эта дурёха привела к кладу, она должна показать и дорогу наверх...»

Тем временем Настасьин смех перешёл в икоту. У неё уже не было сил хохотать, только плечи вздрагивали.

Галушкин бодро спросил:

— Ну что, идём домой?

Он не заметил, как Пашка осторожно, двумя пальцами, стянул из ларца золотую монету.

«Оставляю на память», — подумал мальчик, считая, что вполне заслужил такую скромную награду за свои труды.

Галушкин взял из ослабевших рук девочки сундучок, закрыл крышку и сунул под мышку.

— Тяжёлый, — улыбнулся он, давая понять, что хочет просто помочь ей, и не более того. — Куда теперь нам податься?

— Раз уж мы всё время двигались налево, то и теперь пойдём вон туда, — указала Настасья на крайний ход. — Должен же когда-то этот круг замкнуться!

Она уже успокоилась и чувствовала себя чуть ли не гением. Таких удачных дней у неё ещё не было!

Девочка готова была прямо-таки воспарить. Вот если бы только подземные своды не мешали! Настасья понимала, что её помощь Галушкину — неоценима! И теперь его черёд работать головой. Теперь он должен думать, как сделать клад купца Быкарина приманкой для бандитов!..

Они миновали длинный переход, пол которого был выложен бульжником, и оказались у лестницы, ведущей наверх. Тусклый

свет струился сверху, как бы стекая волнами по высоким ступеням.

— Ура! — закричали Настасья и Пашка и выключили свои фонарики.

Галушкин тоже был очень доволен. Теперь можно будет разобраться с этой детворой! Дальше откладывать не имело никакого смысла. Ему предстоял поединок с хитроумным Циклопом, которого он должен обвести вокруг пальца. Дети стали помехой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ ПАШКА ЧУГУНОВ ОКАЗЫВАЕТСЯ ПРОВОРНЕЕ, ЧЕМ ВСЕ ОТ НЕГО ОЖИДАЛИ

Настасья уже приготовилась рвануть наверх, как вдруг Галушкин решительно обернулся и резко направил свет фонаря прямо ей в лицо.

— Я хочу знать только одно, — глухо произнёс он, — кто в курсе наших поисков?

— О чём вы, Савелий Семёнович? — заслоняясь рукой от яркого луча, спросила Настасья.

— Я понятно спросил: кто ещё в курсе?

— А зачем вам знать?

— Мне лично плевать на это. Но об этом спросят.

— Кто? — насторожилась Настасья.

— Я не могу назвать его.

— А почему? Я вам доверяю, и вы доверяйте.

— Ты прежде ответь на вопрос, Настасья.

Пашка подавленно молчал. Сбылись его скверные предчувствия! Он всё время ожидал какой-нибудь пакости от этого типа — и нате вам, пожалуйста! Если Галушкин задаёт такой вопрос, то затеял что-то неладное. У него в руках огромное богатство. В таких случаях освобождаются от свидетелей.

Галушкин преграждал путь к каменной винтовой лестнице. Но его внимание сейчас всецело было занято Настасьей. И Пашка медленно, стараясь не делать резких движений, отодвинулся в тень, а затем начал заходить к Галушкину со спины. Он бы, конечно, с удовольствием дал стрекача. Но ведь Настасья — дурёха этакая, нашла кому довериться! — пропадёт без него! А как он сможет прожить без Настасьи, дурёхи этакой!

— Я говорю по-китайски? — деланно удивился Галушкин. — Кому-то ещё ты сказала, что мы едем в Коломну?

— Может, и сказала.

— Так всё-таки — «может» или «сказала»?

— А зачем вам это знать? — отступила на шаг Настасья.

— Я уже объяснил.

— Вы меня считаете полной дурочкой? — насмешливо спросила Настасья. — Если я скажу, что никто ничего не знает, то вы оставите нас с Пашей здесь.

«Молодец! — подумал про себя Паша. — Не такая уж она и глупая. Настасья догадалась, зачем затеял этот допрос Галушкин».

— Боитесь, что меня здесь будут искать? — продолжала Настасья, бесстрашно глядя на Галушкина. — Я вам скажу — будут! Они знают, с кем я поехала в Коломну.

Самое главное для Настасьи в эти минуты было казаться абсолютно правдивой. Если Галушкин усомнится в её словах, то всё пропало.

— Теперь давай прикинем, кому ты могла сказать, — очень серьёзно заговорил Галуш-

кин. — Первое — это своей матери. Второе — Ефимову. Правильно?

— Допустим.

— Больше некому.

— Вы так думаете? — заставила себя улыбнуться Настасья.

— Матери ты не сказала. Иначе она тебя не отпустила бы, не позвонив мне. Логично? А то, что Ефимов ничего не знает, я лично проверил.

Настасья была поражена: Галушкин говорил с ней всё тем же ласковым голосом, но теперь эта ещё недавно приятная интонация наводила ужас. Как она могла так ошибиться в этом человеке?!

Настасья растерялась. Она хотела затянуть время разговора, надеясь, что вот-вот придёт какое-то спасительное решение.

Пашка же чувствовал, что Галушкин не настроен на долгую беседу. Пашке очень не нравилась монтировка в правой руке Галушкина. Этой штукой можно в два счёта раскроить череп!

Как быть? Прыгнуть на спину Галушкину? Так ведь этот бугай легко стряхнёт с себя Пашку!..

Галушкин светил Настасье прямо в лицо, чтобы подчинить своей воле. Но глаза девочки привыкли к яркому свету и различили фигуру Пашки, который пристроился прямо за спиной врага. Настасья тут же поняла, что Паша что-то задумал и ей надо отвлекать разговором внимание Галушкина. Только бы он не оглянулся!

— Вы правы, ни маме, ни Ефимову я ничего не говорила. Но вы забыли о моих друзьях.

— И сколько же этих друзей? Уж не вся ли школа?

— Знают ещё два человека, — заявила она дрожащим голосом, шагнув к Галушкину.

— И кто эти счастливчики? — обрадовался Галушкин.

— А если я вам скажу, вы ответите на мой вопрос? Только честно! — потребовала Настасья.

«Ну, надо же! На волосок от смерти, а ещё условия ставит, дурёха!» — едва не расхохотался Галушкин.

Его так позабавила эта дерзость, что он согласился.

— Ну, спрашивай.

— Вы причастны к покушению на моего папу?

Галушкин не считал нужным что-то скрывать от девчонки, которой осталось жить минуты полторы. Ему даже нравилось выглядеть перед ней отъявленным негодяем, он находил странное удовольствие в собственной откровенности.

— Разумеется, — ухмыльнувшись, кивнул он. — Я вытащил твоего папашу под пули. Это я ему позвонил, чтобы он ехал.

Чугунов за спиной Галушкина бесшумно опустился на четвереньки. Он не мог крикнуть Настасье, что надо делать. Теперь всё зависело от сообразительности девочки. И Пашка намекнул, посветив на себя фонариком.

— Я возненавидел твоего папулю с момента нашей первой встречи... — откровенничал Галушкин. — Мне всегда хотелось стукнуть кулаком по крышке его гроба...

Он не успел договорить, как Настасья рванулась вперед и толкнула его в грудь. Чтобы сохранить равновесие, Галушкин сделал шаг назад и вдруг почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он неожиданно наткнулся на странное препятствие и через секунду рухнул на спину, стукнувшись затылком о плиту.

Пашка вскочил, поднял монтировку, которую выронил враг, и ударил Галушкина по ноге. Тот заорал от боли и сел.

Путь к лестнице был свободен, но Настасья замешкалась. Она подняла тяжёлый сундучок с монетами. Однако Галушкин уже пришёл в себя после удара и действовал молниеносно — схватил Настасью обеими руками за шею.

Только и Пашка не растерялся: он ударил Галушкина монтировкой по рукам. Одновременно Настасья выпустила сундучок, и тот угодил Галушкину прямо по ногам. От сильной боли тот заорал не своим голосом и упал на лестничные ступени, перекрыв дорогу своим телом.

Теперь ход наверх был отрезан. И Пашка, схватив за руку Настасью, помчался назад, в коридорную темень.

Луч его фонарика бестолково плясал по серым шероховатым стенам и плиточному полу. Для мальчика было неважно, куда бежать. Он весь обратился в слух, ловя малейшие звуки за спиной.

Он слышал, как Галушкин со стоном, кряхтя и охая, поднялся со ступенек лестницы и ринулся вслед за ними. Пашке казалось, что от шагов Галушкина сотрясаются подземные своды.

Настасья и Пашка выбежали в зал с саркофагом. Отсюда в разные стороны уходили четыре хода.

— Туда! — показала Настасья на крайний левый.

— Нет, туда! — показал Пашка на крайний правый.

Настасья привыкла к тому, что Пашка, пусть и неохотно, но подчинялся ей. А сейчас Пашка гаркнул так решительно, что она последовала за ним. Настасья поняла, что даже если она ринется налево, Пашка всё равно потащит направо. Она почувствовала в нём силу, и ей вдруг понравилось подчиняться этой силе. Такое с ней случилось впервые!

Они углубились в коридор шагов на десять и замерли, выключив фонарики.

Настасья думала о том, какие странные фокусы выкидывает её судьба. Понадобилось спуститься глубоко под землю, чтобы разглядеть Пашку Чугунова, увидеть, какой он необыкновенный парень! А ведь наверху, при свете солнца, она в нём не замечала этих черт — мужества и отваги!

Сама не зная, зачем это делает, Настасья протянула руку в крошечной тьме по направлению к Павлу и почувствовала, что коснулась ладонью его щеки. Пашка беззвучно прижался к её ладони. Настасья погладила Пашкины волосы.

А затем оба услышали, как, хрипло дыша, в зал вошёл Галушкин, увидели, как мечется луч его фонаря по стенам и сводам. Галушкин заглянул в каждый коридор. Когда жёлтый луч заполз в туннель, где притаились дети, Настасья и Пашка плотно прижались к стене. Но луч не задел их, проскользнув у самых ног.

Галушкин громко выругался. Это подземное кладбище уже в печёнках сидело у него! Не хватало ему новой погони в этой темноте за двумя обормотами!

Он прислушался, чтобы определить, в какой коридор нырнули эти двое. Но из тьмы не доносилось ни звука. Наверняка эти хитрецы притаились где-то неподалёку и тоже прислушиваются к его шагам!

Галушкин снова выругался, ещё более виртуозно. Он боялся заблудиться в этом проклятом лабиринте! Если он забредёт не в тот туннель, то может проплутать здесь не одну неделю! А тем временем эти сорванцы вернутся к выходу, заберут денежки — и поминай, как звали! Может, они уже подобрались к сундучку обходным коридором?

С ужасом подумав об этом, Галушкин окончательно отказался от мысли о преследовании.

— Как я тебя ненавижу, Настя! — рявкнул он. — Ты ещё хуже, чем твой батька!

Девочка, конечно, была польщена таким сравнением, но всё же задело то, что Галушкин произнёс её имя не так, как нравилось ей самой.

Галушкин метнулся назад в коридор, пря-

миком ведущий к лестнице. Только этот путь он знал хорошо.

Сундучок оказался на месте. Укреплённый железными скобами и полосами, он выдержал падение на каменные плиты, только чуть сдвинулась защёлка.

Галушкин поднял сундучок и нежно погладил крышку. В руках его находился такой весомый козырь, что можно будет диктовать любые условия Циклопу — тот на всё согласится!

«Только если тут же не прикончит меня, — подумал Галушкин. — Надо потребовать гарантии моей безопасности. А как? Разве можно верить его слову? Я в безопасности, пока этот сундучок у меня в руках. Как только я его отдам — вся моя жизнь будет зависеть от его каприза. И ещё эти два гадёныша! А как быть с ними? Они могут мне сильно помешать».

Он с тоской поглядел в глубь коридора. Сидеть и ждать, когда сами соблаговолят явиться сюда? Ведь им больше некуда податься, выход из подземелья один...

«Стоп! А чего мне, собственно, трепыхаться? — мелькнула у Галушкина радостная мысль. — Я ведь хотел их здесь похоронить. Вот и похороню!»

И он торжествующе закричал, уверенный, что дети услышат:

— Вы здесь останетесь навсегда! Ну а за то, что помогли клад найти, — от всей души спасибо!

Зажав сундучок под мышкой, он поднялся по винтовой лестнице. Полумрак храма на

мгновение показался ему ослепительным после мрака подземелья. Он даже выронил сундучок, потому что, испугавшись, что ослепнет, зажмурил глаза и закрыл их ладонями. И вновь завопил от боли — ларец ударил по пальцам ног.

Но даже ничего не видя, он нащупал дверь, и прислонился к ней спиной. Постепенно зрение возвращалось, хотя всё ещё на солнечные лучи, проникавшие через окна-бойницы, не мог смотреть без рези в глазах.

«Добраться бы до машины, там, в бардачке, лежат солнцезащитные очки, — подумал он, закрывая дверь на тяжёлый засов. — Теперь им точно не выбраться... Настя мне соврала. Никому она не говорила о поездке в Коломну. Я тоже никому ничего не скажу. Не в моих это интересах. Так что никто не станет искать здесь этих неудачливых следопытов».

Выйдя из церкви, Галушкин потянулся до хруста в плечах. Блуждая в потёмках под землей, он успел забыть, как приятен свежий воздух, как восхитительно ласкает тёплый ветер лицо, как сладостно слышать пение птиц, доносившееся со стороны старого кладбища!

«Жить, просто жить — это невысказанное блаженство!» — радовался Галушкин, шагая с сундучком в руках к ограде.

Ему хотелось поскорее забыть об ужасном подземелье с отравленным спёртым воздухом и узкими переходами. Это уже позади, это в прошлом. На секунду он представил, какая участь ждёт запертых там детей. Наверняка сойдут с ума от голода и жажды. Но лучше не

думать о них. Всякая победа требует жертв. У него в руках, возможно, самая ценная коллекция. Она досталась ему. А для этого кто-то должен был потерять её. Не вина Галушкина, что потерявшими оказались дети. Значит, такая у них судьба.

Оставалось ускользнуть от Циклопа или переиграть его.

Оглянувшись вокруг и не видя для себя никакой опасности, Галушкин решил убраться подальше от церкви.

Он тут же забыл о детях. Золото, приятную тяжесть которого ощущали его руки, не давало сосредоточиться. Галушкин даже не задумался о том, что не в характере Циклопа оставить его без надзора. Почему-то хотелось верить, что шеф ждёт звонка, полностью доверившись ему, Галушкину.

«Я освобожусь от всех проблем, — думал он, — если сейчас благополучно уеду и окажусь наедине с этим сундуком».

Но дойдя до своей машины, Галушкин понял, что избавился далеко не от всех проблем.

Он увидел приближавшийся к церкви чёрный «Мерседес». Это была машина Циклопа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*В КОТОРОЙ ЕФИМОВ И ШАЛЬКОВСКАЯ
ПРЕПОДНОСЯТ СЮРПРИЗ ГАЛУШКИНУ*

Галушкин замер от неожиданности. Как он мог подумать, что недоверчивый Циклоп будет сидеть в своей резиденции у Николиной Горы и ждать его звонка! Ан нет! Пожаловал собственной персоной! Иначе он и не мог поступить.

«Циклоп верен себе, никому не доверяет», — слишком поздно сообразил Галушкин, оторопело глядя на пыльный шлейф, расходящийся в обе стороны от машины.

«Мерседес» остановился буквально впристык к «Вольво», даже чуть коснулся бампера. И не осела ещё поднятая пыль, как распахнулись три дверцы и из салона показались Первый, Второй и Четвёртый. Все трое были одеты в чёрные костюмы. Их глаза скрывали солнцезащитные очки. Под пиджаками угадывались наплечные кобуры с пистолетами.

Галушкин нагнулся, чтобы поставить сундучок на землю. Ему хотелось освободить руки: как знать, вдруг сейчас придётся хвататься за пушку!

Но Первый разгадал его маневр и предостерегающе крикнул:

— Не шевелись! Торчи, где воткнули!

Второй, жующий резинку, подошёл к Галушкину, обыскал его, извлёк пистолет из кобуры и, отступив на два шага, продолжал сосредоточенно работать челюстями.

Галушкин понял, что дело принимает скверный оборот. Как бы ему не пришлось сегодня заночевать в сырой земле!

Из салона показался Циклоп, одетый в дорогой синий костюм в красную полоску. На этот раз, вопреки обыкновению, он был без тёмных очков, не скрывал чёрную повязку.

— Видел бы себя со стороны! — поприветствовал он Галушкина. — У тебя в волосах столько пыли и паутины! Пиджак испачкан... Тебя словно хорошо пожевали и выплюнули. Похож на помойного кота!

Телохранители отреагировали на юмор босса дружным хохотом.

— Под землёй не очень чисто, — пожал плечами Галушкин. — И там нет уборщиц.

— Но зато под землёй много чего интересного, — процедил сквозь зубы Циклоп и открыл крышку сундучка, который продолжал держать в руках Галушкин.

Увидев монеты, он сдержанно застонал от удовольствия и так же, как час назад Настасья, погрузил ладони в ларец.

— Раньше я думал, что к цели надо подбираться постепенно, шаг за шагом, — в приливе искренности признался Циклоп. — Так я и поступал, когда узнал о коллекции купца Быкарина. А получилось всё странным образом наоборот — сокровище само просится ко мне в руки.

От его душевного тона у Галушкин отлегло на сердце.

— Значит, наш уговор остаётся в силе? — облегчённо произнёс он.

Циклоп захлопнул крышку, защёлкнул задвижку и передал сундучок Третьему, тот поспешно отнёс его в машину.

— Даже не знаю, что с тобой делать, — одноклазый задумчиво погладил подбородок. — Ты ведь сам не выполнил всех условий договора. Ты сам себе всё подпортил...

— Чего это я не выполнил?! — возмущённо перебил его Галушкин. — Я обещал тебе найти клад? Вот и нашёл! Теперь твой черёд выполнять условия.

Циклоп обошёл его, глядя на пыльную траву под ногами.

— Мы ведь как условились? — напомнил он. — Ты находишь клад, но не дотрагиваешься до него...

— Но так получилось! — защищался Галушкин. — Я не мог оставить сундучок... Мне ведь надо было узнать, что в нём? Или ты...

— Хватит меня перебивать! — заорал Циклоп. — Я перечисляю твои проблемы. И на твоём месте, я слушал бы очень внимательно!

«Пожалуй, он меня сейчас не убьёт, — сообразил Галушкин. — Но и доверия у него ко мне нет. Кажется, он в самом деле не знает, как ему быть...»

— Из-за того, что ты нарушил уговор, я потеряю покой на долгие годы, — продолжал Циклоп. — Мне будут лезть в голову всякие скверные мысли. Вдруг ты мне передал не весь

клад, а только его часть? Вдруг там, в подземелье, не один сундук, а десять. Вдруг ту часть клада ты припрятал до лучших времён? Вдруг решил сам воспользоваться той частью клада? Вдруг собрался действовать через мою голову, самостоятельно?..

«Да он же параноидальный шизофреник! — ужаснулся Галушкин. — Он неизлечимый псих! Он болен манией подозрительности!»

— Но самое главное, у меня появилось такое чувство, будто ты хотел присвоить себе этот ларчик, — остановившись перед Галушкиным, пристально посмотрел на него Циклоп своим единственным глазом. — Я подумал, что ты не избежишь искушения и захочешь придержать коллекцию у себя, чтобы торговаться со мной, требовать гарантий или набивать себе цену. Может, хочешь сказать, что я заблуждаюсь?

«Но и в здравом рассудке ему не откажешь! — думал Галушкин, с содроганием глядя на Циклопа. — Как он умудряется просчитывать ходы на десять шагов вперёд? Как в нём могут совмещаться изворотливость и безумие?»

— Я все эти годы был предан тебе, — чуть слышно возразил Галушкин. — Ни разу я тебя не подставил...

— Ты был предан мне, потому что иначе я просто убил бы тебя! — закричал Циклоп и, мгновенно успокоившись, деловито поинтересовался: — Кстати, а где твои юные спутники? Что стряслось с детишками?

— Они малость заблудились в подземелье, — ухмыльнулся Галушкин. — Я их там и оставил. Им уже не выбраться наверх.

Циклоп недоверчиво покачал головой.

— Ты ведь знаешь, Савелий, я люблю только мёртвых свидетелей! Ты нарушил и это условие договора.

— Они оказались слишком проворными, — признался Галушкин. — Я хотел их прибить монтировкой.

— А пистолет тебе зачем дан?

— За каждый сделанный выстрел мне пришлось бы отчитываться перед Ефимовым, — ещё больше поник Галушкин.

— Ну, ты и раззява! — вздохнул Циклоп. — Пока эти дети живы, у них есть шанс выкарабкаться оттуда. Пусть даже один шанс из тысячи, но всё же есть. Придётся моим орлам спуститься в это подземелье...

— Не советовал бы, — предупредил Галушкин. — Если они туда войдут, то вряд ли вернутся. Там настоящий лабиринт.

Циклоп описал ещё один круг возле Галушкина.

Второй выплюнул жевательную резинку, достал из пачки новый «Стиморол» и сунул в рот.

Циклоп наконец придумал, как поступить, и доверительно похлопал по плечу Галушкина.

— Поедешь с нами в одно укромное местечко. Там нас никто не услышит. Надо поговорить.

— О чём? — недоверчиво вскинул брови Галушкин.

— О кладе купца Быкарина, — ответил Циклоп. — Мне нужно точно знать, всю ли коллекцию ты мне передал или всё-таки какую-то часть утаил.

— И как же ты узнаешь? — почувал недоброе Галушкин.

— Существует такая степень боли, когда человек вынужден говорить правду. Потому что если не скажет правду, то умрёт или свихнётся. Когда я мотал срок на зоне, урки устроили мне такое испытание. С тех пор я стал другим человеком. Теперь я устрою тебе такое же испытание.

«Да он же замучит меня до смерти!» — мысленно завопил Галушкин.

Циклоп был сейчас так же предельно откровенен с ним, как всего полчаса назад Галушкин откровенничал с Настасьей. Циклопу тоже доставляло удовольствие демонстрировать перед жертвой свой безнаказанный цинизм. Циклоп понимал, что безоружный Галушкин уже никуда не денется от него. Точно так же дети ещё недавно полностью зависели от Галушкина, и он прямо-таки упивался своим могуществом. Так играет кот с мышкой. Только теперь мышкой оказался Галушкин!

Циклоп направился к машине.

Второй толкнул Галушкина в спину, чтобы двигался следом, толкнул грубо и бесцеремонно.

Вдруг Первый и Третий, которые всё это время поглядывали по сторонам, потянулись за пистолетами и в один голос закричали:

— Шухер!

Циклоп оглянулся и похолодел: со стороны старого кладбища к ним мчались десятка два бойцов спецназа — в пятнистых, чёрно-зелёных маскировочных костюмах, бронежилетах, шлемах с пуленепробиваемыми прорезями для глаз, в высоких шнурованных ботинках и с автоматами в руках. Ещё два десятка бойцов бежали с противоположной стороны, из леса.

Циклоп сразу и без малейшего сомнения подумал, что всё это подстроено Галушкиным.

— Ах ты, мразь! — прошипел он, выхватывая пистолет из нагрудной кобуры. — Заманил меня в засаду! Выслужиться решил перед легавыми? Захотел угодить и нашим и вашим?

— Я тут ни при чём!.. — успел только крикнуть Галушкин. — Ты с ума спятил. Не я тебя звал сюда, сам припёрся!

Циклоп направил пистолет в грудь Галушкину и нажал спусковой крючок. Галушкин беспомощно взмахнул руками и упал на землю. Циклоп ринулся к машине. Прикрывая шефа, Первый, Второй и Третий открыли пальбу по приближавшимся спецназовцам, а водитель «Мерседеса» завёл мотор.

Каких-то пять шагов отделяли Циклопа от дверцы салона автомобиля. Но это расстояние оказалось непреодолимым. Спецназовцы открыли шквальный огонь по бандитам.

Автоматные очереди сразили наповал Первого, Второго и Третьего. Те попадали в пыльную траву. Циклоп с удивлением заметил, что на их белых рубашках не проступают пятна крови. Бойцы отряда милиции спец на-

значения стреляли не боевыми, а шокowymi патронами. При попадании такой патрон не убивал, а парализовал человека. Бандиты были живы, но не могли пошевелиться.

Через секунду и сам Циклоп почувствовал, что не может даже ногой двинуть. Земля стремительно приближалась к его физиономии, а он даже рук не мог протянуть перед собой, чтобы смягчить удар. Он зажмурил глаза и ощутил, как из ушибленного носа потекла тёплая кровь.

Чёрный «Мерседес» дал задний ход. Автоматные очереди крошили боковые стёкла салона и пробивали дверцы. Наконец пули угодили в колёса. С громким хлопком лопнули шины. Автомобиль прокатил ещё несколько метров на стальных ободьях и увяз в песке по самое днище. Водитель открыл дверцу и вышел, высоко поднимая руки.

Спецназовцы подбежали так близко, что уже не стреляли, опасаясь попасть друг в друга. Они повалили водителя на землю, заломили руки за спину и защёлкнули на запястьях наручники. Наручники надели и на четверых бандитов, которые неподвижно лежали на земле.

Со стороны старого кладбища подошли Ирина Шальковская и Вадим Ефимов.

— Поджидали этих субчиков пять часов, а вся операция заняла меньше минуты, — с удовлетворением констатировал Ефимов.

Один из спецназовцев разорвал рубашку на груди Галушкина и накладывал повязку, чтобы остановить кровотечение.

— Вызовите «скорую»! — приказал Ефимов командиру отряда спецназовцев и склонился над Галушкиным.

Он поднёс к носу своего заместителя флакончик с нашатырным спиртом. Галушкин громко чихнул и открыл глаза.

— Очнулся! — обрадовался Ефимов. — Вот и замечательно! А я уж боялся, что не смогу с тобой побеседовать!

— Откуда... Вы... Здесь? — с трудом прохрипел Галушкин.

— Да вот решили вместе с Ириной преподнести маленький сюрприз Циклопу! — рассмеялся Ефимов. — И кажется, нам удалось произвести на него впечатление. Давненько у нас не было такой удачной операции!

Галушкину не часто доводилось видеть шефа в столь приподнятом настроении. Должно быть, Ефимов в самом деле был счастлив, что операция прошла без потерь, что один из самых опасных в Москве криминальных асов взят с поличным.

Но от весёлого настроения шефа лично для себя Галушкин ничего хорошего не ожидал. Он вспомнил детей и подумал, что поступил глупо, не выяснив до конца у Настасьи, знает ли ещё кто-нибудь о поездке в Коломну. Оказывается, знали. Ефимов перехитрил Галушкина.

«Что за несчастливый день, будь оно трижды всё проклято! — мысленно выругался он. — И зачем только я работал на Циклопа! Да и зачем я вообще на свет родился!»

Он застонал от досады и ненависти ко всему белому свету.

Ефимов решил, что заместитель стонет от боли, и постарался его успокоить:

— Потерпи малость. С минуты на минуту подъедет «скорая». Мы готовились к серьёзной операции. Думали, что будут убитые и раненные. Поэтому прихватили с собой не одну «скорую». Но сам понимаешь, не могли же мы взять медиков с собой в засаду! Вот и едут они сюда из центра города...

— А куда ты детей подевал? — встряла в разговор Ирина. — Мы видели, что ты входил в церковь с ними. А вышел один...

«Значит, они следили за мной всё это время!» — с тоской подумал Галушкин.

Меньше всего ему хотелось отвечать на вопрос Шальковской. Он снова застонал, как будто от боли, и закрыл глаза. Но Ефимова оказалось нелегко провести. Он звонко ударил заместителя ладонью по щеке и строго предупредил:

— Привыкай отвечать на вопросы, которые тебе не нравятся! И нечего перед нами спектакль разыгрывать!

Но даже теперь, в безнадёжной, казалось бы, ситуации, Галушкин продолжал отчаянно сопротивляться. Ему пришла в голову неожиданная мысль — представить своё поражение как победу! И стараясь выговаривать каждое слово чётко и ясно, он сказал:

— Я действовал по договорённости с Валентином Куприяновым. Всё, что я делал раньше и сегодня — это был его план. Куприянов хотел, чтобы я заручился доверием Циклопа. Для этого мне пришлось сделать вид,

будто я продался Циклопу с потрохами. Дети подумали, что я бандюга, убежали от меня и спрятались в подземелье. Я специально сделал так, чтобы они не попали в руки людей Циклопа. Я должен был их спасти таким образом. А Циклоп меня раскусил... Будь Валик в сознании, он подтвердил бы, что я говорю правду...

Галушкин хотел любой ценой выиграть время. Пусть Ефимов поверит хотя бы на день-другой! А там видно будет. И с детьми он придумал толково. Можно ещё выкрутиться.

Ефимов не ожидал от своего заместителя такого откровения. Он с сомнением перевёл взгляд на Шальковскую. Та отрицательно покачала головой — она не верила ни единому слову Галушкина.

— Куприянов не тот человек, — сказала она, — он не стал бы вовлекать в свои дела детей. Тем более — рисковать жизнью дочери Настасьи и соседского мальчика.

— Чем они рисковали? — запротестовал Галушкин. — Я был с ними. Я же вам говорю...

— Не слишком ли много говоришь? — недружелюбно прервала его Ирина.

— Вы не хотите мне верить, — сделал вид, что огорчился Галушкин.

— Вот что, Ирочка, — сказал Ефимов, — возьми двух человек и отправляйся в подземелье.

Шальковская только этого и ждала. По выражению лица Ефимова она поняла, что шеф тоже не верит Галушкину. Но Ефимов хотел

немного подыграть этому негодяю, дать ему выговориться. Болтовня Галушкина могла быть использована впоследствии как против Циклопа, так и против него самого.

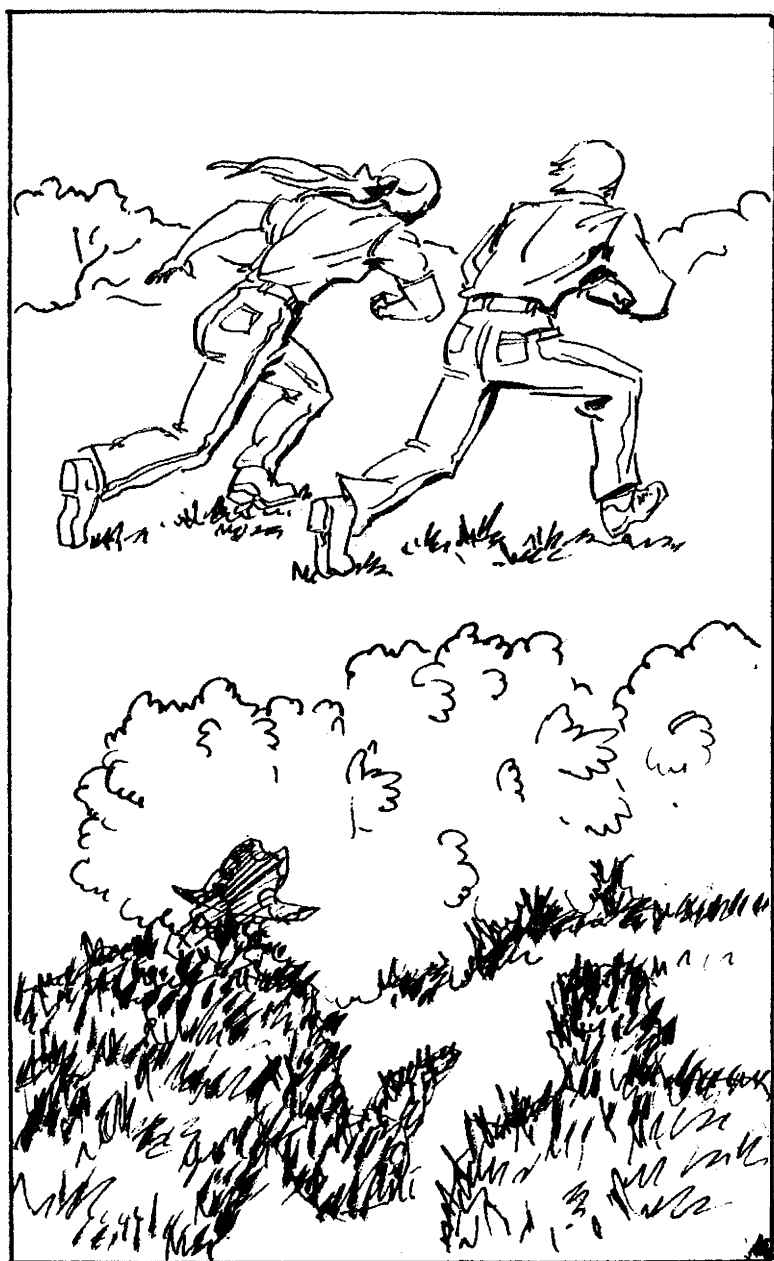
— Ну, ну, Савелий, продолжай, — подбодрил Ефимов заместителя. — То, что ты говоришь, даже в голове не укладывается... Значит, ты действовал по плану Куприянова? Ну и как ты вошёл в контакт с людьми Циклопа?.. Давай рассказывай.

А Ирина Шальковская уже шагала с двумя спецназовцами к Константиновской церкви.

Состоявшаяся операция была всецело её заслугой. Ирина уже давно подозревала Галушкина в том, что он работает на криминал. Никаких доказательств у неё не было — только предположения. Но, подслушав телефонный разговор Настасьи и Галушкина, она больше не сомневалась: девочке грозит смертельная опасность. В тот же день она встретила с Ефимовым и изложила свой план.

За Галушкиным было сразу же установлено наблюдение. Когда стало известно о встрече Галушкина с его покровителем, Шальковская поняла, что на следующий день Циклоп, никогда никому не доверявший, пожалует в Коломну собственной персоной.

Вместе с Ефимовым и спецотрядом Шальковская приехала в Коломну рано утром. Агенты ФСБ заприметили машину с Галушкиным и двумя детьми ещё при въезде в город. Когда стало очевидно, что место их поис-

ков — Константиновская церковь, бойцы спецназа незаметно подобрались к окраине и заняли позиции на старом кладбище и в лесу.

Всё это время Ирину била нервная дрожь. Она так хотела помочь детям, оставшимся глубоко под землёй наедине с преступником! Но она не могла арестовать Галушкина до того, как тот передаст найденные сокровища Циклопу. В противном случае главарю бандитов нечего было бы инкриминировать.

Встреча Циклопа с Галушкиным была снята видеокамерой одним из спецназовцев. Теперь Циклопа можно было обвинить в незаконном присвоении клада с монетами, и Ефимов дал команду бойцам — в атаку!..

Шальковская была уверена — Циклопу и Галушкину не удастся отвертеться от правосудия! Но ей не давала покоя мысль: что с детьми? Живы ли они? Удастся ли найти их?..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЯ И ПАШКА
СПАСАЮТСЯ ОТ ИРИНЫ ШАЛЬКОВСКОЙ*

Настасья и Пашка расслышали угрозы Галушкина. Затем наступила страшная тишина, и оба поверили, что их, действительно похоронили заживо. Что из того, что они могли бродить по переходам и туннелям ещё не один день? Они оказались в огромном могильном склепе, из которого был один выход, да и тот оказался запертым...

Они постояли несколько минут не шелохнувшись, онемев от ужаса. До этой минуты они не чувствовали подземной сырости: слишком много было других впечатлений! Теперь же могильный холод пронизывал их, казалось, до самых костей. Оба думали, что в этом ледящем холоде долго им не продержаться.

К тому же спёртый воздух становился всё гуще. Если они не замёрзнут, то могут задохнуться.

Наконец, стряхнув с себя оцепенение, Настасья включила фонарик и попросила Пашку:

— Включи и ты свой! Когда много света, не так страшно...

Мальчик отрицательно покачал головой, удивляясь такой недальновидности.

— Лучше экономить батарейки. Если они сядут, мы вообще останемся без света. Тогда уж точно никуда не выйдем...

— А как ты собираешься выйти? — осторожно спросила девочка.

Пашка пока ещё не решил. Но стоять столбом на одном месте не желал!

— Хватит отчаиваться, — заявил Чугунов и помахал зажатой в руке монтировкой. — Попробуем выйти из подземелья так же, как вошли.

Настасья поняла, к чему он клонит, и пошла впереди, освещая дорогу. Они в третий раз за день миновали коридор, ведущий к лестнице.

Поднявшись к железной двери, Пашка провёл ладонью вдоль щели и почувствовал слабое движение воздуха. Значит, не задохнутся! Уже неплохо!

Он просунул конец монтировки в щель и начал расшатывать, действуя ею, как рычагом. Но щель не расширялась — дверь держалась прочно на петлях. Пашка с досадой стукнул монтировкой по её железной поверхности. И тут Настасья неожиданно остановила его:

— Может, не будем ломиться в эту дверь?

Пашка обернулся к ней.

— Предлагаешь поискать другой выход? А он есть?

Настасьины страхи объяснялись другим:

— А вдруг Галушкин притаился поблизости? Вдруг он ждёт, чтобы мы сами вышли на него? Услышит, что ты скребешься, откроет дверь и схватит нас...

Эта гипотеза озадачила Пашку.

— Что же нам делать? — спросил он.

— Ты обязан придумать, ты ведь мужчина! — внезапно выдала Настасья. — Ты должен нас спасти!..

Она даже чувствовала какое-то странное удовольствие от того, что могла позволить себе бояться.

— Почему я должен? — пробурчал Пашка.

— А кто же ещё?

— Не я завёл в это подземелье.

— Я же тебя не тащила за руку.

— Не тащила.

— Ты добровольно шёл за мной. Правда?

— Ну, да.

— Так вот изволь найти выход.

— Ловко ты всё повернула! — вспыхнул Пашка.

— А как же иначе? Ты же видишь — я боюсь. Я могу расплакаться. Делай же что-нибудь!

Пашка сам перетрухнул не меньше своей спутницы. Не каждый день он шарил по подземельям в поисках клада, не каждый день его пытались убить! Но рядом с беспомощной Настасьей он почему-то почувствовал себя увереннее. Что толку, если в унисон ей начнёт ныть и жаловаться! Раз его спутница нуждается в нём, то Пашка должен быть уверенным и спокойным! И чтобы продемонстрировать эту уверенность, он прикрикнул на девочку:

— Тихо!

Настасья мгновенно умолкла и выжидает

ще усталилась на него. Никогда прежде она не была такой послушной.

— Ну-ка, пораскинь мозгами, всезнайка! — потребовал Пашка. — И ответь мне: может ли быть у подземного кладбища ещё и другой выход?

— Я не уверена, но надо поискать, — предложила Настасья. — Мог произойти обвал... Или какой-нибудь туннель выходит прямо на поверхность...

Пашка вздохнул. Ему страсть как не хотелось снова блуждать по узким коридорам с низкими потолками, не имеющими ни начала, ни конца!

Отвернувшись от спутницы, он с ожесточением вонзил монтировку в щель, надеясь хоть немножко сдвинуть задвижку.

Но остриё монтировки даже не коснулось засова — щель оказалась слишком узкой.

Тогда Пашка попытался приподнять дверь с петель, подсунув монтировку снизу и потянув на себя. Но массивная дверь не приподнялась даже на сантиметр, упираясь в косяк.

Помучившись ещё добрую четверть часа, Пашка рассвирепел и снова заколотил монтировкой по двери, словно надеялся пробить дыру в этой металлической массе.

У Настасьи от грохота заложило уши.

— Ну, размахался! — она отступила назад, чтобы её не задело монтировкой. — Успокойся! Настасья собралась отчитать его, но в наступившей тишине уловила звук приближавшихся снаружи шагов. Её первая

мысль была о Галушкине: он возвращается, чтобы убить их!

— Мы выдали себя! — громко прошептала Настасья. — Бежим!

Пашка тоже подумал о Галушкине и не колеблясь ринулся вниз по лестнице, касаясь ладонью стены.

Они были уже внизу, когда лязгнул засов, распахнулась дверь и сверху хлынули волны дневного света. Настасье и Пашке не хотелось бежать в четвёртый раз всё по тому же коридору, ведущему к саркофагу. На этот раз они свернули в правый туннель. Полной неожиданностью оказался для них прозвучавший сверху женский голос:

— Настя, Паша, где вы?!

Чугунов удивлённо обернулся. Ему раньше не доводилось слышать этот голос. Зато Настасья сразу догадалась: их звала Ирина Шальковская, та самая женщина, которая была связана с бандитами!

С верхней площадки донеслись звуки спускающихся шагов. Осторожно выглянув из-за угла, Настасья заметила три силуэта.

— Это та женщина, за которой мы следили, — сказала Настасья. — Но не одна.

— Галушкин с ней? — спросил Пашка.

— Нет. Двое с оружием.

— Они хотят убить нас?

— Не пошли же просто прогуляться.

— Надо бежать. Чего ты медлишь?

— Может, они свернут и пройдут мимо.

— Лучше быть от них подальше, — сказал Пашка. — Надо найти другой выход из подземелья.

Дети на цыпочках пошли по коридору.

— Уж лучше была бы я глупой, — вслух прошептала девочка.

Пашка расслышал её слова.

— А что было бы тогда?

— Мы не оказались бы здесь. Ведь всё произошло только потому, что я разгадала тайну девяти монет.

— Но надо признать, что это у тебя получилось здорово!

— Правда?

— В классе расскажу, обалдеют.

— Мы ещё пойдём в школу?

— Обязательно, — уверенно сказал Пашка, которому понравилось, что у Настасьи появилась даже самокритичность. — Нет безвыходных положений. Кстати, это говорил твой папа.

Спустившись по каменной лестнице, Ирина Шальковская задумчиво разглядывала три коридорных проёма. По которому из них убежали дети?

Она включила фонарь, взятый у Галушкина, заглянула по очереди в каждый коридор и осветила каменные плиты, покрытые слоем вековой пыли.

Сразу же стало ясно, что в центральный коридор никто не забегал, а в левый заходили не один раз — следы вели туда и обратно. Шальковская собиралась уже направиться по этому коридору, но на всякий случай заглянула и в правый. Здесь следы уходили в одном направлении.

Ирина обратила внимание, что поднятая с плит пыль ещё не успела осесть. Значит, дети пробежали здесь только что!

— За мной! — крикнула Ирина спецназовцам.

Находившиеся метрах в пятидесяти от неё дети слышали этот крик и побежали ещё быстрее.

Ирина уловила частый топот их ног и закричала:

— Настасья! Слышишь меня! Я пришла за вами. Я помогу вам! Не бойтесь Галушкина.

Но топот удалялся, и Шальковская поняла, что дети бегут не к ней, а от неё.

«Как я могла забыть, что они не доверяют мне! — хлопнула Шальковская себя по лбу. — Ведь они даже пробовали следить за мной! Вот и спасай тех, кто не верит тебе!..»

Один из следовавших за ней, двухметровый спецназовец, на бегу ударился головой о низкий свод и громко выругался.

— Тише, пожалуйста! — приказала ему Шальковская. — Я должна слышать их...

Она замерла и снова уловила звуки детских шагов. Дети сворачивали из этого коридора налево.

«Прямо, как в глухом лесу! — подумала про себя Ирина. — В лесу тоже начинаешь непроизвольно сворачивать влево...»

Она побежала, освещая дорогу перед собой и различая легкие следы беглецов в тысячелетнем слое пыли. Спецназовцы ничего не видели под ногами, часто спотыкались и вполголоса матерились.

Выбежав в зал, из которого разветвлялись четыре коридора, Шальковская убедилась, что слух её не подвёл — следы вели в левый коридор. Она прибавила шаг и вскоре разглядела далеко впереди прыгающего по стенам жёлтого зайчика — луч фонарика.

— Ребята, я не сделаю вам ничего плохого! — закричала она. — Настя, я работаю вместе с твоим папой!

Жёлтый зайчик резко рванул вперёд — дети бежали из последних сил.

«Ещё полчаса такого бега, и я забуду дорогу назад, — волновалась Шальковская. — Тогда уже Ефимову придётся нас разыскивать...»

Внезапно Настасья поскользнулась и во весь рост растянулась на полу. Фонарик вылетел из её рук и покатился по плитам, освещая зеленовато-серую стену.

Пашка оглянулся — три чёрных силуэта приближались. Тогда он положил свой фонарик на землю, обхватил двумя руками монтировку и, широко расставив ноги, преградил дорогу преследователям.

— Убегай! — крикнул он девочке, которая вставала, потирая ушибленное колено. — Я их задержу! Прощай!

Пашка понял, что вдвоём им уже не уйти. А в одиночку Настасья ещё могла спастись. Нужно было выиграть хотя бы минуты две! За это время она успела бы скрыться в лабиринте...

Настасья с изумлением глянула на спутника. Никогда Пашка не говорил с ней вот так, как сейчас! Никогда она не забудет

этих его слов! Как же плохо она его знала!

— Мы всё-таки друзья, Пашенька, — нерешительно начала она, — я не могу тебя...

— Я кому сказал! — свирепо рявкнул Чугунов.

Настасья повернулась и отошла от него. Она нагнулась за фонариком и вдруг почувствовала, что под ногами образуется пустота. Каменные плиты, казавшиеся незыблемой твердью, начали прогибаться и одна за другой пропадать во тьме. В полу образовалась щель, которая прямо на глазах расплзалась, затягивая в себя девочку.

Настасья отчаянно закричала, чувствуя, как её неудержимо тянет вниз. Пашка обернулся, увидел, что Настасья уже по пояс ушла под землю, моментально забыл о приближавшихся врагах, бросил монтировку, упал на пол и проворно, как ящерица, пополз к подруге. Он схватил её за руки в тот самый момент, когда девочка уже погрузилась в щель по плечи.

Настасья чувствовала, что повисла в пустоте, она болтала ногами, не находя опоры. Она понимала, что Пашка не удержит ее, а тем более — не вытянет, сама же она не может ему помочь.

Девочке припомнилось, что в таких подземных проходах устраивали ловушки. Человек падал в яму, дно которой было утыкано острыми железными кольями. Если это ловушка, то она погибнет наверняка. Из её груди вырвался отчаянный крик. Пашка старался сохранять спокойствие.

— Держись, — просил он. — Я тебя вытащу.

До сих пор Настасье казалось, что всё обойдётся, что они с Пашкой каким-то чудом спасутся. Теперь же она поняла, что чудо не произойдет, что наступила последняя минута... В этот момент девочке суждено было узнать, что такое подлинный ужас, ужас предсмертный! Это когда внутри становится холодно и пусто.

Пашка держал её обеими руками, но и под ним плиты пришли в движение! Надо было успеть вытащить Настасью и отползти от этого страшного места как можно дальше. Если он не успеет, то рухнет вместе с ней в какую-то бездну, из которой потом им не выбраться.

От волнения он весь взмок, пот заливал глаза, он с трудом различал свет фонарика, который по-прежнему освещал серо-зелёную стену. В мире оставалось это пятно света и крик Настасьи. Но и крик умолк, Пашка не слышал больше никаких звуков. Девочка уже с головой исчезла в чёрном проёме. Из подземной тьмы торчали только её руки.

— Держись! — крикнул Пашка. — Только держись!

Левая рука Настасьи выскользнула из его ладони. Пашка понял, что не удержит девочку за одну руку. А плиты под Пашкой становились всё более зыбкими, он явно скользил в страшное никуда. Для спасения в его распоряжении оставались считанные секунды. Для этого нужно было разжать пальцы и отпустить руку девочки, потом резко податься назад.

«Но вот этого я никогда не сделаю, — отчаянно подумал Пашка. — Я не отпущу Настасью, Настю... Ни за что!»

Внезапно Пашка почувствовал, что кто-то схватил его за ноги. Это были чьи-то сильные руки. Затем ощутил рядом с собой чьё-то взволнованное дыхание. С трудом повернув голову, он разглядел ту самую женщину, от которой они с Настасьей вовсю улепётывали. Она тоже легла на пол, подползла к провалу и схватила Настасьину левую руку.

И Шальковскую, и Пашку держали за ноги мускулистые спецназовцы. Они потянули их на себя, как только Ирина крикнула:

— Я держу её!

Из проёма показалась голова Настасьи. Девочка уже не кричала, а только хватала воздух открытым ртом, словно не могла перевести дух. Она чувствовала железную хватку Ирины.

По наклонным плитам покати́лся в пролом электрический фонарик девочки. Настасья непроизвольно глянула вниз — фонарик беззвучно летел куда-то во тьму. Она не расслышала звука его падения, просто жёлтый огонек ушёл в какую-то страшную бесконечность.

Могло быть ещё и такое: в этом месте за многие столетия порода оказалась размытой подземными водами. Под каменным полом образовалась пропасть. Настасья содрогнулась, представив, что было бы с ней на дне этой пропасти. Уж оттуда никто не вытащил бы её!

Спецназовцы протаскивали ещё несколько

метров Пашку и Шальковскую, крепко державших за руки Настасью. Почувствовав, что пол уже не ходит ходуном, Ирина крикнула:

— Дальше мы сами!

Все трое поднялись на ноги. Настасья тут же пошатнулась, но Ирина подхватила и обняла её. Второй рукой она привлекла к себе Пашку.

— Спасибо, — пролепетала Настасья.

— За что? — ласково спросила Ирина.

— Вы спасли меня.

— Тебя, Настасья, спас твой друг. Я не успела бы.

И она мягко столкнула их лицами. То ли Пашке показалось, то ли это произошло на самом деле, но на миг губы Настасьи вроде бы коснулись его щеки. Всё-таки, видимо, не показалось.

— Выходит, мы зря бежали от вас? — сказал Пашка, чтобы не молчать.

— Вы поначалу доверились врагу, а потом бежали от друзей, — засмеялась Шальковская.

— Это всё я виновата, — призналась Настасья.

Она с горечью думала о том, что из-за неё чуть не погиб Пашка. Она сожалела о том, что с самого начала предвзято отнеслась к Ирине. Какой же она была глупой, если посчитала злейшим врагом того, кому теперь была обязана жизнью!

Настасья и Шальковская без слов поняли друг друга. Обeim ничего не надо было объяснять. Только Настасья взмахнула руками и задала риторический вопрос:

— Ну почему я была такой глупой?

— Наверное, потому что слишком умная, — выдвинул свою гипотезу Пашка.

Настасья разразилась истерическим смехом, она всё ещё не могла прийти в себя после пережитого потрясения. А Пашка смущённо потряс головой. Он никак не ожидал, что его шутка будет иметь такой успех! Раньше Настасью не очень-то смешили его остроты!.. Она называла их плоскими. Но с тех пор прошла целая вечность. По крайней мере, так казалось Пашке. За сто лет могло многое измениться даже в такой упрямой девчонке, какой была Настасья.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*В КОТОРОЙ НАСТАСЬЮ РАСТРОГАЛ
ПОДАРОК ПАШКИ*

В Москву Настасья, Пашка и Ирина Шальковская вернулись на машине Ефимова. Всю дорогу девочка возбуждённо рассказывала Вадиму Сергеевичу о том, как заподозрила Ирину и пыталась следить за ней, как разгадала тайну девяти монет и доверилась Галушкину, как путешествовала по подземелью и как не раз оказывалась на волосок от гибели.

Ефимов, не отрывая взгляда от дороги, только головой качал, изредка бросая удивлённые «да?» и «угу!»

Пашка поначалу тоже хотел принять участие в беседе, вставляя свои реплики, но за торопливой речью Настасьи никак не мог угнаться, поэтому вскоре, надувшись, замолчал.

Когда автомобиль мчался по шоссе Энтузиастов, Ефимов сокрушённо произнёс:

— Я больше всех виноват в том, что стряслось. Даже не представляю, как сумею оправдаться перед Валентином.

Настасья молча уставилась на него, не понимая, о какой вине он толкует.

— Это ведь я поручил Галушкину заниматься расследованием покушения на твоего отца, — пояснил Ефимов. — Я просил тебя до-

верить Галушкину. Вот ты и доверилась ему. И чуть не погибла. Прости меня, Настасья, если можешь.

До этой минуты девочке даже в голову не приходило, что можно в чём-то винить начальника папы. Настасья во всём винила только себя. Но сейчас её снова осенило: раскаяние Вадима Сергеевича сыграет ей на руку! Ефимов может послужить щитом, спасающим от неизбежного гнева мамы!

— Оно-то, конечно, так, — с притворным сожалением вздохнула Настасья. — И если вы, Вадим Сергеевич, поговорите сейчас с мамой, то у меня к вам не будет никаких претензий.

— А с моими родителями беседовать не стоит, — подал голос с заднего сиденья Пашка. — Во-первых, они даже не заметили моего отсутствия. Во-вторых, по-прежнему ругаются. А в-третьих, у нас дома не убрано и, вообще, полный кавардак.

— А меня высадите на углу Владимирской, — попросила Ирина. — Пойду домой, приму ванну. Надеюсь, за мной никто следить не станет.

Настасья смущённо хихикнула и спросила:

— А можно, мы с Пашей к вам в гости зайдём?

— Буду рада, — заверила Шальковская.

Пашка ни в какие гости не собирался, но ему захотелось отплатить подруге, которая распорядилась его временем без его согласия, и он ядовито добавил:

— Обязательно придём! Настасья купит

набор заварных пирожных, моих любимых. А вы нас чаем угостите.

Шальковская усмехнулась и, когда машина остановилась у обочины тротуара, сказала, открывая дверцу салона:

— Вы отличные ребята. Только, Настасья, прошу тебя, не задирай нос перед Пашей. До встречи.

До самого дома Настасья и Пашка угрюмо молчали. Прощальная фраза Ирины обоих задела. Настасья вовсе не собиралась обижать Пашку. Но почему-то при солнечном свете ей всё же хотелось дерзить ему, чтобы он много не воображал о себе. А Пашка не нуждался в сочувствии. И нечего было Ирине просить за него Настасью, уж как-нибудь сам разберётся с ней и поставит на место, если она чересчур станет возноситься.

Оба думали о том, что хорошо бы им всегда быть вместе. Но при этом Настасья сомневалась — а вдруг подружки решат, будто она вешается этому Пашке на шею? А Пашка колебался — вдруг друзья решат, что он совсем девчонкой стал?

Когда машина остановилась на площадке перед домом Куприяновых, Ефимов предложил иную стратегию.

— Я, конечно, поговорю с мамой, — сказал он Настасье. — Но давай условимся держать в тайне то, что случилось сегодня в Коломне. Ведь это была секретная операция. До поры, до времени о ней не должны знать посторонние.

— А моя мама — посторонняя? — удивилась девочка.

— Твой папа — не посторонний, — нашёл-ся Ефимов. — Ему ты всё сама и расскажешь. А пока — молчок. Это и тебя касается! — строго обратился он к Пашке.

— Ладно уж, — согласился Пашка, ощупывая золотую монету, которая лежала в кармане брюк.

Когда Настасья и Ефимов вошли в квартиру, сразу стало ясно, что их опасения были напрасными. Надежда Петровна вернулась из госпиталя буквально пять минут тому назад. Она переживала такое радостное волнение, что совершенно не обратила внимания на чуждый вид дочери.

— Папа пришёл в сознание! — закричала она, едва приехавшие переступили порог прихожей. — Проходите на кухню, я вас чаем напою.

— Я, пожалуй, приму сначала душ, мамочка, — разувшись, бочком двинулась Настасья в ванную.

— Завтра утром едем в госпиталь! — крикнула ей мама, зажигая комфору.

— Я люблю чай с вареньем, — деловито направился на кухню Ефимов, — особенно с клубничным...

Он заговорщически подмигнул девочке, мол, ни о чём не беспокойся и не распускай язык..

Утром Ефимов отвёз Настасью и Надежду Петровну в госпиталь. Врач сказал им, что больной ещё не проснулся, накануне ему дали успокоительное.

— Подождите в приёмной часок, а лучше полтора, — предложил врач.

Надежда Петровна решила не терять время и отправилась в ближайший «супермаркет» купить мужу бананов и апельсинов.

— Может, купить ещё кокос? — подумала она вслух.

— Кокос трудно чистить, — категорично заметил Ефимов.

— Ну, хорошо, вы пока побудьте здесь, — распорядилась Надежда Петровна.

Настасья и Ефимов присели на длинную деревянную скамейку у стены. Ефимов упёрся локтями в колени, шумно зевнул и потёр ладонями лицо.

— У вас такой вид, словно вы не выспались, — сочувственно заметила Настасья.

— Уже вторые сутки не высыпаюсь, — устало признался Ефимов. — Вчера сразу же, как приехал от вас в Управление, начал допрашивать задержанных.

— Они во всём признались? — спросила девочка. — Кто из них стрелял в папу? Они раскаиваются в том, что делали?

— Как же! Они раскаиваются только в том, что попались, — горько усмехнулся Ефимов. — Это плохие люди, поверь мне... Они получают немалый срок за незаконное хранение оружия, за стрельбу по работникам милиции. А вот с Циклопом дело забуксовало. После допроса я прямо за голову схватился...

— А каков он из себя, этот Циклоп? — перебила Настасья собеседника.

— Ах да, ты ведь никогда его не видела, —

вспомнил Ефимов. — Ну, в общем, это самый главный среди всех этих негодяев. У него один глаз. Но он этим глазом как будто сквозь стены видит...

— Это он приказал стрелять в моего папу? — напрямик спросила Настасья.

— Он. Но, к сожалению, у нас пока нет никаких улик против него. Он сказал, что увлекается коллекционированием монет и приехал искать клад купца Быкарина. Заявил, что затем собирался передать этот клад государству. А про своих подручных сказал, будто первый раз в жизни их видит.

— И вы ему поверили?! — возмутилась Настасья. — Я читала об этом Циклопе в записной книжке папы. Это настоящее чудовище! Записную книжку забрал у меня Галушкин. И монеты тоже. Заберите их у него...

Ефимов кивнул.

— Уже забрал. Они приобщены к делу как вещественные доказательства. И книжку я прочёл, и монеты рассмотрел... Ты, конечно, молодчина, Настасья! Я бы не догадался за две ночи, где спрятан клад. Хотя во многом тебе помог твой папа. Он наверняка угадал направление, в котором следует вести поиск. Не зря ведь притащил домой столько книг по нумизматике...

— И это не поможет расследованию, — грустно вздохнула Настасья. — Всё было напрасно...

Ефимов отрицательно покачал головой.

— Ты помогла нам взять с поличным Галушкина. Теперь Галушкин сдаст нам Цикло-

па. Если твой отец сейчас подтвердит, что в то утро ему звонил Галушкин и звал срочно ехать в Балашиху, то Галушкин уже не отвертится. Когда бандиты поймут, что у нас есть против них неопровержимые улики, они наперегонки начнут предавать друг друга, начнут выдавать сообщников, лишь бы скостить себе срок. Твоя сообразительность, Настасья, помогла обезвредить одну из самых опасных группировок в Москве. Так что не говори мне, будто всё было напрасно.

Настасья примирительно улыбнулась. Ефимов убедил её, и теперь девочку беспокоили уже другие проблемы.

— Папа, наверное, не обрадуется, когда узнает, что я натворила, — с виноватым видом произнесла она.

Ефимов подумал о том, сколько раз за последние двенадцать лет Валентин Куприянов рисковал жизнью, как часто смерть дышала ему в лицо, и сказал:

— Пожалуй, для него это будет не самая приятная новость. А ему придётся всё подробно рассказать.

Настасья больше удалась в отца, чем в мать. В эту секунду Ефимов подумал: Настасья и дня не проживёт без того, чтобы не ввязаться в какие-нибудь передраги, в опасные приключения! Ну, вылитый отец!

Дверь в приёмную открылась, и поспешно вышел врач.

— Хорошо, что вы не ушли! — обрадовался он, подойдя к Настасье и Ефимову. — Больной проснулся. Хочет вас видеть...

Когда они шли по коридору к палате, Ефимов сказал Настасье:

— Вначале я зайду к нему, поговорю о делах и расскажу о твоих подвигах, а потом ты заглянешь.

Девочка нашла его план очень удачным, потому что отца действительно надо было подготовить.

— И что сказал отец? — спросил Пашка Настасью, заглянув к ней вечером в гости.

— Врачи пока запрещают папе много разговаривать, он ещё слаб, — ответила девочка, заваривая чай и выкладывая на блюдо заварные пирожные. — А Ефимов долго беседовал с ним, рассказывал о нас с тобой... В общем, когда я зашла к папе, он только улыбнулся мне и сделал вот так, — она сжала обе ладони в кулачки и подняла большие пальцы.

— И что это значит? — с аппетитом уплетал Пашка свое любимое пирожное.

— Когда я закончила учебную четверть на одни «пятерки», папа показал мне вот так, — она протянула вперёд один кулачок с поднятым большим пальцем. — Это означало, что я молодец. Ну, а если папа показывал два кулака... Сам можешь понять, какая молодчина его дочь... Мой папа — немногословный, вот...

— И что будет дальше? — принялся Пашка сладкоежка за второе пирожное.

Помешивая ложечкой сахар в чае, Настасья пожала плечами:

— Дальше всё будет без нас с тобой. Ефи-

мов вышел из палаты очень довольный. Папа сказал, что в то утро его вызвал в Балашиху Галушкин. Теперь Галушкин начнёт выдавать всех сообщников, лишь бы его не приговорили к пожизненному заключению... Так что и Циклоп, и его подручные уже не отвертятся. Циклоп, наверное, получит высшую меру наказания, а его бандюги отправятся добывать уголь государству в зоне вечной мерзлоты.

— Ни капельки их не жалко, — кивнул Пашка. — Только мне кажется, твой героизм никому не был нужен. Галушкина арестовали бы и без твоей помощи, раз уж папа пришел в сознание. Так что зря мы таскались по под-земелью...

— И вовсе не зря! — горячо возразила Настасья. — Кто нашёл бы клад, если бы не мы? Да и Циклоп мог бы сразу ускользнуть, узнай он только об аресте Галушкина! А так его взяли на месте преступления да ещё и с поличным... И к тому же папа ведь сказал, что я молодчина!

Последний аргумент Пашка никак не мог оспорить — Валентин Владимирович Курпrianов и у него пользовался большим авторитетом.

— Или ты всё-таки считаешь, что я глупая дурёха? — требовала искренности от собеседника Настасья.

— Честно тебе сказать? — серьёзно посмотрел Пашка на свою подругу.

— Да уж, будь любезен, — загодя обиженно надула губы та.

— Я считаю, что ты — клёвая девчонка

и голова у тебя варит, вот, — изрёк изысканный комплимент Пашка.

Настасья не могла скрыть своего удовольствия и пододвинула к нему поближе блюдо с заварными пирожными.

— Что же ты совсем не кушаешь, Пашенька? Так и отощать недолго... Налить ещё чайку?

Пашка охотно протянул ей пустую кружку и спросил:

— А ты чем теперь займёшься?

— Будем с мамой навещать папу в госпитале. А когда он выпишется, поедем отдыхать. А ты?

— А я, между прочим, к тебе по делу пришёл, — не стал распространяться о планах на будущее Пашка. — Так как ты у нас теперь сильна в нумизматике, то скажи мне, что это такое?

Он достал из кармана джинсов золотую монету и с размаху припечатал её к столу.

На одной стороне монеты Настасья разглядела рыцаря в доспехах, опиравшегося на щит, на другой — щит с изображением львиной головы и год чеканки — 1609.

— Это ценный раритет, — определила девочка, пытаясь разобрать иностранные буквы, которые составляли надпись вокруг рыцаря.

— И насколько ценный? — впился взглядом в неё Пашка.

— Сейчас, пожалуй, она будет стоить не меньше тысячи долларов, а со временем ещё дороже, — прикинула Настасья, вспомнив оценочные записи в книжке купца Быкарина. — Это голландский реиксдалер.

— Какой? — Пашке показалось, что он не расслышал последнего слова.

— Ну, в Голландии в эту эпоху чеканили талеры. Но Голландия семьдесят лет воевала за свою независимость с Испанией. Поэтому на монете отштампован рыцарь в боевых доспехах. Причём Голландия была не единственным государством, а федерацией, которая состояла из нескольких провинций. Каждая провинция имела свой герб. Львиная голова была гербом голландской провинции Зеландия. Значит, монета чеканена в Зеландии. А в Зеландии талеры назывались реиксдалеры. Кроме того, обычные талеры чеканились из серебра, а этот реиксдалер — золотой. Знаешь, почему?

Пашка, обалдело уставившийся на подругу, молча pokrutil головой.

Настасья указала ногтем на дату чеканки.

— В 1609 году Голландия, после сорока трех лет войны, заключила перемирие с испанцами на двенадцать лет. В честь этого события отштамповали реиксдалер из золота. Вот поэтому монета — настоящий раритет.

— Откуда ты всё это знаешь? — проговорил пораженный Пашка.

— Ну, я продолжаю читать книжки по нумизматике, — пожала плечами Настасья.

— Зачем? Хочешь ещё один клад найти?

— Хочу, и не один, — гордо вскинула голову девочка. — Я решила, что после школы пойду учиться на археолога. Это ведь так увлекательно! Находить раритеты, узнавать их историю... С помощью одной такой монетки

узнаешь столько интересного... Кстати, где ты раздобыл эту монету?

Пашка слегка замялся. После такой предыстории ему показалось неудобным признать, что он просто-напросто прикарманил этот раритет.

— Когда мы нашли ларец и открыли крышку, я заметил, что одна монетка упала, — дал он свою трактовку событиям. — Ну, я, значит, подобрал... А сегодня подумал, что это несправедливо...

— Что несправедливо? — перебила его Настасья, положив монету на стол. — Несправедливо утаивать монету из коллекции? Конечно, несправедливо! Ведь тогда найденная коллекция считается неполной, и это снижает её стоимость...

— Несправедливо с тобой обошлись, вот что я подумал! Ты чуть не загнулась там, в подземелье, а тебе за это никакой награды! Ефимов и Шальковская наверняка получат ордена за эту операцию, а тебя оставят с носом. Вот я и решил презентовать тебе эту монетку... Вначале думал себе оставить на память. А нынче понял — ты должна её получить... Распоряжайся моим подарком, как тебе заблагорассудится.

Он толкнул большим пальцем реиксдалер, и тот скользнул по белой поверхности стола к Настасье.

Растроганная девочка отвернулась и крепко зажмурилась, скрывая выступившие слёзы.

Чтобы шуткой прикрыть своё волнение, она сказала:

— Как я могла раньше не ценить такого замечательного друга?

Шмыгнув носом, Настасья щелчком отправила реиксдалер обратно Пашке.

— Чего ты? — собрался уже обидеться Пашка.

— Напрасно ты думаешь, что меня забыли, — сказала Настасья, проводя указательным пальцем по торцу стола. — По закону тому, кто нашёл клад, полагается двадцать процентов от его стоимости. Мне это мама сказала. Ефимов звонил ей, говорил, что специалисты уже оценивают найденные монеты и называют какие-то астрономические суммы. Когда папа выпишется, мне заплатят эти деньги... Приходи тогда к нам на праздник.

— Обязательно приду, — пообещал Пашка.

— И если хочешь, можем вместе навещать моего папу, — предложила Настасья.

— И это можно, — кивнул мальчик.

— А реиксдалер должен остаться у тебя, — потребовала девочка. — Пусть и у тебя останется что-нибудь на память о нашем путешествии под Константиновской церковью. Мы никому не скажем, что коллекция купца Быкарина неполная. Подумаешь, монеткой больше, монеткой меньше! Какая разница?

— Совершенно никакой разницы, — задумчиво произнёс Пашка. — Только я вот что подумал. Надо всё-таки этот реиксдалер отнести к специалистам. Пусть коллекция купца Быкарина будет полной. Если бы мы сдали неполную коллекцию, то это означало бы, что

мы плохо поработали. Твой папа никогда бы так не поступил.

— Ты правильно думаешь, — улыбка засияла на лице Настасьи.

— К тому же получается, что я вор. А я хочу быть честным, иначе ты не возьмёшь меня с собой, когда в следующий раз отправишься на поиски клада. Мне ведь эти приключения тоже пришлись по душе...

Настасья звонко рассмеялась и торжественно пообещала:

— Клянусь, следующий клад отправляемся искать вместе!

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в которой на отца Настасьи Куприяновой совершается покушение.....</i>	3
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>в которой у семьи Куприяновых появляется один шанс из тысячи.....</i>	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>в которой бандиты тоже узнают, что у них есть один шанс из тысячи.....</i>	27
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, <i>в которой Настасью посещает подозрительная гостья.....</i>	40
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>в которой Настасья следит за подозрительной женщи- ной.....</i>	50
ГЛАВА ШЕСТАЯ, <i>в которой Настасья находит то, из-за чего покушались на её отца.....</i>	66
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, <i>в которой Настасья знакомится с записной книжкой.....</i>	77
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, <i>в которой Настасья пытается разгадать тайну девяти монет.....</i>	90
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, <i>в которой Пашка Чугунов не оправдывает ожиданий Настасьи.....</i>	101

Глава десятая,	
в которой Ирина Шальковская обнаруживает	
слежку за собой.....	110
Глава одиннадцатая,	
в которой Ирина Шальковская просит предоставить	
ей свободу действий.....	121
Глава двенадцатая,	
в которой Настасья разгадывает тайну монет.	132
Глава тринадцатая,	
в которой Настасья приводит в изумление Савелия	
Галушкина и Пашку Чугунова	146
Глава четырнадцатая,	
в которой выясняется, что Савелий Галушкин — не	
тот, за кого себя выдаёт.....	157
Глава пятнадцатая,	
в которой Настасья убеждается, что её догадка была	
верной	167
Глава шестнадцатая,	
в которой Настасья находит клад купца	
Быкарина.	183
Глава семнадцатая,	
в которой Пашка Чугунов оказывается проворнее,	
чем все от него ожидали.	201
Глава восемнадцатая,	
в которой Ефимов и Шальковская преподносят	
сюрприз Галушкину.....	212
Глава девятнадцатая,	
в которой Настасья и Пашка спасаются от Ирины	
Шальковской.....	226
Глава двадцатая,	
в которой Настасью растрогал подарок Пашки	239

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

Конев Егор Федорович

ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ КОЛЛЕКЦИИ

Для среднего школьного возраста

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.05.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 11 000 экз. Заказ 1192.

Фирма «Современный-литератор». Лицензия ЛВ № 319
от 03.08.98. 220029, Минск, ул. Красная, 5 — 12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

3.00

ISBN 985-456-239-5

9 789854 562391 >

ДЕТЕКТИВ для девочек
и мальчиков
ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ КОЛЛЕКЦИИ